

ДК-2

К-45

ХАРЬКОВСКИЙ
ДЕМОКРИТ.

МЕСЯЦ ЯНВАР.

19263 X 181br.

W

1-6

K
45

Handwritten notes in purple ink, including the number 20.

5. - ЯНВ. -

19263

19263

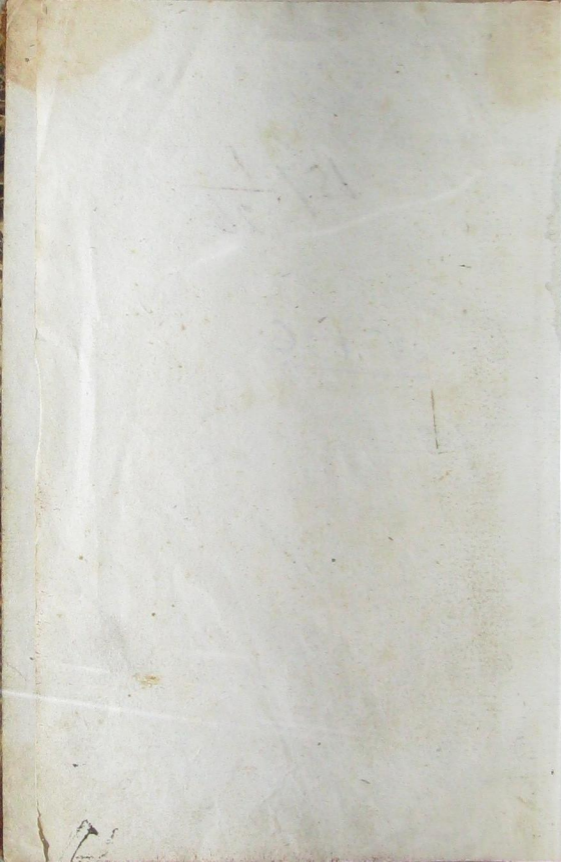
2/2

Handwritten signature or initials in blue ink.

157 $\frac{1}{26}$

W. 7-6

1934

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЬ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

К
45

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ тысячу, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

Въ май
июнь
25545

1926b

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

33

1926b

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ,
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатаніе оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Января 7 дня, 1816 года.

Декинъ Гавріиль Успенскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Вошь первая связка (*) Харьковскаго Демокрипа — Издапель еще не знаетъ ; какъ будуще судить объ ней ; но скоро, — (черезъ два, при дни) онъ услышитъ опзвъ просвѣщенной Публики. И — почтеть себя щаспливымъ, ежели хотя *нѣсколько* достигнетъ предназначенной имъ цѣли!

За долгъ особенный полагаю, упомянуть здѣсь о помѣ, что сей Журналь будетъ наполняться произведеніями нашего края. Издапель позволяеть себѣ помѣщать и напечатанныя піэсы, но только тѣ коихъ Сочинители принадлежатъ *нашему* же краю. Во первыхъ для того,

---

(*) Издапель вмѣсто *книжки* употребилъ *связка*, дабы не вышло противорѣчія заглавному листу Журнала.

дабы познакомить *отдаленныхъ* чипашелей сего Журнала (издашель льстипшь себя надеждою, япо таковые найдутся) съ произведеніями нашими; а во впорыхъ, дабы совершенно соблюсти названіе *Харьковскаго* Демокриша.

В. М.

І.
П О Э З І Я.

І.
ОСНОВАНІЕ ХАРЬКОВА

*(Усердно посвящается почтеннымъ гражда-
намъ Слободско-Украинской Губерніи.)*

Полтора ста лѣтъ назадъ,
Стары люди говоряшъ:
Подлѣ Лопани частенько
Яковъ съ Галкой пѣлъ.

Галка дочь, Харька была
И красавицей слыла;
А Харько былъ первый житель
Еъ Слободской странѣ.

Яковъ былъ Харька бапракъ
Парень бойкой — не дуракъ.
И за то любимъ былъ Галкой
Словно братъ родной!

Ежели хопяшъ друзья,
Знашь подробно ошъ меня,
Что бывало Яковъ съ Галкой
Межъ собой поюшъ?

Коль хопите — я готовъ
Расскажь вамъ ихъ любовь.
Ну, шакъ сядемъ у камина
Я начну рассказъ:

Чуть *Харько* куда поидеть,
Яковъ съ *Галкой* шопчасъ вслѣдъ,
Бросивши свою работу
Къ Лопани спѣшащъ.

Тамъ подъ спарымъ дубомъ (*) спавъ
Нѣжно другъ друга обнявъ
Жалко и почши сквозъ слезы
Пѣснь сію поющъ:

Я к о в ъ.

Галко! що мини робышь?
Якъ безъ тебе ризно жипь?
Я убогій сыропынка
Полюбивъ себе!

А *Харько* швій пан-отець
Не сплете нашихъ сердець —
Якъ любовь мою пронюха
Лыхо буде намъ.

(*) Пень сего дуба и теперь видѣть можно не-далеко отъ моста.

Г а л к а.

Якивь любый не жалкуй,
Та *Галусю* поцѣлуй.
Хшо иміе добру душу
Не богащъ хиба?

Разумъ мае, хшо здоровъ,
Мае хшо шаку любовь,
Якъ голубчикъ *Якивь* мае
Чи ще небогащъ?

Я к о в ъ.

Та се шакъ, ша не зовсимъ —
Той богащый въ свини сѣмъ
Воливъ мае хшо, корову,
Свиней, поросящъ.

Шапку гарну, ша жупанъ,
Той богащый, шой и панъ —
Ни лебедыку, *Галуся*
Я не буду швій.

Г а л к а.

Я расплачусь, якъ мала.
Колы хочъ, щобъ я жила,
Тавъ скажу моему шапы:
Нехай *Якивь* мій.

Винь заруки визьме насъ. . .

Я к о в ъ.

Винь *Галусѣ* скаже: зась.

Г а л к а.

Ни сіюго *Харько* не скаже
Любе винь дочку.

Я к о в ъ.

Ни, *Галуся*, не кажы
Якива побережы —
Якъ *Харько* про се узнае
Скаже: геть зъ двора.

Тогди *Якивь* не барысь,
По караси въ ричку лизь —
Ни, *Галуся*, колы любыщъ
Не кажы сіюго.

Будемь жыпы, якъ живемь.
Колы можно однимь днемь
Забарышь разлуку нашу
То и ше гораздь.

Г а л к а.

Гарно, *Якивь*, не скажу.
Ось шобъ щю доложу:
Колы не швоя я жинка
Дивка цѣлый викъ!

Тупь обнявшися шѣснѣй,
Поцѣлуяся нѣжнѣй,
Яковъ съ *Галкой* расходяшя
По своимь мѣстамь.

Каждый часъ и каждый мигъ ,
Лишь оспанулся въ двоихъ ,
Яковъ съ Галкой ужъ подь дубомъ
Тожъ да тожъ поюшъ.

Такъ почпи они весь годъ
Подъ дуба и у водъ
Жизнь щаспливу провождали. —
И завидну жизнь !

Но однажды люшой рокъ
Вздумалъ дашь имъ злой полчокъ.
Въ упоеніи воспорга. . . .
Ихъ заспалъ *Харько* !

Онъ давно ихъ подмѣчалъ ,
Чшожъ въ душѣ онъ ощущалъ
Горлицъ сихъ въ любви поймавши ?
Только знаешъ онъ.

Праведный смиря свой гнѣвъ,
На холмѣ (*) высокомъ сѣвъ,
Бапраку велѣлъ и дочкѣ
Подойти къ себѣ.

Имъ сказалъ шакую рѣчь:
Васъ бы надобно посѣчь
Но я здѣлаю опшмѣнной
Мой надъ вами судъ.

(*) Что теперъ лѣстница недалеко отъ присуд-
ственныхъ мѣстъ.

Разумѣется не шакъ
Говорилъ *Харько*, возакъ.
Говорилъ онъ имъ хохлацку
Не Московску рѣчь (*).
Я какъ добрый вашъ отецъ,
Вашей дамъ любви конецъ,
Только, *Яковъ*, шы мнѣ прежде
Службу сослужи.

Рѣчь шаковская *Харька*
Показалась имъ сладка.
Яковъ, павши на колѣни
Первый говорилъ:

Пань — *Харько*! отдай мнѣ дочь
Я служишь шебѣ не прочь,
Для *Галуси* все исполню
Что мнѣ ни велишь.

Галка въ очередь свою
Рѣчь опцу сплела сію:
Тоже спавши на колѣни
Какъ ея дружокъ.

Милый башюшка драгой
Будь лишь полько *Яковъ* мой —
Предприняшь и я гошова
Самый шяжкій прудъ.

(*) Рѣчи героевъ сей Баллады должны бы быть на Малороссійскомъ языкѣ; но многіе замѣтили Издашелю, что это будетъ шероховато.

— Встаньте дѣти — ладно ужь.

Яковъ! пы ей будешь мужъ,

Ежели пы мнѣ доспанешь,

То, что я скажу:

Поѣзжай-ка въ Ахмечеть,

Гдѣ Гапарскій Ханъ живешь —

Съ бороды его мнѣ мерзской

Вырви пукъ волосъ.

Кончивши сіи слова

Вспаль Украинскій глава,

И — съ холма свой пушь направилъ

Прямо въ домикъ свой. (*)

Яковъ же, его бапракъ,

Пораженъ былъ эшимъ такъ,

Что чрезъ часъ насилу въ памяшь

Съ *Галкою* пришелъ.

Осѣдлалъ попомъ коня.

Вмѣстѣ съ *Галкою* спеня,

Богатырскіе доспѣхи

Онъ *Харька* надѣлъ.

Съ дѣвицей проспась, съ *Харькомъ*,

Бѣдный *Яковъ* съ лошакомъ

Въ двѣ минушы съ половиной

Невидимкой спаль.

(*) Хижина *Харька* по преданію была тамъ, гдѣ теперъ домъ почтеннаго отца Андрея Прокоповича.

Чпоже *Галка*? ахъ! она,
Тяжко сдѣлалась больна.
Чушь ли не была въ горячкѣ —
Самый сильный бредъ!

Хоть *Харько*, ее жалѣлъ;
Но помочь ей не умѣлъ.
Яковъ, былъ уже далеко. . . . .
Онъ лишь ей бальзамъ!

Тушь *Харько*, мой въ первой разъ
Слезы выкапиль изъ глазъ,
Кои на сѣдые усы
Падали дробясь.

А по *Фескѣ* (*) по женѣ
Не лились ужель онѣ? . . .
Феська съ позволенья вѣдьма
У *Харька* была.

Такъ ее онъ не любилъ,
Попому и слезъ не лилъ —
Машери жъ, опца, лишился
Еще въ дѣшствѣ онъ.
Но довольно опсвупать,
Стану повѣсть продолжать:
Панъ *Харько* поплакалъ — вздумалъ
Яшку ворошить.

(*) *Феська* была жена *Харька*.

И Терешку и Грицька,
Елымаха и Яцька,
Федька, Власа и Юхима. . .
Всѣхъ послалъ за нимъ.

Каждый лошады осѣдлалъ.
Въ слѣдъ за Яковомъ скакалъ,
Каждый къ ночи возвратился
Безъ богатыря.

Поскакалъ Харько бы самъ
Въ слѣдъ по Якова спопамъ,
Но не зналъ, кому Галусю
Поручить свою.

Чшоже дѣлать? какъ же бышь?
Какъ Галусъ пособишь? —
Бѣдненькой ей очень трудно. . .
Чушь дышишь она.

Люди, вздумали водой
Покропишь ее святой.
Спавяшь, образъ Николая
Надъ ея главой.

Власъ, крестясь поклоны бьешь,
Елымахъ, псалмы поешь,
Юхимъ, съ Федькой, на колѣнахъ,
Плачущъ Гриць, Яцько. . . .

Всѣ *Харька* любили дочь,
Всѣ хошѣли ей помочь.

„Добрая живи *Галуся*!“

Такъ молились всѣ.

Не взыщете на меня,

Милые мои друзья!

Я прерву въ семь мѣстѣ повѣсть

До другаго дня.

Завтра поже вечеркомъ,

Какъ шеперь предъ огонькомъ

Я вамъ славные походы

Якова скажу.

Много онъ наспроишъ шпукъ

Волосовъ доспанешъ пукъ

Съ бороды *Ташарска* *Хана*

И *Харьку* ошдашъ!

Но скажу вамъ наперѣдъ:

Я опличный сей походъ

Раскажу другимъ размѣромъ

Эпошъ надоѣль.

(Продолженіе впрѣдъ).

Мслучъ.

Пѣснь лужѣ.

Пускай иной потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ спрашны Оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ лужа ты въ нещасной долѣ
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А лужей брезгуешь народъ.

Но насѣкомы неисчетны
Для гордыхъ взоровъ непримѣсны
Зрятъ въ лужѣ дивный океанъ,
И въ подлыхъ жабахъ страшныхъ кишоть!
Четвероногихъ Сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ:

Паши украшены щетиной
Презрѣнною своею тиной
Не промываюшся на пухъ;

За бархатъ грязь они щипають
И въ роскоши такой не чають,
Что ихъ говоvашь подь обухъ.

Ни предь ручьемъ, ни предь рѣкою
Ты не похвалился водою;
Но страннику въ несносный жаръ
Вода своя въ степи Ливійской,
Или въ пустынь Аравійской,
Небесный кажешя нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордишя
Шумить волнами и стремится
Достигнушь грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой
Однимъ Всесильнымъ обозримой
И море лужа, какъ и ты.

Хотябъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но чтожъ! предь мудрыми очами
Столь почитаемые нами
Коралль и бисеръ — шаже грязь.

Нѣтъ! лужи я не презираю
Я въ лужѣ пользу обрѣтаю:

Наставникъ лужа для меня
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны
Сію намъ истину глася:

—

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ помѣ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду
Плодятся — множашся всегда!

Нахимовъ.

—

3.

Б А С Н И.

3.

Орелъ и Стрѣлокъ.

Не пронь меня! орелъ вдругъ крикнулъ на стрѣлка:
Дерзнешь ли выстрѣлить по мнѣ твоя рука?
Орловъ и Римляне и Греки уважали
Священными они насъ признавали!
То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,
А нынѣ людъ умнѣе спалъ;
Не очень о твоей заботится породѣ:
Теперь ужъ не Орлы, а Попугаи въ модѣ.

Нахимовъ.

2

26545

Дубъ и Свинья.

И свиньи не всегда такъ хрюкають, какъ свиньи.
А говорить онѣ подь часъ и полапыни!
Легко я это докажу,
Коль анекдотъ одинъ про свинью расскажу:
Свинья задумала однажды проходиться,
И прямо въ лѣсъ идѣтъ,
И думаешь: авось ей шамъ случится
Наполнить свой животъ.
И ненапрасно такъ хавронья полагала,
Лишь только въ лѣсъ она вошла,
Подъ дубомъ желуди нашла,
И съ аппетитомъ кушашъ спала.
Досадно дубу, что его
Свинья плодъ славный пожираетъ,
А благодарности не знаетъ.
Не стоишь ты вниманья моего,
Такъ наконецъ онъ къ ней вѣщаетъ:
О грубая и глупая свинья;
Ты милостей моихъ ничуть не понимаешь.
За вкусный плодъ, который ты съѣдаешь
Не смотришь даже на меня.
Ябъ вашей преподобной чести
Такъ говорить свинья въ отвѣтъ:
Отвѣсила поклоновъ двѣстѣ
За вкусный вашъ обѣдъ.
Когда бы вѣдала я точно,
Что вы бросаете *миѣ* желуди нарочно.

Мслвчъ.

5.

Ласточка и Колоколъ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
И шамъ же ласточка гнѣздилась.
На колоколъ вдругъ птичка разсердилась
Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ.
Въ сосѣдствѣ жить съ шобой моихъ силъ не до-
спанешь.

Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя,
Но чтожь? звонарь меня
За длинный мой языкъ всегда насильно шянеть.
А ты, глупонь, за чемъ ты поднимаешь крикъ,
Ужели и себя кто шянеть за языкъ?

Нахимовъ.

6.

Книгопродавецъ и Слоноъ.

Зашель Слоноъ мудрый въ книжну лавку.
За чемъ? — не книги ли читать.....
Когда не вѣрите, извольте сдѣлать справку,
Изъ Бори, Плинїя, вы можете узнать,
Сколь въ древности Слоны учены были:
Они по Гречески читали — говорили,
И славились большимъ умомъ!
На щетъ Слонова просвѣщенья
Во мнѣ нимало нѣтъ сомнѣнья —
И въ наши времена Французскимъ языкомъ

Премножество звѣрей болтають,
И хорошо языкъ Французскій понимають.
Сороки, галки и грачи,
Легавы, мопсы и борзья,
И попугаи полкачи,
Фидельки, шавки и другія —
Изволять такъ языкъ Французскій понимаешь,
Что думаю на врядъ,
Съ звѣрьками сими сговоряшь
И наши барыни инья!
За чѣмъ же сомнѣваешься намъ,
На Плинія не полагаешься,
Что мудрымъ будто бы слонамъ
По Гречески не можно было изъясняться? —
На щеть учености Слона
Когда чипашель мой увѣренъ,
Я басню продолжать намѣренъ
И вотъ она:

Слонъ *описаніе животныхъ* отыскавши,
И со вниманьемъ прочитавши,
Съ начала долго хохоталъ,
Потомъ такъ книжнику сказалъ:
„Лишь человекъ, краса вселенной!
По утвержденію писателя сего
Умомъ одинъ лишь одаренный —
А въ прочихъ звѣряхъ нѣтъ его.
Но естли вникнемъ въ сочиненье,
Какъ сочинитель судишь въ нёмъ,
То можно сдѣлать заключенье
Пренеошибочное въ томъ:
Что авторъ самъ, ниже умомъ,

Ниже инстинктомъ управлялся,
Копорымъ насъ онъ всѣхъ дарить.
И можно ль, чтобы пошь и самъ незаблудался,
И могъ бы начертить
Всѣхъ тварей свойства справедливо.
Кто собственну свою натуру знаетъ лживо?
Смотрите, какъ онъ описалъ
Постельную собачку ложно.
Ахъ! сколько при дворахъ ей поучиться должно
Далеко отъ дворовъ собачій родъ отспалъ!
А хипростямъ лисы кто станеть удивляться!
Ну можеть ли она съ приказными равняцца?
Она передъ крючкомъ
Осель осломъ.
Льва, шигра, леопарда, волка,
За кровожадность всѣ клянущъ,
И шущъ,
У автора не много шолка.
Какъ будто люди межъ собой
Живущъ душой одной!
Добычею другъ другу не бывающъ?
Подобно имъ, они другъ друга умерщвляющъ.
Хозяинъ книгъ отъ эпихъ словъ
Пришелъ въ такое умиленье —
Онъ предъ Слономъ былъ пастъ готовъ.
Чтобъ изъяснить ему почтенье,
Онъ скинулъ шляпу, къ мудрецу —
Съ улыбкой ангела подходишь
И разговоръ такой заводишь,
Какой приличень лишь купцу:

Ахъ государь милосливѣйшій!
Ужь какъ менябъ ты одолжилъ,
Когда бы *коммунтарій* злѣйшій,
На что *нибудъ* ты сочинилъ,
Или изъ Греческой книжонки
Нельзя ли что *нибудъ* издать?
Ябъ вамъ хороши далъ деньжонки,
Отнюдь не спалъ бы прижимать. —
Въ насмѣшку Слонь, книгопродавцу
Наморщилъ длинный хоботъ свой,
Такъ отвѣчалъ сему мерзавцу:
Мнѣ нѣшу нужды ни какой
Въ твоихъ деньгахъ, прїятель мой!
Храни ихъ для себя, да лучше будь умнѣ.
Пусть люди на людей свой изливаютьъ ядъ,
Въ нихъ зависть дѣйствуетъ сильнѣ,
Чѣмъ ожиданіе награды.

Мслвчъ.

4.

ЭПИГРАММЫ.

7.

Испорченный Соловей.

Пѣвалъ Соловушка и складно и согласно,
Бывало всѣ ему дивилися въ лѣску. —
Да чтожь съ нимъ сдѣлалось? всѣ прочь ле-
пятъ — ужасно! —
Онъ вздумалъ быть творцемъ, и въ пѣсни ввелъ
треску!!

Впередъ колъ Соловья испоршишь не хотише,
Такъ не во всемъ его хвалише.

8.

На худыхъ стихотворцевъ.

Я думалъ прославляшь,
Монаршій родъ хвалами;
Но начали перебивать
Пономари колоколами.

Срз.

9.

Клеонъ.

Всѣ говорятъ, Клеонъ, тебѣ:
Что ты *дптя* и ты бранишься,
Благодари твоей судьбѣ —
Ты въ рай (*) ошель переселишься.

10.

Федуль.

Федуль! большое мнѣ ты сдѣлалъ одолженье,
Что длинное свое чиналъ мнѣ сочиненье.
Какъ, слушая его, пріятно я! . . . заснулъ.
Богъ награди тебя Федуль!

11.

Увѣренность.

Буду ли я завтра жить?
Я не знаю вѣрно.
Естьлижъ буду завтра жить;
То что буду завтра пишь
Это несомнѣнно.

(*) Марк. гл. 10. ст. 14. 15. 16. Мате. гл. 13. ст. 3. гл. 19.
ст. 14. 1. Посл. къ Кор. гл. 14. ст. 20. 2. Петр. гл. 2. ст. 2.

12.

А р и с т в .

Лишь только подана была Аристу трубка,
Онъ спалъ кричать какъ безъ разсудка:
О величайшій плутъ Пахомъ
Убей тебя небесный громъ!
Какъ быть безъ совѣсти — безъ Бога —
Содрать и такъ божишься многа —
И присягать!! табакъ хорошъ,
Который къ ~~чарту~~ негодится. . .
— Аристъ! за чемъ тебѣ сердиться?
Купецъ побожится за грошъ;
А за што — какъ не побожиться?!

Мслвчъ.

5.

ЭПИТАФИИ.

13.

А. Н. Нахимову.

Жалѣеть Фебъ и плачуть Музы!
Нахимовъ умеръ — ихъ пѣвецъ —
Въ восторгѣ! Врачъ, Педантъ, Французы,
Ослы, Кокетки, Франтъ и Лъстецъ,
Крючки жъ — отъ радости въ шрактирѣ!
Что нѣтъ Нахимова въ семь мѣрѣ!

14.

Секретарю.

Подъ сею насыпью гнѣеть извѣстна тварь,
Ей имя: Секрешарь.

Всѣ знаютъ чрезъ сіе названье,
Что тварей эшихъ цехъ
Намъ данъ отъ Бога въ наказанье
За нашъ великій грѣхъ.

15.

М о л с у.

Фиделька, Мопинька, предметъ нѣжнѣйшій, Лади,
Подъ этой бронзою сокрытъ.
Ахъ! лучшебъ померли: топ рѣге, и тѣге, и дяди...
Такъ Лади въ горести вопить:
Согласна бы лишилась бѣлки!
Чѣмъ милинькой фидельки!

16.

Л а д и н ь к ѣ.

Не долго Ладинька лила по мопсу слѣзки.
Съ печали умерла она
И похоронена,
Не далеко отъ моськи!

17.

Л у к е р ь ѣ.

Гнѣюшь Лукерьины здѣсь кости,
Котора умерла со злости.

Мслечъ.

18.

КАРРИКАТУРА.

Р ы ц а р ь.

Стоитъ конь бурный у крылечка,
Поднявши въ верхъ свое чело.

Вся въ серебрѣ на немъ уздечка;
На немъ Турецкое сѣдло.
Сѣдло съ стальными стременами
Чепракъ съ золотыми бахрамами.

—
Конь богатырскій ржетъ, грохочетъ
Главою и ушми трясетъ;
Сыру землю ногами топчетъ; —
Со удиль влажна пѣна бьетъ.
Кого же ждетъ сей конь решивой?
Кшо будетъ пошь ѣздокъ щасливой?? —

—
Выходитъ молодець удалый
По богатырски разодрать;
На немъ мундиръ Московскій алый.
На немъ и шарфъ и эполетъ
Камзолъ обшитый галуномъ,
Булатна сабля съ темякомъ.

—
А на головушку уборну
Онъ надѣваетъ шляпу черну. —
На шляпѣ бѣль султанъ дрожитъ,
И сабля съ шпорами звучитъ.
Онъ на добра коня садится,
Решивый конь подъ нимъ гордится.

—
Онъ тронулъ шпорами коня:
„Вези шы добрый конь меня!

Конь съ рыцаремъ стрѣлой пустился;
Огонь и дымъ въ ноздряхъ открылся;
Сыра земля подь нимъ дрожишь;
За ними сѣра пыль летишь. —
Куда такъ рыцарь быстро мчится?
Не въ полель ратное спремится,
Чшобъ мститъ отечества врагамъ? —
О какъ онъ будешь страшенъ шамъ? . . .

Но что я вижу? — рыцарь бранный?
Скажи! куда такъ ѣдешь ты?
Таковъ ли путь шобой избранный?
Иль вижу сонныя мечшы?
Или то истинны примѣшы,
Что рыцарь ѣдешь у кареты?
Въ порядкѣ съ заднимъ колесомъ
Щитаешь спицы онъ верхомъ?

Не столько подвигъ сей достоинъ,
Чшобъ въ немъ шрудился храбрый воинъ!
А вотъ! нахалливо въ карету
Онъ, выпуча глаза, глядишь; —
Кого же видишь шамъ? — Брюнешу; —
Брюнеша — грудь его щимишь.

Брюнеша хороша — прекрасна
Осанкой, взоромъ и лицемъ;
Но грудь Брюнешина безспрашна
Предъ симъ удалымъ молодцемъ.

Нашъ рыцарь ѣдетъ вокругъ кареты;
Нашъ рыцарь вѣтся вокругъ Брюнеты,
То съ той споронки, то съ другой;
Но нѣтъ удачи никакой.

Ни въ пущь, ни въ дѣло всѣ пролазы;
Онъ слышитъ лишь одни отказы; —
Но онъ еще надеждой льстится;
Еще кипитъ горяча кровь;
Онъ мнишь, что дѣвица стыдится
Ошкрыть ему свою любовь.
Онъ думаетъ еще атакой
Брюнеты милой сердце взять;
Но крючокшворской знать ухваткой
Сердцеъ нельзя завоевать.

И вмѣсто страстнаго отвѣта
Ошкрывъ окошечко Брюнета
Сему богатырю пригожу
Учшиво налевала въ рожу,
Сказала прямо на ошрѣзь,
Чтобъ больше онъ въ глаза не лѣзь:
Чтобъ больше, рыцарь, не трудиться,
„Извольте въ задъ поворотиться!
„Да просимъ милости впередъ
„Не вращъ такихъ мнѣ глупыхъ бредъ.

Съ досады рыцарь нашъ задохся;
Хошѣлъ схлебнуть, бѣднякъ — обжогся; —

Насупиль богатырску морду,
Поворошил коня назадъ;
Согнулъ свою осанку горду
И въ землю свой пошупиль взглядъ;
А богатырской неудачей
И бодрый конь его спалъ клячей.

Срз.

19.

Меланхоликъ
на
Кладбищѣ.

Сокройся, адска свѣща лествъ .
Бѣги отселѣ, ухищренье!
Бѣги, ехидное смиренье!
Бѣги, неправда, злоба, мечь! .

Бѣжать? кому? кого бѣжать?
Здѣсь все въ безмолвьи цепенѣтъ,
И шрепетна луна темнѣтъ . . .
Меняль боишься освѣщать??

Не крой, не крой своихъ лучей
О Цинтїя! не крой за горы:
Я не злодѣй, я не злодѣй!
Дай бросишь на себя мнѣ взоры .

Изъ подъ гробовъ бьешь ключь къ той жизни,
Гдѣ умирать забудемъ мы. . .
Тамъ Князь, тамъ Царь намъ будетъ ближній,
Тамъ бѣды насъ не облажущь тьмы. . .

Злодѣй! гробницамъ безъ боязни
Повѣришь можешь ты себя —
Не бойся свѣтскаго суда.
Въ немъ рѣдкихъ поспигаютъ казни. . .

Здѣсь можешь сердцемъ потужить
О другъ! обманушый на вѣки.
Здѣсь можешь ты и то забыть,
Какъ злы подъ солнцемъ человѣки!

Здѣсь умолкаетъ спонь заботь.
Здѣсь откровенность не спрадаетъ. . . .
Здѣсь блеска пыль не потемняетъ. . .
Но ахъ! никто сюда нейдетъ.

Когдабъ снѣдаемый чesпями.
Не жмуриль предъ могилой глазъ,
Тогда у Трона. . . межъ льстецами
Сказаль бы правду онъ хоть разъ. . .

Скупецъ! направъ сюда свой пушь.
Забудь о бѣдности помленье. . .
Тебѣ безъ денегъ отдадутъ
Кусокъ земли на погребенье. . . .

Богачь! и ты бѣжишь? и ты?
Тебѣ никто здѣсь не наскучить.
Здѣсь бѣдныхъ вопль тебя не мучить:
Нѣтъ болѣе здѣсь нищеты.

Красавица! куда идешь?
На безобразье и не взглянешь. . .
Но твой румянецъ не увянешь,
Когда на кладбищѣ вздохнешь. . .

Почто дрожишь? надгробный крестъ
Тебѣ нисколько не мѣшаетъ
Въ прекрасны кудри розу вплестъ. . . .
Женихъ тебя не забываетъ.

О Люди! иль страшна вамъ смерть?
Шестидесятилетний домъ дубовый?
Кто раньше съ чувствомъ симъ знакомый,
Тому не больно умереть.

На кучѣ плавящихся костей,
При шрескѣ грома, въ часъ полночи,
Сомкну сна жаждущія очи
Приятнѣй, чѣмъ на ложѣ фей. .

Не лести злоковарный сонъ
Мнѣ возвѣститъ восходъ Авроры,
Но роковой могильный звонъ
И догребательные хоры.

Ктожь будущъ здѣсь мои друзья?
Не вы, злшые лицемѣры.
Не вы, въ овечьей кожѣ звѣри!
О шѣни! съ вами буду я .

А естли скорбь меня стѣснить?
Чтожь? эхо погрустить со мною.
Коль слезы потекушь рѣкою?
Вѣтръ свѣешь ихъ и осушишь.

Но я ужь плакать немогу:
И слезы высохли съ душою . .
Гнѣшущую меня шугу
Беру въ товарищи съ собою.

Со мной она среди холмовъ,
Со мной среди лѣсовъ дремучихъ,
Со мной среди песковъ зыбучихъ,
Со мной средь пира и гробовъ.

И съ кѣмъ несчастный подружить?
Онъ блѣдень! слѣдственно распутникъ.
Онъ плачешь! слѣдственно преступникъ“!
Вотъ какъ щаспливецъ заключишь!

Вотъ для чего я съ вами, гробы!
Признайтесь: сколько плѣтешь въ васъ
Жершвъ человѣческія злобы??
Тсъ!.. шепчешь подземельный гласъ:

„Сего сразилъ жестокой гладъ
Сарданапала предъ вратами.
Сей палъ за то, что межъ Князьями
Твердилъ: *наслѣдятъ злые адъ.* .

„Тамъ подъ полусогнившимся пнемъ
Сошлѣлъ убитый клеветою.
Внемли плачевной тѣни вою. . . .
Такъ стонешь ноцію и днемъ!

„Здѣсь юноша, на упрѣ дней
Безсмертьемъ дышущій и славой,
Заранѣ отъ своихъ друзей
Удавленъ зависти оправой.“

Умолкни, горестная вѣсть!
Ты слишкомъ — слишкомъ справедлива. . .
Но ты ужасна, хоть нельстива. . .
Кудажъ стопы свои унести?

Наставь меня: гдѣ правды тронъ!
Гдѣ истины не вянущъ крины?
Гдѣ сильныя земли безсильны?
Гдѣ незнакомы: плачь и стонъ?

Скажи мнѣ: гдѣ не смѣютъ враны,
Орлиныхъ потопшамъ слѣдовъ?
Наставь меня: гдѣ обезьяны
Безумцамъ не вскружатъ головъ?

„Нигдѣ, несчастный Пилигримъ!
Безъ терну не алѣютъ розы. . .
Такъ вѣрно вами, горьки слезы!
Мы хорошо людей смѣшимъ. . . .

—
Слѣдотствуй, злобая фортуна!
И обольщай, какъ ты, слѣпыхъ. . .
Бьешь часъ! — обрушится подлунна,
Любимцевъ погребешь своихъ. . .

—
А тамъ — въ превыспреннихъ чертогахъ
Прозябнуть Лиліи добра
Онѣ тебѣ — тебѣ, кто Бога
Не вѣсилъ на кускѣ сребра.

20.

*Пѣснь посвященная ирою, потерявшему
ногу въ Лейпцигскомъ сраженіи.*

Герой! ты долгъ исполнилъ свой:
Любилъ отечество безъ лести,
И за него свою лилъ кровь.
Священна такова любовь!

—
Не любить тошъ страны своей,
Кто одного себя въ ней видитъ,
Кто для того на брань спѣшитъ,
Чтобъ алчношъ злата ушущитъ.

Не любить тошь страны своей;
Кто чахнетъ отъ любви ко славѣ,
И не умѣя спать въ ряду
Ужь хочешь равнымъ быть вождю

Не любить тошь страны своей,
Кто растопясь, какъ воскъ отъ зноя
Предъ вспыхнувшимъ любви огнемъ,
Желаетъ *милымъ* быть — съ мечемъ.

Не любить тошь страны своей,
Кто вѣренъ Марсу лишь дошолѣ,
Пока алмазь иль изумрудъ
Отважную украсяетъ грудь.

А шамъ... и шарфъ его и мечъ,
И страшный шлемъ огнепернатый,
А съ ними и вопель самъ
Падеть къ Миладинымъ ногамъ...

Ктожь любить истинно свой край?
Тотъ, у кого отцовы слезы,
Сменящи братья, сестры, мать
Не возмогли меча отнять.

Тотъ, кто лишась одной ноги
Отъ раны чуть влачитъ другую,
Кто опершись на костыляхъ
Груститъ: за чемъ онъ не въ бояхъ?

Тотъ, кто на уязвленну грудь
Поникнувъ, въ умиленьи плачетъ,
Что Руская печать въ немъ кровь —
Священна шакова любовь!

—
Тотъ, у кого не братска (*) смерть
Изторгла жалобные вздохи. . .
Можайскъ! тебѣ — тебѣ сей стонъ:
„Съ безсмертными не умеръ онъ! —

Георг. Райдаровскій.

(*) Меньшой братъ героя убитъ въ Можайскомъ сраженіи.

II.
П Р О З А.

21.

*Утѣшеніе для несчастныхъ, родившихся
29 Февраля.*

(Изъ Лихтенберга).

Кто что ни говори, а право, человекъ, который только черезъ четыре года долженъ праздновать день своего рожденія, не похожъ на обыкновенныхъ людей. И такой по многимъ отношеніямъ очень мало разнился отъ немалаго числа бѣдняковъ, у которыхъ слишкомъ много опцоевъ. Ибо, что пріятнѣе для безсмертнаго существа, въ насъ обитающаго, какъ не то, что онъ видитъ, когда и кромѣ его существа того же рода радуются его бытію и жизни? Пусть радость сихъ существъ бываетъ очень часто и не самая искренняя, нѣтъ нужды, во всякомъ случаѣ не менѣе пріятно видѣть, что сіи существа принуждены такъ дѣлать, какъ будто онѣ радуются. Правда, искренняя радость выражаетъ любовь; но за то не искренняя показываетъ опасеніе или уваженіе, которыя во многихъ случаяхъ еще несравненно выгоднѣе. Изъ сихъ то изъявленій радости несчастное

твореніе, радившееся 29 Февраля, по самому корошкому щопу своей жизни шерьешь, покрайней мѣрѣ, семдесятъ пять чиспыхъ проценовъ въ сравненіи съ другими людьми. Каково это? чшобы шо нбыло, желаніе въ прозѣ, спишки, или наспоящіе стихи, лешпочки, цвѣшочки, пирошки, фейерверки, иллюманаци и пушечные выпрѣлы, все 75 проценовъ нѣшъ, какъ нѣшъ. Все это еще не шакъ важно. Но ешъли положимъ, чшо сей нешаспный ешъ правитель области, или директоръ городского училища, имѣющій право вынуждешь *доброхотные* подарки на день своего рождешя; какъ ему бышъ? можешъ ли онъ шребовашь подарка каждый годъ, когда слѣдуешъ ему въ 4 года, получить его шолько однажды. И шакъ 29 числа Февраля въ шѣхъ годахъ, въ кошорыхъ сей мѣсяцъ имѣешъ шолько 28 дней, не супъ ли истинный *Греческія Календы*? Но сіи Календы супъ шолько спшхотшворное ничшо, а 29 Февраля при раза въ каждые 4 года составляющъ дѣйствительное празашческое ничшо общежитія и ежедневнаго обыхода. Въ шакомъ случаѣ это уже нѣчно другое, шо шолько на словахъ, а это и ошущштельно.

Все доселѣ сказанное относилсѣ поль-
ко къ Физическимъ ущербамъ; съ нрав-
ственной стороны потеря еще болѣе.
Еслии кто нибудь хочетъ въ день сво-
его рожденія положить законъ что ни-
будь впередъ дѣлать, или не дѣлать, *на*
пр. Г. такой-то ранѣе вставать, или въ
слѣдующемъ году непременно прочитавъ
всю Библию, или болѣе не пить водки, ка-
кая нибудь дама; — (*) по натурально для
такогого человѣка всѣ подобныя зареканія
пропадающъ. Но, скажущъ, у нихъ все
таки есть день новаго года. — Это все
еще ничего; попому, что и обыкновенные
люди имѣющъ день новаго года, но все
этимъ не убавляется ничего изъ 75 про-
центовъ.

Чтожь дѣлать наконецъ? чѣмъ по-
мочь этому, посмопримъ: хопя человѣкъ
родится въ извѣстный день и въ извѣ-
стное число; но его вступленіе въ свѣтъ,
его первый вздохъ есть дѣло одной ми-
нуты. Въ сію почку времени солнце на-
ходится въ извѣстной почкѣ эклиптики.
И такъ онъ почно годомъ спарѣ бу-

(*) Здѣсь говорится о Нѣмецкихъ дамахъ.

дешь, когда солнце въ первый разъ по-
слѣ шого опять вступитъ на ту же поч-
ку Эклиптики, и гражданскій день, въ ко-
торый сія почка времени случается, есть
день рожденія челоука въ истинномъ
смыслѣ, какъ бы онъ впрочемъ по Кален-
дарю ни назывался. Это, кажется мнѣ,
очень ясно. И такъ задачу: *когда ты
долженъ праздновать свой день рожденія,
если ты родился 29 Февраля*, мо-
жно разрѣшить слѣдующимъ образомъ:
1) пусть тебѣ скажутъ секунду, минушу,
или часъ твоего рожденія, или возьми
эпоху день изъ мѣстической книги; и
поелику ты не цѣлой день рождался, по
въ послѣднемъ случаѣ должно принять
что нибудь опредѣленное, *на пр.* полови-
ну дня, слѣд. 12 часовъ по полуночи или
полдень.

2) Приищи въ Астрономическомъ Ка-
лендарѣ на годъ, въ которомъ ты родил-
ся, мѣсто солнца (долгошу его) для сей
почки времени. Еслили самъ ты можешь
сдѣлать вычисленіе, то тѣмъ лучше, но
въ такомъ случаѣ ты вѣроятно не сдѣ-
лалъ бы такого глупаго вопроса.

3) Равнымъ образомъ въ Календарѣ
шого года, въ которомъ ты хочешь

праздновать день своего рожденія, прии-
щи день въ которой солнце почно шу
имѣеть долгошу, и это швой день рожде-
нія, какой бы онъ ни былъ и какъ бы онъ
ни назывался.

Дѣлая такимъ образомъ, шы удивиш-
ся, когда увидишь, что, даже еснѣлибъ
шы и въ другой день родился, *на пр.*
1 Мая, все таки по извѣстнымъ обстоя-
тельствамъ долженъ бы праздновать свой
день рожденія по 30 Апрѣля, по 2 Мая,
и что даже дни рожденія высокихъ особъ
очень часто ложно биваютъ празднуемы,
и слѣдственно не одинъ только родив-
шійся 29 Февраля долженъ праздновать
свой день рожденія въ другой день; а не
въ шощь, который ему показываетъ обык-
новенный способъ. Это основывается на
шомъ обстоятельстве, что годъ состо-
итъ не изъ кругаго числа 365 дней, но
почши изъ 365 дней и 6 часовъ; а намъ
при нашихъ житейскихъ занятіяхъ нѣ-
когда справляясь съ такими дробями
дней, по чему даже и къ самимъ годомъ
нелучше биваетъ, какъ съ нами и съ вы-
сокими особами, и его день рожденія по
крайней мѣрѣ 3 раза въ каждое чешьрех-
лѣтне празднуется ложно. Часто весе-

лялся и поржеспвуюшь о смерти спараго года, когда онъ въ самомъ дѣлѣ еще 18 часовъ долженъ помипься, и привѣспвуюшь новый за 18 часовъ прежде, нежели онъ родипся. Слѣдующая таблица довольно хорошо покажетъ, когда именно родившійся 29 Февраля долженъ праздновать день своего рожденія.

Родившійся 29 Февр. по утру въ 12 часовъ,

Долженъ праздновать день, или лучше сказать, часъ своего рожденія:

Въ первый годъ 28 Февр. по утру въ 6 часовъ.

Во второй 28 Февр. въ 12 час. по полуночи.

Въ третій 28 Февр. веч. въ 6 ч.

Въ четверт. 29 Февр. въ 12 ч. по полудни.

Родившійся 29 Февр. въ 6 ч. утра:

Въ первый годъ 28 Февр. въ 12 ч. по полуночи.

Во второй 28 Февр. въ 6 ч. вечера

Въ третій 28 Февр. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Въ четвертый 29 Февр. въ 6 ч. утр.

Родившійся 29 Февр. въ 12 часовъ по полуночи:

Въ первый годъ 28 Февр. въ 6 ч. веч.

Во второй 28 Февр. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Въ третій 1 Марта въ 6 ч. по утру.

Въ четвертый 29 Февр. въ 12 ч. по полуночи.

Родившійся 29 Февр. вечеромъ въ 6 часовъ:

Въ первый годъ 28 Фев. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Во второй 1 Мар. въ 6 ч. утр.

Въ третій 1 Мар. въ 12 ч. по полун.

Въ четвертый 29 Февр. въ 6 ч. вечера.

Изъ сего видно, что часъ рожденія ко-
торымъ опредѣляется самый день рож-
денія, каждый годъ надобно праздновать
8 часами позже, пока наконецъ высокос-
ный годъ все поравняетъ

Съ Нѣмецк. Гонорскій.

РАЗГОВОРЪ

*Между двумя мертвецами и Меркуриемъ.
Меркурій, Англискій поединщикъ и дикій Сѣ-
веро-Американецъ.*

П о е д и н щ и к ъ.

Пока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Спикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ дикимъ Сѣверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ и себя зовушь? ты конечно говоришь по Англиски?

Д и к о й.

Да! я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ новомъ Юркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и будучи при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманушь однимъ изъ швоихъ соопшчичей, спарался всегда послѣ того, не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ прочими моими зе-

мянками въ послѣднюю прошивъ Французовъ войну; и убитъ находясь въ паршіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду; и покуда меня заспрѣлили, удалось мнѣ къ славѣ моей снять кожу съ семи мужчинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медвѣдемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей люлости и неустрашимости.

П о е д и щ и к ъ.

Мое почтеніе г. кровожадный медведь: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Оомою Пошуэломъ. Фамилія моя очень извѣсна въ Артурѣ. Я родомъ Дворянинъ, а ремесломъ каршежный игрокъ и чело-вѣкъ съ честію. Убивать людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не мастеръ рѣзать женщинъ и младенцевъ.

Д и к о й.

Такъ мы воюемъ. У каждого народа свои обычаи. Но я догадываюсь по швоному свирѣпому виду и по скважинѣ, копорая

видна въ груди швоей, что ты также, какъ и я убишь, находясь въ парпѣи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Какъ же по могло случиться, что непріятель швой не ободраль швоей головы ?

П о е д и н щ и к ъ .

Я убишь на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкопорою суммою денегъ. Но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству, и захопѣлъ, чтобы я съ нимъ расплачился. Мы сошлись въ Гайп-Парнѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ; а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англии. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня устремился, что привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человекъ съ честью, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ, ибо лѣкарь объявилъ, что раны его смертельны. Говорятъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ гибели все его семейство соснящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я

весьма уже опомщенъ и ушѣшенъ! что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женидьбою: любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не оспанутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Д и к о й.

Меркурій! я не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Онъ умершвилъ своего согражданина; онъ умершвилъ своего друга! на опрѣзъ говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Лучше для меня переправиться вплавъ черезъ рѣку; я плаваю, какъ ушка.

М е р к у р і й.

Переплышь черезъ Спиксъ! нѣтъ! ты нарушишь законы Плутонова царства. Спупай въ лодку и успокойся.

Д и к о й.

Не говори мнѣ о законахъ: я дикій и мнѣ они не извѣстны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его опечесствѣ есть законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволили ему умершвить своего согражданина, и припомъ

за то, что онъ потребовавь своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихъ законными.

Меркурій.

Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но себя ли огорчаешься убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Дикой.

Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умерщвлялъ моего согражданина; никогда не умерщвлялъ моего друга. — На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чтобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не припронулся къ нему. Иначе я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Спикса. Прощай — я рѣшился переплыть черезъ Спиксъ.

Меркурій.

Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей своей силы. Плыви теперь, когда можешь.

Д и к о й.

О могущественный чародѣй! — Возврати мнѣ мою силу. Право я не выду изъ повиновенія.

М е р к у р і й.

Возвращаю тебѣ силу твою, но веди себя порядочно, и поступай по моимъ приказаніямъ. Въ пропивномъ случаѣ опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

П о е д и щ и к ъ.

Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подъ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презиратьъ моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Д и к о й.

Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплатишь долгу! убить друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ отъ тебя ихъ потребовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я уполю тебя въ Спиксѣ.

М е р к у р і й.

Постой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Дикой.

Долженъ себя слушаться. — Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществахъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

Поединщикъ.

Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ карты, сверхъ того у меня былъ хорошій столъ. Ни въ Англии, ни во Франціи никто не ѣлъ лучше меня.

Дикой.

Такъ ты ѣлъ хорошо! Да ѣдалъ ли ты печонку, спегно, или плечо убишаго Француза! Вошь развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку разъ двадцать доставалось лакомиться Французятиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ почиталась искуснѣйшею въ приготовленіи Французскаго мяса. Ты, чай, согласенъ что кушанье швое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

Поединщикъ.

Я неподобно танцевалъ.

Д и к о й.

По пляши - ка со мною. Я цѣлый день въ соспоянїи плясашь; и пропляшу военный танецъ съ большою живостію, нежели кпо либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Чпо же ты споишь, какъ сполбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты сыпдишся показашь намъ, какъ ты неловокъ и не складенъ! Еспыли бы позволилъ мнѣ Меркурій, по бы я тебя заспавилъ пропанцовашь шакъ, какъ ты еще никогда не панцовалъ. Говори же, чпо еще знаешь ты, негодный самохваль?

П о е д и щ и к ъ.

И я долженъ все сіе переносить! О небо! чпо мнѣ дѣлать съ эшимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни писполетовъ, а тѣнь его по видимому вдвое прошивъ моей сильнѣе.

М е р к у р і й.

Оспвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вспулить съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хорошо воспитанъ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинъ, которыя по неволѣ долженъ будешь выслушать отъ

Радамонша. Онъ шебя спрашиваль: чшо еще умѣль шы дѣлать, кромѣ шого, чшо шы ѣль и шанцоваль?

П о е д и н щ и к ъ.

Я весьма пріятно пѣль.

Д и к о й.

Ну такъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я шебя вызываю пѣшь. — Но онъ онѣмѣль! онъ лжець, Меркурій. Все враль, чшо ни говорилъ; позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

П о е д и н щ и к ъ.

Меня называшь лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Пошуэловой фамиліи! Вошь сущее мученіе!

М е р к у р і й.

Прими ошь меня, Харонъ, сихъ двухъ дикихъ. Можешъ ли глубое невѣжество оправдашь сколько нибудь Могокца въ ужасныхъ его злодѣянїяхъ; о помъ пусть Минось разсудить. Но чшо сказашь въ пользу Англичанина? не шо ли: чшо поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ми къ чему здѣсь для него яе послужить.

Не честь побудила его обнажить шпагу
прошивъ своего друга, но Фуріи, и — къ
нимъ должно его отправить.

Д и к о й.

Естьли должно изверга наказать, пол-
кни его ко мнѣ, Меркурій. Я великій ма-
стеръ мучить. Вотъ тебѣ, бездѣльникъ,
на первой разъ нѣсколько ошъ меня пин-
ковъ.

П о с е д и щ и к ъ.

О честь моя! бѣдная моя честь, ка-
кому подверглась ты поруганію.

(Съ Английскаго).

III.

С М Ъ С Ъ.

(Пѣснь Италіанская).

Что вы, женщины, такое?
Мы не можемъ васъ понять,
Вы созданіе смѣшное —
Больше нѣчего сказать.

—
Милы, скромны, пихи, нѣжны,
То любезны, — а подь часъ,
Жостки, вспылчивы, желѣзны....
Не поймешь ей Богу васъ.

—

Что захочешь — по съ собою
Можешь женщина пворить;
То представишься больною,
То казашь здоровой видъ.

Весела — тогда крушишься;
Ешьлижъ шочно грусть придетъ,
Не грусишь — а веселишься,
И танцуешь и поешь!

Ежели кого полюбишь,
Говоришь: терпѣшь нельзя.
Кшожь пропивенъ ей, пакъ будешь
Увѣряешь: люблю себя.

Что вы, женщины, пакое?
Мы не можемъ васъ понять,
Вы создали смѣшное
Больше нѣчего сказаешь.

Вы безсильны — но надъ нами,
Вы имѣете всю власть,
Горе! съ нашими сердцами
Ешьли въ сѣпи къ вамъ попасть.

Сердце какъ свое ни спрячешь,
Вы ошъщайте его,

Загорюешь и заплачешь —
Вамъ и надобно шого.

Лжешь пословица спаринна,
Хоть пословица она:
Будьто бы глава мущина,
А раба ему жена!

Женщины! вы намъ услада,
Безпокойство и покой,
Наша радость и досада,
Вы нашъ адъ. — вы рай земной!

Словомъ: ваши мѣ игрушки,
Мы, мячи и кубари,
Мы рулешки, и коплюшки,
Мы рабы, а вы -- Цари!

К ъ . . .

(При поднесеніи ей для прочтенія Ро-
мана Евелины. (*))

Позвольте поднести Романъ вамъ Евелину,
Въ кошоромъ ни пещерь, ни манускрипшовъ нѣшь.
Вы въ немъ увидите: каршину,
Вступающей дѣвицы въ свѣшь.

(*) Сочиненіе Мисъ - Бурней.

Какая дѣвушка прекрасна!
Съ какою доброю и ангельской душой!...
На что терять слова напрасно.
Не лучшесть выразить одной!
Ея достоинства строкой?
Сія дѣвица — образъ твой!

Б И Л Е Т Ц Ы.

1.

Доколѣ фракъ былъ новъ — дошолѣ надѣваль.
Доколѣ была мила — дошолѣ обожалъ!

2.

Ты думаешь и впрямъ, что я тебя любила?
Твой боленъ кошелекъ и я — шебя забыла.

3.

Не кляни мою измѣну,
Люди любящъ перемѣну.

Т р і о л е т ъ.

Я мнилъ: влюбиться не возможно.
Пока Алыны не видалъ.
Теперь же чувствую, что ложно
Я мнилъ влюбиться не возможно.
Влюбиться очень — очень можно,
Когда Алину кто узналъ!
Я мнилъ; влюбиться невозможно,
Пока Алины не видалъ!

Д о б о л ь н ы й.

Кончились мои желанья!
Умерла моя жена,
Сорокъ бочекъ ешь вина,
Ешь красопка Маланья, —
Кончились мои желанья!

П Ъ С Н Ъ

(Н ъ м е ц к а я .)

Случилось бѣдному Степану
Узрѣшь Лизешу — полюбишь,
И получивши въ сердце рану
Лизешѣ эдакъ говоришь:

„Лизеша! будь на вѣкъ моею,
Хотя я бѣденъ — не богатырь;
Однакъ любишь себя съумѣю
Безъ мраморныхъ большихъ палашь.

Повѣрь, любовь не въ шѣхъ палашахъ,
Гдѣ распянувшись роскошь спишь,
Любовь бываетъ чаще въ хапахъ,
Тамъ — гдѣ умѣренность сидишь.“

Лизетѣ должнобъ посмѣяться
Степана бѣднаго словамъ,
Она — ну плакашь, обнимаешься,
Да и пошла съ Степаномъ въ храмъ.

Довольно хорошо пожили
Степанъ съ Лизетой годъ, другой,
Да пополькожь щастливвы и были
Довольные своей судьбой.

Ихъ сильно бѣдность одолѣла,
Припомъ же парочка дѣтей. . . .
Лизета поздо шупъ узрѣла:
Чшо бѣдный мужъ Степанъ у ней.

Не спало пици, ни одежды,
Не знаютъ, какъ на свѣшѣ жишь —
Съ дѣшми, безъ денегъ, безъ надежды,
Оспалось: подъ окномъ просишь!!

Вошъ вамъ примѣрчикъ заблужденья,
Картины не забудьте сей!
И не женишесь безъ имѣнья,
Чшобъ не клянупъ судьбы своей.

Мслевъ.

Женщинъ лишь любилъ.
Обожалъ и *Машу*,
Катѣ строилъ курь;
Чуть не заспѣлся
Надю какъ узналъ.
По свѣту свипался
За *Павлиной* въ слѣдъ.
Вѣрочкинѣ увидѣвъ
Милой башмачокъ
Во вся я рѣхнулся,
Сашу позабылъ.
Лишь спрадалъ, помился,
А не былъ любимъ!
Ждалъ въ васъ утѣшенья,
Толку не нашель.
Въ глазки вамъ смошрѣвши
Юность прозѣвалъ;
Вкругъ васъ все бродивши,
Къ старости прибрель!
Спохванился поздно;
Проку нѣтъ во мнѣ.
Спарь, и лысь, сѣдѣю —
Мнѣ ли ужъ любить!! —

Милыя! утѣшесь!
Не совѣмъ бѣда.
Сжалъсь надъ несчастнымъ
Улыбнитесь мнѣ.

Наградите службу
Полюбивъ меня.
Я жестокъ не буду;
Я не такъ, какъ вы —
Презираю не спану,
Опвѣчаю гоповъ.
Вы пожмете ручку,
Улыбнусь пошчасъ,
Молвите словечко,
Поцѣлуй гоповъ.
Я хотя спаренекъ
Сердце есѣ во мнѣ.
Зябну, хопъ въ Пешровку,
Кровь еще кипитъ.
Коль очки надѣну
Съ нѣжностью смотрю.
Не мѣшалъ бы кашель,
Прокричу: увы!
Брошусь на колѣни
Тростъ бы лишъ была.
Волосы сѣдѣюшъ,
Зубы, хопъ падушъ;
Душеньки! не плачьте
Я могу любить!

Г. Китка.

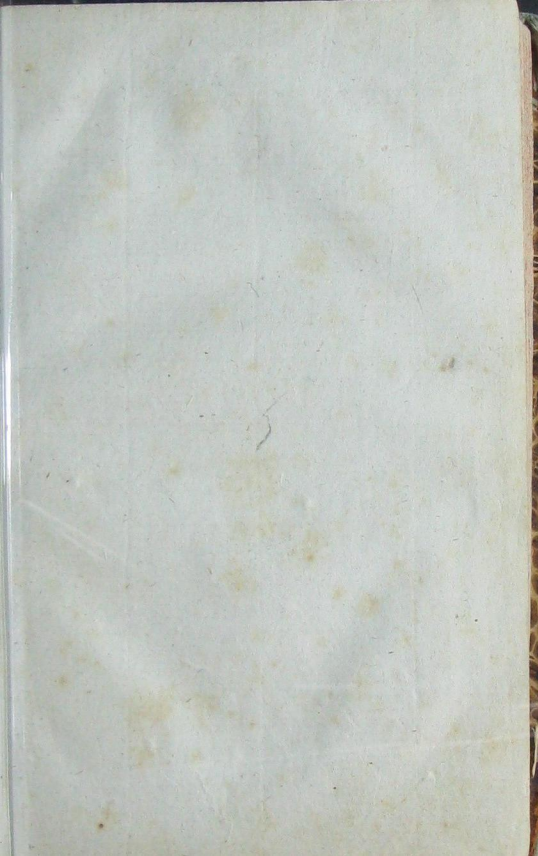
Хоръ Поетовъ

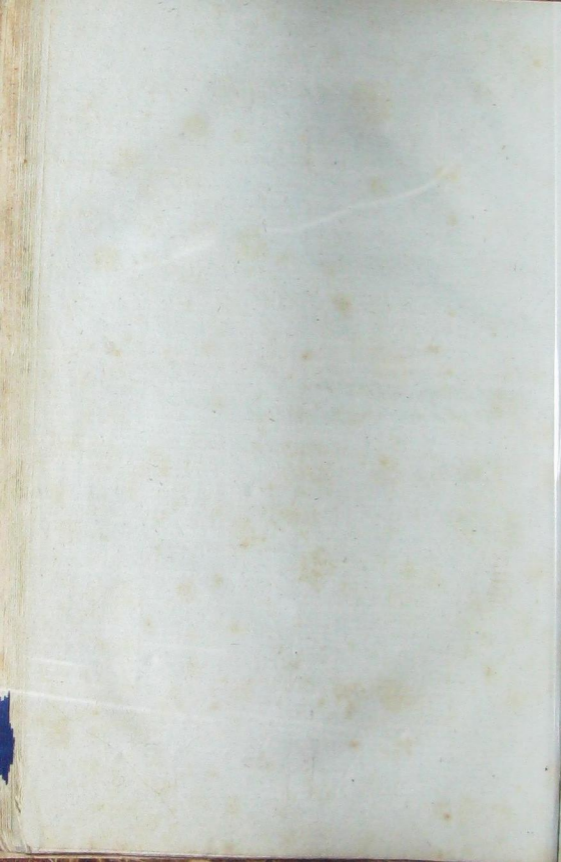
(68 первый день Нового года.)

Наша братья восхищайшесь!
Восхищайшесь — Новый Годъ!
Работашь пригошовляйшесь,
Чпобъ наспачишь сошню Одъ

Эпошь день для насъ важнѣе,
Нежель ярманка купцамъ.
Мы бываемъ веселѣе,
Хабара большая намъ!

Мелечъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЬ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

Издаваемый Васи́лемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной —
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ:

ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи;
1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатаніе оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Февраля 1 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріилъ Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

*Посланіє кѣ Демокриту єв чердака бѣд-
наго стихотворца.*

Смѣю рекомєновашься
Вамъ, весельй Демокрипъ,
Вашей дружбою ласкапшься,
Бѣдный Харьковскій Піипъ.
Не оставте безъ вниманья
Вы пого, кпо рѣдко сыпъ,
Кпо, хопя безъ соспоянья —
Но имѣепъ апешипъ.
Руку помощи подайте,
Богъ за это наградипъ.
„Ближнимъ вашимъ помогайте.“
Такъ писаніє гласипъ.
Но не думайте, чпобъ звонкой
Спаль монепы я прөсипъ —
Я голякъ, но нада спонкө
Вамъ со мною посшупипъ.
Знаю часпо я діешу,

Хоть желудокъ мой ворчишь,
Но не думайте монешу
Мнѣ въ подарокъ предложись.
Я хопя какъ Ирѣ убогій,
Хоть Пишь — но пакъ я гордъ,
Какъ Философъ самый спрогій!
Иль какъ Англинскій Милордъ.
Чѣмъ могу вамъ бышь полезный,
Коль угодно вамъ спросишь,
Вопъ въ чемъ, Демокришь любезный,
Ваша помощь соспоишь:
Кончилъ рифмъ Словарь я славный,
То нельзяль васъ поспрудись
Сей Словарь большой, исправный,
Свѣшникову похвалишь.
Вы имѣете даръ слова!
Въ васъ огонь поэзы влишь! —
Уломайте Свѣшникова,
Славный сей поваръ купишь.
Я цѣною поспуплюся.
Хоть Словарь мой знаменишь! —
Я, для пользы всѣхъ пружуся,
Тысячъ пять, и — будемъ квишь.
Вѣдь не дорого? — я скромень,
Въ барышахъ онъ можешъ бышь.
Лексиконъ мой полспъ, огромень!
Всѣхъ въ сполицѣ онъ взманишь!
Къ Свѣшникову словно пучи,

Такъ Пипшы нагрядущь,
Сыпашь денегъ спанущь кучи,
Всѣ въ сполницѣ запоютъ!
Секрешарь, забудешь годы,
Пропоколы бросишь онъ,
А писашь пріймешся Оды,
Дашь Французамъ въ нихъ презвонъ!
Попъ, чипашь псалшерь преспанешь,
Взявши въ руку длинну просшь.
На зрешиковъ онъ грянешь,
Чшобъ не ѣли мѣса въ поспшь.
А военные нахалы,
Дѣвушкамъ и бабамъ въ чешь,
Пѣсеньки и Мадригалы
Безпрестанно будутъ плѣсшь.
Безобразны дѣвы, дамы,
Юнымъ, нѣжнымъ красошамъ,
Полны желчью Епиграммы
Развезущь по всѣмъ мѣспамъ.
Академикъ, двѣ Поемы
Будешь въ мѣсяцъ выдавашь,
Машемашикъ, Теоремы
Спанешь въ рифмы подбирашь, —
А конфешчикъ, за билешы
Переспанешь школярамъ
На кредитъ давашь конфешы —
Онъ спечешь билешы самъ.
Словомъ всѣ: Кузнецъ, Пирожникъ,

Журналистъ , Мапрось , Порпной ,
Блинникъ , Шляпникъ и Сапожникъ ,
Хлѣбникъ , Мастеръ часовой ,
Ювелиръ , Игрокъ , Сидѣлецъ ,
Франтъ , Философъ и Споляръ ,
Опкупщикъ , Законовѣдецъ ,
Медикъ , Шорникъ и Фигляръ ,
Винокуръ и Музыканты
И Цирульникъ , Крендельщикъ ,
Окулистъ , Комедіанты ,
И Актёръ и Погребщикъ . . . .
Всѣбъ Словарь мой покупали —
Свѣшниковъ , какой доходъ!!
Злапабъ рѣки припекали
Въ швой сундукъ или камодъ!
Пѣшь имѣюшъ всѣ охопу ,
Есшлы шолько рифмы есшъ.
Всякъ , принявшисъ за работу ,
Вѣкъ спихи желаетъ плѣсть . —
Сколько выгодъ непремѣнныхъ
Связано съ моимъ шрудомъ:
Роесъ бы — славныхъ и опмѣнныхъ
Авторовъ имѣлъ содомъ!
Я бы — поже для желудка
Трехъ гусей всегда имѣлъ ,
Былъ бы сышъ — сіе не шушка ,
Чудесабъ я произвелъ!

А Россійская Держава, —
Какъ бы пы погда цвѣла!
Въ поздни вѣки громка слава
Разнеслабъ швои дѣла!! (*)

2.

*Неудовольствіе Минервы на Бахуса и
Венеру.*

(Сатира моего вкуса.)

Всесильный Юпитерь, отецъ и Царь Боговъ,
Дабы избавишься отъ лишнихъ всѣхъ трудовъ,
Подвласшнымъ Божествамъ даль области раз-
личны,
И сидамъ каждаго, и склонностямъ приличны;
И словомъ: онъ весь свѣтъ божкамъ препору-
чилъ,
А самъ отъ всѣхъ заботъ спокойся — опочилъ.
Не по я говорю, что легъ онъ на постели,

(*) Издашель съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаетъ въ свой Журналъ посланіе Х. стихотворца — можешь быть Г. Свѣщниковъ или другой какой книгопродавецъ прочитаешь эти строки и прочитавши, нѣтъ сомнѣнія, что пожелаешь вступишь въ торгъ съ Г. Сочинителемъ Слова — рифмъ. Ибо (оставя шушки) подобный трудъ безполезенъ и не такъ легокъ, какъ многіе думаютъ; а слѣдовательно и нельзя имѣть его за бездѣлушку — прошу не прогибавшись Гг. Книгопродавцы! —

Но — что пустился онъ въ пучину всѣхъ ве-
селій;

Въ различныхъ обрашняхъ любилъ, гулялъ, пилъ,
Ѣлъ,

Божественныхъ своихъ совѣмъ не зная дѣлъ.

А развѣ иногда для страху шучи двинутьъ,

Раскашомъ громъ пушить, блеснуть, перуны
кинуть. . .

Но безразсудный гнѣвъ, безвременная мечь,
Не могутъ никогда въ порядокъ свѣтъ привести.

Не будетъ никогда пуши во гнѣвѣ строгомъ. —

Сіе случилось съ Молніеноснымъ Богомъ.

Когда отъ мрачныхъ шучь очистивъ небеса,

Простеръ на шаръ земный онъ быстры очеса;

Узрѣлъ, что возстають всѣ боги другъ на друга,

И мысля всякъ, что малъ предѣлъ его округа,

Спремится распросперть свою повсюду власть,

И хочеть похищать чужихъ удѣловъ часть;

Узрѣлъ, что жребіемъ всѣ боги не довольны,

И чшуть, что виненъ въ шомъ Юпитерь — Богъ
престольный.

Трикратно потряся сѣдою бородой

Задумался Зевесъ, и лобъ нахмурилъ свой;

Трикратно думаль онъ, раздумываль трикратно;

Откуда, рекъ въ себѣ, толь мнѣніе превратно?

Юпишера — боговъ всѣхъ Бога и Царя —

Такъ дерско поносишь, всю власть его презря?

Онъ рекъ — и изъ морей всѣ поднялъ шучи
мрачны;

Онъ рекъ — и примѣнилъ въ ночь шемну день
прозрачный;

Минушно молніи, минушно громъ бросаль;
И смертныхъ, и боговъ подвластныхъ ужасаль.
Земля отъ ярости его вострепетала,
И горь своихъ верхи къ долинамъ преклоняла.
Тогда безсмертные и смертные почли,
Что часъ сей будетъ часъ послѣдній на земли.
И вдругъ по молніи, по громѣ самъ Зевесъ
Ужасныя слова сквозь тучи произнесъ:

„Да соберутся всѣ подвластные мнѣ Боги
„Предъ мой пресвѣшлый Тронъ, въ небесные
чертоги!

Возволновался весь боговъ безсмертныхъ кругъ,
И болѣе чѣмъ громъ, сей гласъ смутилъ ихъ
духъ.

Мяшутся всѣ, дрожащъ, шрепещуть, суешатся;
Не знаютъ, какъ идиши, какъ Зевсу показаться;
Всякъ хочеть съ переди въ строй задній увер-
нуть,

Чтобъ тамъ отъ Зевсовой погонки ускользнуть.
А особливо же богини всѣ лукавы;
Проказить такъ онѣ; а шутъ какъ будто правы,
Всѣ сами назади, а боги всѣ впередъ,
Чтобъ гнѣву Зевсову, имъ первымъ дасть опщеть.
Минерва лишь одна всѣхъ будучи правѣе,
Напереди пошла гораздо посмѣлѣе.

Взошла — и всѣ за ней — къ Юпитеру въ чер-
тогъ,

Гдѣ важно возсѣдалъ на тронѣ грома Богъ.
Онъ кинулъ взглядъ на нихъ суровый, раздра-
женный,

И въ ярости вѣщаль сїи слова надменны:

„Какъ смѣли вы—божки—нарушивъ мой уставъ,
Вестъ брань между собой, не получивши правъ?
Или забыли вы, что небомъ и землею,
И вами, малыми божками я владѣю?“
Всѣ боги съ трепетомъ къ землѣ потупя взглядъ
Ни слова губы сжавъ предъ нимъ не говорятъ.
Минерва наконецъ молчанье разрушаетъ,
И съ опкровенностью Юпитеру вѣщаетъ:
„Великій богъ боговъ! се видишь дочь свою!
Прими, родитель мой, ты жалобу мою!
Не знаю о другихъ, виновны или правы;
Но я всегда твои хранила вточь уставы,
Какую область мнѣ имѣшь ты повелѣлъ,
Не преступала я предписанный предѣлъ.
Я смертныхъ всѣхъ моею наукой просвѣщала
И части у другихъ боговъ не похищала.
Довольна—я была всѣмъ тѣмъ, что ты мнѣ далъ,
Лишь только бы меня никто необижалъ.
Но удовольствіе не долго продолжилось;
Исчезло все теперь, и все перемѣнилось. —
Ты знаешь мой отецъ, безпупнаго сына,
Рожденнаго твоей бедрою дурака,
Меня глава твоя — его родили ноги,
Что я его чesнѣй, то вѣдаютъ всѣ боги.
Но этотъ глупинькой божокъ, и молодой
Своимъ неистовствомъ нарушилъ мой покой.
Бывъ дерзокъ ко всему, ко всѣмъ буянствамъ
смѣлый,
Онъ вздумалъ власть свою въ мои пренести пре-
дѣлы:
Настроилъ у меня трактировъ и шинковъ,

И всѣхъ шуда иривлекъ моихъ учениковъ.
Кто съ удовольствіемъ въ наукахъ упражнялся,
Кто жертву мнѣ курилъ, кто сердцемъ покла-
нялся,

Бесѣдуя со мной кто плодъ наукъ вкушалъ,
Успѣхомъ мудрости Богиню утѣшалъ,
Услышавъ запахъ винъ, спакановъ громки звуки,
Отверглись всѣ меня, оставили науки;
На жертвенникъ вино всѣ спали возливатьъ,
И жертвы Бахусу — младому воздаватьъ.
Хотя возмешся кто за книгу ненарочно,
Но въ книгѣ онъ всего не можеть видѣть точно:
Сквозь пьяные глаза, сквозь тусклый сей лар-
нетъ,

Ни смысла не поймешь, ни словъ не разберешь. —
Но шуть, родитель мой! не всѣ мои обиды;
Не менѣ шерплю я оныхъ отъ Киприды:
Богиня нѣжностей, ковчегъ плотскихъ спрасстей,
Безъ исключенья всѣхъ влечеть къ себѣ людей.
И старой, и молодой, невѣжа и ученый,
И рабъ, и Господинъ, смиренный и надменный,
И воинъ, и деспотъ кшобъ ни былъ онъ ша-
ковъ,

Не можеть избѣжать Кипридиныхъ оковъ.
Но я передъ тобой за проихъ не вступаюсъ;
На то лишь жалуясь, чего сама лишаюсъ,
Почто она сквернить наукъ священный храмъ,
И прелести свои повсюду сѣять шамъ?
Почто велишь она Эропу со спрѣлами
Играть, какъ куклами, учеными сердцами?
Пишомецъ мой бѣднякъ, увидя въ первый разъ

Призракъ ея красоть, плѣняется потчасъ ;
И, мудрые глаза прикрывъ любовной сѣткою,
Волочисья Сократъ за гордою кокеткой.
Какаяжъ польза въ томъ, что я учу людей,
Когда уже они во власти не моей?
Не гласы мудрости, любви лишь слышны вздохи;
Въ шинкахъ съ шинкарками танцуютъ скомо-
рохи.

То на стихахъ поеть любовь Анакреонъ,
То нѣжному божку урокъ даетъ Назонъ;
То Сафо ядь любви въ сердца людей вливаетъ;
Теренцій на театрѣ безпушства выставляеть;
Тамъ безъ стыда швердишь о нѣжности Тибуллъ;
Тамъ юныхъ дѣвъ маняшь Проперцій и Катулъ;
О цѣломудрїи ни кто ужъ не помянешъ,
И честь младыхъ дѣвиць, какъ ала роза вянешъ.
Весь благодравїя нарушенъ мой уставъ;
Всѣ, всѣ въ сѣняхъ любви, у всѣхъ испорченъ
нравъ.

Суди шеперь Отець, ты жалобу Паллады!
Не праведныль мои прошиву ихъ досады?“
Юпитерь выслушавъ ея правдиву рѣчь,
Сынка Семеллина велѣль къ себѣ привлечь.
А Бахусъ передъ нимъ пиша свой мыслѣше,
Зѣвая, говорилъ шакую рѣчь въ отвѣстѣ:
„Я милосердый Богъ! ни въ чемъ не виноватъ.
Пожалуй на меня тебѣ наговорятъ.
Ты знаешь Юпитерь, вить мы, хотя и боги,
Но какъ бывало насъ сберешъ въ свои чертоги
Садимся у тебя за круглымъ всѣ шоломъ,

Пируемъ, пьемъ, бурлимъ, и спавимъ все въ
верхъ дномъ;
Тутъ вмѣсто Нектара вино и пиво тянемъ,
Да шакъ натянемся, что съ мѣстъ насилиу воспоминаемъ.

Бывало поднося устанеть Ганимедъ,
Ибея бѣдная покою не найдетъ;
За то ужъ и женихъ удалой ей достался —
Но я передъ тобой не много заболшался.
Суди же по себѣ; и каждый человекъ
Вишь шакже хочеть жить въ веселіи свой вѣкъ!
Да яжъ въ регламентѣ велѣлъ по красоули,
А люди мой успавъ въ свой шолкъ перевернули:
До шѣхъ поръ селятся, до шѣхъ поръ тянушь,
пьюшь,

Покуда кровію глаза ихъ обтекутъ,
Покуда щоки ихъ, какъ вишни побагрѣють;
Яль винень въ шомъ, что шакъ успавъ мой разумѣють.

Прости въ шомъ Зевсъ меня! мнѣ кажеться я
пьянь;

Но не во гнѣвъ сказать, вели одинъ спаканъ
Поднесъ изъ твоего небеснаго буфешу,
Изъ шѣхъ напишочковъ, какихъ у смертныхъ
нѣту.

Признайся, ты давно насъ въ небо не сзываль,
Давно пирушки намъ небесной не даваль.

Себя однако же, небось, не забываешь,
Частенько съ Нектаромъ Ибею подзываешь.

Онъ что то и еще хотѣлъ было изречь;
Владычица любви его пресѣкла рѣчь;

Примѣшивъ, что Зевесъ ошь Бахусова вздора
Убавиль нѣсколькo свирѣпость гнѣвна взора,
Съ жеманшвомъ передь нимъ являеться она.
„Моя, речеть, еще не шакова вина,
Чшобъ раздражился ты за то, Зевесъ всемошный!
Ушѣхи всѣ мои безвинны, безпорочны.

Не ты ли самъ ошь вѣкъ бышь такъ опредѣ-
лиль,

Чшобъ смершный всякъ въ дѣлахъ богамъ подо-
бень былъ.

Чшобъ каждой ко всему съ боговъ снималь при-
мѣры?

Такъ я самимъ шобой безвинна выше мѣры. . .

При томъ же я не съ шѣмъ сей огонь въ сердца
влила,

Чшобъ страшь любовная для смершныхъ зломъ
была;

Но съ шѣмъ, чшобъ сдѣлать ихъ чувствитель-
ныхъ—способныхъ

Производитъ на свѣшь людей себѣ подобныхъ.

Такъ виноваталь я, что умный человекъ

Не знаешь въ шомъ границъ, учась во весь свой
вѣкъ?

Юпишеръ посягчиль свой голосъ величивый,

Я вижу, боги, вы, сказали, и всѣ не правы;

Такъ лучше безъ хлопотъ вы заключите миръ,

И въ знакъ шого въ моемъ дому составте пиръ.

Прилично ли богамъ между собой браниться;

Вамъ смершныхъ должно бы, хоть нѣсколькo
стыдиться. —

Къ Палладѣ обратясь: „А ты, любезна дщерь!

Желанія людей премудростью умѣрь,
Видь ты должна учить, чѣмъ люди знали мѣру;
Тогда по своему всѣ будутъ жить манеру.
Юпитерь не успѣлъ окончить этихъ словъ,
Готова ужъ была пирушка для боговъ,
На коей боги всѣ довольно ѣли, пили,
Съ Венерой, съ Бахусомъ, Палладу примирили.

Срз.

Б А С Н И.

3.

Откупщикъ и Харонъ.

Узрѣвши тѣнь съ огромнымъ пузомъ
Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
Боюсь, чѣмъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
И самъ я въ Спиксѣ не пропасть.
Откуда ты и что такое?
Скажи дебелая душа,
Ты видно что то непростое
Ты Кардиналь или Паша;
„Ктобъ ни былъ я, но вы не стойте
Объ этомъ смѣю васъ просить,
Ввалишься въ лодку мнѣ позвольте
Я долженъ въ таргарь поспѣшить;
Скажу старикъ вамъ откровенно
Хочу прожектъ Плутону дать
И я надѣюсь несомнѣнно
Вашъ перевозъ на откупъ взять,

Всегда симъ планомъ занимаясь
Я въ мѣрѣ полствъ, покоень былъ,
Богатства многого лишаясь
О томъ при смерти не тужилъ.
Какіе знашныя доходы
Легко здѣсь можно получатьъ:
Сюда толпяся всѣ народы
И такъ со всѣхъ мы можемъ драсть!
Брипанцу скажемъ мы и Галлу,
Намъ чистыя деньги опочши
А Господину Камчадалу
Ясакъ мѣхами заплоти.
Теперь вы служите безъ платы
Не правдали? но у меня
Вы скоро будете богаты
И сполько же почти какъ я;
Не рублище на васъ дурное
Не сей засаленный колпакъ,
Нѣтъ, будете платье дорогое
И пить вы станете аракъ.“
— Харонъ угрюмой, дикой, строгой,
Смякнулъ и въ первый разъ запѣлъ,
Не мудрено мужикъ убогой
Надежду къ щастью возымѣлъ.
Онъ жирной шѣни поклонился
И съ ней какъ можно скоро плыль,
Плывя, Юпистеру молился,
Чтобъ грузъ его онъ сохранилъ.

Нахилловъ.

4.

Море и Рѣка. *(Трагедия)*

Надулось Море предъ Рѣкою,
Реветь: что значите, вы Рѣки, предо мною?
Я съ важностью теку по безднамъ, по скаламъ
И съ шумомъ въ ярости спремлюся къ обла-
камъ...

— А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не споль шумимъ
волнами,

Но нашими водами
Питается земля,
Тучающъ гордыя моря!

Нахилловъ.

5.

Ворона и Овца.

Ворона на спину Овечкѣ сѣла,
Обыкновенну пѣснь: кра, кра, она запѣла.

Терпѣнье потерявъ Овца,

Воронѣ наконецъ сказала два слова:

„Ворона, ты бы сѣсть на Пса не смѣла.“

Конечно нѣтъ,

Вороны былъ отвѣтъ:

Мнѣ стыдно было бы на старости учиться,
Какъ съ слабымъ надобно и съ сильнымъ обхо-
дисься.

Мслвчъ.

Конь барскій и Кляча.

Увидя барскій Конь Клячонку за сохою,
Запрыгаль и заржаль, кивая головою,
Попомъ, принявъ надменный видъ,
Предъ Клячей спаль бодриться

И началъ говорить:

Клячонка, можешь ли ты эдакъ умудриться,
Чтобы подобно мнѣ такъ ловко танцовать?

— Молчи и не мѣшай пахать,

Смиренно Кляча отвѣчала:

Не будь на свѣшѣ насъ,

Тогда у васъ

Охоша бы плясать пропала.

Ахъ сколько и межъ насъ боярскихъ есть Коней,
Что взыскивають всё съ подвласныхъ имъ —
людей,

Гордятся передъ ними,

А толька и живушь крестьянами своими.

Ястребъ и Птицеловъ.

За Голубемъ однажды Ястребъ гнался:
Но Голубь улетѣль — а онъ въ силки попался.
„О пощади меня! — такъ Ястребъ закричалъ,

Когда увидѣль Пшицелова,
Я никогда тебѣ не причиняль худова.“
И Глубь никогда тебя не обижаль,
Охотникъ отвѣчалъ злодѣю
И послѣ оторвалъ ему достойно шею.

Мслевъ.

ЕПИГРАММЫ.

8.

На болѣзнь Г. Лицогина.

Сказали при смерти Лицогинъ воевода,
Вдругъ слышенъ вопль всего народа:
Всѣ злые во слезахъ: *какъ жить намъ безъ него?*
Всѣ добрые въ слезахъ: *слокой Господь его!!*

9.

На стрижку Дамъ.

Чему дивисься шупь, что у мадамъ Франсезъ
Всѣ волосы въ обрѣзь?
За то, что жизнь вела въ Гоморѣ и Содомѣ,
Обстригли волосы въ смиришельномъ ей домѣ.

Срз.

Ю.

Злонраву.

О рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не испытался?
Злонравъ мнѣ въ дружбѣ изъяснился
И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить:
То ешь чуму привить!

II.

Клиту.

Равняешь ты меня съ Жилблазомъ;
Но съ кѣмъ же я тебя сравню?
Съ Скотининымъ Тарасомъ? —
Нѣтъ! все еще швой умъ я дорого цѣню.

Нахилмовъ.

12.

Рѣдкость.

Не знаю, правду ли учоны говорятъ:
Что естли дерево, (вошь на примѣръ Осину)
Не корень — а вершину,
Какъ должно зъ землю закопать,
Прилѣжно поливать,
То корень станеть бышь — вѣшвами,
Вершина же — корнями?
Но знаю точно, естлибъ въ низъ
Поставишь головой *Быкова*.

(Хоть онъ сердись, хоть не сердись,) 82
А не былобъ различья никакова!

Мслевъ.

Е П И Т А Ф И И.

13.

На гробъ К.

Великій грамотѣй лежитъ въ гробу великомъ,
Онъ Руской слогъ, споль сильно зналъ,
Что знаніе свое, гдѣ не умѣлъ языкомъ
Руками сильно защищаль!

Срѣ.

14.

Гражданскому Чиновнику.

Здѣсь погребень Приказный,
Щастливый сирѣчь плушь;
Онъ полкъ давалъ указамъ разный —
Ему же не данъ кнушь!

15.

Тушь,
Лежишь преблагородный плушь:
Мошяга, пьяница, безбожникъ. . .
Короче: шушь лежитъ Каршѣжникъ!

16.

Кокеткѣ.

Не попади Прохожій въ сѣтку —
Здѣсь погребли Кокетку!

НАДПИСИ.

17.

Къ портрету...

Наружность Голубина,
А внутренность змѣина!

18.

Къ портрету...

Ростъ славный, талья хороша,
А за лицо не дамъ гроша!

19.

Отрывокъ изъ Поэмы...

Друзья любезные! ведите жизнь свящую; —
Повѣрьте — надобно по христїански жить;
Повѣрьте — надобно избрать стезю прямую;
Повѣрьте, что пора вамъ перестать блажись.
Былъ мелодъ я и самъ, съ повѣсами водился —

То въ клубъ, то въ маскарадъ, а въ церковь —
ни ногой!

Съ попами ссорился, съ дѣвицами рѣзвился, —
Былъ юноша благой!

Чшожь шумъ хорошаго? Внезапно смерть за-
станеть,

Придетъ курносая, безъ жалости сразитъ;
Страхъ жизни будущей въ тебѣ загомоситъ; —

Вотъ шумъ по удалство завянешъ!

Вотъ шумъ — по пѣсенку иную запоешъ

И не во снѣ, а въ явь ты грезы понесешь!

Давай ка за Свяшыхъ, давай Кузьму, Демьяна;

Пошлите поскорѣй ко мнѣ отца Ивана:

Чишай акаеисшы и воду освяти,

Моли отецъ свяшыхъ — угодника Николу

И матеръ Божію; — да нѣтъ ужъ въ томъ пуши,

Навѣрное пойдешъ въ горячую ты смолу!

Уже и сашана за тѣмъ къ тебѣ пришелъ. . . .

Лишь выпрыгнешъ душа изъ тѣла:

Чортъ *Кохтинъ* душу халъ и бухъ её въ ко-
шель!

Терпижь душа, коль живъ ты въ сѣбѣ не-
умѣла! (*) . . .

(Съ французск:) *Сумы.*

(*) Издашель благодаритъ почтеннаго переводчика и проситъ покорнѣйше и впередъ украшать журналъ его подобными шесами. М.

Бесѣда на пирушкѣ.

Любители газетъ явились у сосѣда,
Сосѣдъ семейный былъ
И хлѣбосоломъ слыль,
А хлѣбосоль не пустить безъ обѣда:
По рюмкѣ водки съ полынемъ,
Потомъ сивушки съ ревенемъ,
(Какъ водится въ степи) обѣдать съли
И вотъ что ѣли:
Торячій борщъ съ кваскомъ и съ буряками
И кашицу къ борщу въ начинкѣ съ голубями,
Полядвицы, горохъ съ домашней вешчиной,
Коплешы съ свѣжею крапивой,
Индѣйку съ кислою подливой,
Плавидло съ шучною драхвой; —
А подъ конецъ, налистникъ съ бузиной,
Какъ будто блюдо дорогое,
Хотя и медовое;
Кваскомъ,
Пивкомъ
Всѣ яствы запивали,
Сливяночку, вишневку подавали. —
Да развѣ не было вина?
Было, — но только модны имена
Поддѣльныхъ фокусовъ торговыхъ,
Нанишковъ новыхъ,
Не такъ то и здоровыхъ,
Какъ то:
Различное Шато,

Бутылочка съ Алонскимъ,
Съ Мадерой и съ Бургонскимъ.

И только лишь слуга винцо госпямъ поддастъ,
Прозрачнымъ рюмочкамъ винцо свой цвѣтъ при-
дастъ.

Довольно пили всѣ, довольно ѣли,

Довольно разкраснѣли

И воть ужъ встали отъ стола. †

Кто много ѣсть, а въ двое запиваетъ,

Тотъ въ четверо болшаеть.

Послушаемъ, о чемъ у нашихъ рѣчь зашла?

В о п р о с к и н ѣ.

Вишь почта кажется пришла?

Р а с к а з о в ѣ.

Пришла, да ужъ теперь газеты всѣ пустыя!

П р а в д и н ѣ.

Какіе жъ люди спали злыя!

За то, чпобъ имъ прочесть о новости какой,

Хошятъ, чпобъ ближнихъ кровь лилась рѣкой!

Спросите вы у вдовъ, у матерей несчастныхъ,

Какія бѣдствія постигли ихъ въ войну!

Безъ горькихъ слезъ не вспомнятъ ту страну,

Гдѣ пали дѣти ихъ въ сраженіяхъ ужа-
сныхъ.

Свяшое дѣло миръ и тишина!

П о э т ѣ.

Ты правъ, мой другъ! и пусть послѣдніе по-
шомки,

Взирая издали на наши времена,
Рекуть: о коль дѣянья Россювъ громки!

В о л р о с к и н ъ.

Пришла мнѣ мысль одна,
Скажите, чѣмъ теперь газетчики займутся?

Р а с к а з о в ъ.

Не безпокойтеса, они найдутся,
Какое дѣло имъ, что кончилась война?

Хотябъ журнадовъ тысячь двѣсти,

У нихъ не истощащя вѣсти!

Я тысячу готовъ въ закладъ отдать,

Что намъ опять достанется читать:

„Въ Доминго жолша лихорадка,

„Во Франціи въ финансахъ нѣтъ достатка,

„Въ Констаншинополѣ чума,

„Въ Россіи сильная зима,

„Наполеонъ сошоль съ ума.

В о л р о с к и н ъ.

„Туссень съ Христофомъ помирился,

„Миранда въ Мексикѣ женился,

„Въ Мадридѣ былъ пожаръ.

Р а с к а з о в ъ.

„Потребно подтвержденье!

В о л р о с к и н ъ.

„Въ Неаполѣ землетрясенье!

Р а с к а з о в ъ.

„Впредь будешь продолженье;

„Въ Калѣ лѣшаль на воздухъ шарь!“

В о п р о с к и н ь.

Когдажъ случится Бонапаршу
Нечаянно взглянуть въ Ланкаршу,
А между пѣвъ ногою шевельнётъ
Или м ргнётъ. . . .

Сей часъ въ газеты онъ войдѣтъ!
За тридевять земель о томъ узнаютъ,
Гляди, въ Америкѣ и въ Индїи читаютъ
И говорятъ: бѣда, какъ онъ уйдеть!

Р а с к а з о в ь.

Тутъ знаки и примѣшны:
Вотъ то и то
Сей часъ взято
Изъ Фосовой газеты.

П р а в д и н ь.

Самъ Богъ инымъ не угодить!
Толкують вотъ, — а вишь не знаютъ
За что газеты охуждаютъ;
Вы знаете, за правду я сердить.
Коль истину сказать, всѣ наши журналиски,
Въ благихъ намѣреняхъ бывъ чисты,
Желають обществу полезный трудъ принести,
Но чтобы читателей привлечь, то ищутся
Къ различнымъ видамъ примѣнясь,
А вкусы всякіе вишь есть. —
Я слышу звукъ — и струны шевелятся:
Поэшь! воспой намъ пѣсню, побѣдамъ Росскимъ
Въ честь.

Н о э т ь .

Восторгомъ упоенъ, взыгравъ на звучной лирѣ,
Устами воспую чудесный подвигъ въ мірѣ;
Молю тебя, о Фебъ! на помощь мнѣ сниди,
Внуши глаголы мнѣ и мысли просвѣти!

Съ Царями запада злодѣи восполчился,
Прещенъ дышущій, онъ варварски вломился
Въ союзную страну; — какъ вихрь въ Москву
шагнуль

И шамъ пограбилъ всѣ чертоги и божницы;
Подъ спуды углубясь, онъ Царскія гробницы
Злодѣйски обнажилъ; — Москву съ земли свер-
нуль!

И се, могущій Россѣ подъяль свою десницу,
Взмахнуль! — и вдругъ испоргъ разваленну сто-
лицу!

И крѣпкой грудію сомкнувши ратной строй
Пошелъ сей исполинъ съ Европой состязаться:
Гдѣ смерть грозить, шуда нетрепетной стопою,
Съ отважнымъ мужествомъ спѣшитъ въ бояхъ
сражаться.

Ужь къ Ярославцу врагъ достигъ — вторгнулъ
ся въ градъ,

Заряды пламенны посыпались какъ градъ,
Изрыли землю всю, и воздухъ всколебался,
Тамъ слышенъ спонь, шамъ гуль далеко отзы-
вался

И щуплой городъ сей изъ злобныхъ рукъ семь
красть

Сквозь огонь переходя, за Россами остался!

Вбѣжать со трепетомъ враги въ обратный
путь, —

Упреждены вездѣ, не могутъ отдохнуть;

Вбѣжать и въ день и въ ночь, отъ грозныхъ
гдѣбъ укрыться

И встрѣшилъ ихъ въ пуши студеной Аквилонъ,

Крылами мерзлыми надъ воями кружится.

Вотще съ народами бѣжитъ Наполеонъ

И при Березинѣ дерзнулъ еще сразиться:

Скрутившись съ вихремъ снѣгъ, съ орудій дымъ
густой,

Багровый солнца лучъ зашмили черной мглой

И пощій врагъ въ рѣку дружинами валится.

Въ безлишвенныхъ лѣсахъ пространной полосой
Несмѣтны тысячи постигнуль жребій злой.

По всюду алчна смерть, за ними въ слѣдъ лѣ-
тѣла,

Замерзлая земля въ крови зимой вскипѣла!

Такъ двадцать языкъ могущій Россъ сра-
зиль

И трупы вражьи и кости распочилъ!

Тогда ихъ шѣлеса, не бывши погребенны,

Лѣжали зиму всю, какъ муміи нешлѣбны;

Тогда и хищный вранъ ихъ шруповъ не вре-
дилъ

И плошоядной волкъ далеко отходилъ.

Весною наконецъ, сложивъ ихъ въ спогои, въ
спогои

И пламень такъ пожралъ шѣла народовъ мно-
гихъ.

Несытый вождь, полки безбожно погубя,
Лишь въ первое узрѣлъ нещастье близъ себя.

П р а в д и н ъ.

Проклятія ему въ потомствѣ отдадутся
И кости желшныя во гробѣ содрогнутся;
Въ одежду грустную пол-міра ояъ облекъ:
Проклятіе ему изъ рода въ родъ и ввѣкъ!

П о э т ъ.

А ТЫ, о АЛЕКСАНДРЪ! въ Царяхъ благосло-
венной!

ТЫ кротостью души гремишь въ концахъ все-
ленной,

Благими доблестями державныхъ всѣхъ заш-
милъ

И власти сильныя и зависть удивилъ;
Народы всѣ ТВОИ путь цвѣтами устилали,
Врата торжественны Цари сооружали,
Величіе свое въ ТЕБѢ умножилъ Богъ:
Возвеселися ЦАРЬ, ТЫ міръ спасти возмогъ

П р а в д и н ъ.

И ты, мастистый вождь, безсмертный мужъ,
Кузузовъ!

Твой Геній даль примѣръ властителя Францу-
зовъ

Во браняхъ побѣждашь; ты, ты его сгубилъ

И славу ложную низринулъ и испнилъ!

О подвигахъ твоихъ народы веселились,

Величію души всѣ царства удивились,

По доблестямъ — ты сталь героевъ всѣхъ
краса

И слава о тебѣ проникла въ небеса!

Р а с к а з о в ъ.

Шутите вы съ Наполеономъ,

Такихъ примѣровъ нѣшь

Какіе выпустиль онъ въ свѣтъ:

Владыкой бывъ, живёшь чужимъ онъ пансіо-
номъ! (*)

Шутите вы съ Наполеономъ.

В о л о с к и н ъ.

А Короли? Мюратъ, Евгений и Жеромъ:

Въ десницахъ скиптръ держали,

Съ престола, — по снѣгу бѣжали

Съ церковнымъ серебромъ!

Р а с к а з о в ъ.

Хорошъ и дядюшка, отецъ духовной,

Въ смиренной ризѣ Фешъ!

Чалмой укушавъ плѣшь,

Потрясъ было престоль церковной!

Подишка въ свой тракширь, жаркое рѣжь,

А на спрадальца Папу

Впередъ не поднимай не чисту лапу.

П р а в д и н ъ.

Злодѣевъ, дышущихъ неправдой и войной,

Всегда постигнетъ жребій злой!

Коль многимъ бѣдствіямъ мы сами *суть* виной!

(*) Это писано въ 1814 году.

Почто прельстилися Виргиліємъ, Гомеромъ,
Что древле славили гекзаметрскимъ розміромъ
Оружіе царей, кровавую ихъ длань?
Филиповъ сынъ и Карль, на брань
Ступая, въ слѣдъ за ихъ примѣромъ
И славою обуявъ, съ конца въ конецъ земли!
Людскую кровь, какъ воду, пролили.

В о л р о с к и н ъ.

Расказовъ! я тебя, какъ друга, почитаю

И знаю,

Что ты, науки полюбя,

Имѣешь всѣ журналы у себя:

Измайлова, Отечествя и Глинки,

Скажи какія естъ новинки?

Р а с к а з о в ъ.

Теперь въ Китаѣ бунтъ, въ Америкѣ война,

Въ Европѣ тишина,

Въ народахъ и царяхъ на Бога упованье,

А между шѣмъ швердятъ въ Парижѣ *вычитанье*.

В о л р о с к и н ъ.

За то хотяшь приобрѣсти кредитъ

И недовольный Галль на деспота сердитъ.

Р а с к а з о в ъ.

Въ Берлинѣ дѣлають сложенье,

Въ Россіи *умноженье*,

Въ Германіи *дѣленье*,

А Датчанамъ досталась *дробь*.

В о л р о с к и н ъ.

Вспомѣють бѣдные, пустьъ выпрутъ лобъ

И правой сторонѣ впередъ ужь не мѣщаются...
Скажите мнѣ, о чемъ Лондонцы помышляютъ?

Р а с к а з о в ь.

Ужъ этихъ брать никто не проведеть!
Когда Британецъ деньги раздаетъ,
Повѣрь, съ процентомъ отбереть!

В о л р о с к и н ь.

Что дѣлають въ Саксоніи и въ Польшѣ?

Р а с к а з о в ь.

Республики не будетъ больше,
А пляска долонсзѣ ихъ всѣхъ переживётъ.

В о л р о с к и н ь.

А Шведъ шо, кажется, идетъ впередъ.

Р а с к а з о в ь.

Конечно, онъ Норвегію берётъ.

В о л р о с к и н ь.

А Турки?

Р а с к а з о в ь:

До времени играютъ въ жмурки.

В о л р о с к и н ь.

Наполеонцы что?

Р а с к а з о в ь

Теперь ни что!

В о л р о с к и н ь.

Вотъ шутъ шо естъ о чемъ гремѣтъ на Лирѣ!
Поддасъ онъ всѣмъ, дюному два и три,

А овому четыре!
Но не зѣвай, поэшь! смотри,
Чтобъ самъ не скушалъ въ двое!

П о э т ъ.

Гошевъ я блюдо съ ѣшь, да полько не пустое,
Но чшобы зрѣлая въ немъ ягодка была,
А кислой плодь какъ былъ, шакъ снимушь со
стола!

Р а с к а з о в ъ.

Спокойной ночи, жаль, что кончилась пирушка!

П р а в д и н ъ.

Пожалуй не жалѣй, на свѣтѣ веѣ игрушка!

В. Л.

II.
П Р О З А.

21.

Разсужденіе о любви.
(Изъ Берниса.)

Письмо къ Госпожѣ N. . . .

Вамъ угодно знать, Милоспивая Госу-
дариня, что такое любовь, то есть, я дол-
женъ изъяснить вамъ то, что вы сами
внушаете. Для чего пребудете вы изъясне-
нія своего собственнаго дѣла? Не лучше
ли бы вамъ самимъ угадать мои чувствво-
ванія, нежели заставлятъ меня открывать
ихъ? Однако я не откажу вамъ въ злб-
номъ удовольствіи, котораго вы ищете;
и опчаспи какъ философъ, опчаспи какъ
влюбленный, спану вопрошашъ свое сердце:
безъ искусства и порядка спану пишу то,
что мнѣ скажетъ любовь. Не ожидайте
что бы она всегда мнѣ льстила; вамъ
извѣстно сколько я имѣю причинъ на нее
жаловаться; но также не думайте чтобы
я изъ мщенія спарался скрывать прият-
ности которыя вы споль хорошо даете
чувствовать. Я предложу ей пороки и ея
преимущества; и такимъ образомъ, Мило-
спивая Государиня, найду способъ препо-

дашь вамъ наспавленія и вмѣстѣ засвидѣ-
пельствовашь вамъ мою преданность.

Желаю чшобы мои размышленія до-
стойны были васъ, меня и любви; и чшобы
чрезъ сто лѣтъ и болѣе мы всѣ шрое мо-
гли опять найши другъ друга.

Чшобы умѣшь любить надобно имѣшь
сердце: однихъ чувствъ для сего мало,
чувственное сложеніе направляемое умомъ,
можетъ довести до любви. Мы родимся
нѣжными или сласполюбивыми; приро-
да всѣмъ сердцамъ даетъ охоту къ
удовольствію, а иногда непреборимую
склонность къ любви. Одни щаспливцы
вмѣстѣ съ симъ щекопливымъ вкусомъ къ
удовольствію получающъ шонкую разбор-
чивость услаждающую сей вкусъ.

Но души копорья любовь избрала къ
тому чшобы любить, принуждены быс-
про и безъ оспановки переходить ошъ
великихъ удовольствій къ великимъ горе-
стямъ. Волненія ихъ всегда будутъ новы
и всегда чрезвычайны.

Знаете ли вы огонь принимающій всѣ
виды копорье даетъ ему дуновение, воз-
пламеняющійся и попухающій по мѣрѣ
сильнаго или слабаго движенія воздуха?
Онъ раздѣляется, соединяется, приле-

гаешь къ землѣ, возносишься вверхъ; но могущественное дуновение имъ управляющее, измѣняя его выды всегда возбуждаетъ его, а никогда не попускаетъ: сіе дуновение есть любовь, а огонь наши души.

Есть страны копорыя любовь избрала своимъ царствомъ; чистое небо, благорасворенный воздухъ, плодоносныя и прелестныя нивы, привлекающъ любовь и кажется оспановляющъ ее. Храмъ ея вездѣ гдѣ природа прекрасна; дочь послушная и благодарная, она повсюду слѣдуетъ за своею матерью. Источникъ Воклюзскій, могила Лауры, берега Линьона суть прелестныя мѣста въ копорыхъ она обитаетъ: вѣчныя льды Норвегіи, сѣпи Сибирскія, суть ужасныя шеатры ея опустыя; они никогда не были пребываніемъ ея владычества. Провансаль, Португалець, родятся влюбленными: Лапландецъ сначала грубъ; онъ можетъ приши въ неисповство, но не чувствовашъ нѣжность. Приятность и богатство страны безконечно много придающъ душамъ кротости; распвореніе воздуха имѣетъ дѣйствіе на нравы. Надобно быть нѣжну, чтобы бышь любовникомъ, но живость у нѣж-

ности ничего не опнимаешь. Истинные любовники походяшь на многоводные источникники которые быстры; но текутъ приятно.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ говорить о любви; нѣтъ ничего рѣже какъ говорить о ней основательно. Сердце ее чувствующее, опредѣляетъ ее гораздо лучше, нежели умъ который только воображаетъ. Спросите у любовника что значить любить: чувствованье и желанье, скажешь онъ вамъ двумя словами. Но глаза его, лице, все въ немъ объяснитъ вамъ сие опредѣленіе. Умной человекъ можетъ вамъ сказать поже, но не только просвѣтитъ васъ. Однимъ словомъ, любовникъ говорящій о любви, заставляетъ васъ самихъ ощущать ея воспорги; умной человекъ вамъ ихъ только описываетъ.

Я любилъ: мое молчаніе увѣдомило любимую мною о томъ что мнѣ надобно было ей сказать; я еще хотѣлъ только говорить, а она уже меня выслушала. Въ истинной любви не лзя ошибиться. Въ присутствіи существа которое насъ любитъ, возникаетъ въ насъ шайный голосъ, произвольное движеніе никогда не обманывающее. Сердца наши еще болѣе имѣютъ познанія въ любви нежели глаза наши

которыя къ прищворной наружности всегда бывающъ слѣпы и нечувствительны: ихъ не прогаешь ничю подложное или приугоповленное, одна спрашъ доспигаешъ до нихъ. Съ умомъ бываешъ не то; все ему льспящее обманываетъ его и онъ часто безъ внутренняго убѣжденія увлекаешъ сердце за собою.

Кокешство обыкновенно всегда спасаетъ женщинъ отъ сильныхъ спрашей, а распушство почти всегда служилъ отъ оныхъ защипою мужчинамъ. Надобно думать скромно о самомъ себѣ чпобы любишъ искренно; надобно имѣшъ благоразуміе чпобы любишъ долго: большая часть женщинъ уступаютъ, а не любяшъ: большее число мужчинъ наслаждаются не прилѣпляясь. Истинныхъ любовниковъ все тщеславіе соспоилъ въ шомъ чпобы плѣнилъ другъ друга и все ихъ удовольствіи въ наслажденіи своею побѣдою.

Любовь обыкновенная ешъ самая слабая изъ всѣхъ спрашей. Ожиданіе удовольствія поддерживаешъ ее, приближеніе онаго ослабляетъ, а исполненіе истрябляетъ совершенно. Въ посредственной спраши все спановится угожденіемъ, пожертвованіемъ. Мы льспимъ любовницѣ,

одобряемъ ея мнѣнія, но не можемъ принять ихъ. Слабая любовь не должна бы продолжаться болѣе дня; благоприспособность и уваженія превращающъ ее въ мученіе.

Истинная вѣжностъ, испытанная склонностъ, склонностъ искренняя и взаимная владычествуетъ надъ всѣми прочими приспастіями души: это пожаръ испребляющій ихъ до самыхъ корней; и если истинная любовь всѣхъ, спраспей и не испребляетъ, то покрайней мѣрѣ приводитъ ихъ себѣ въ рабство: она повелѣваетъ ими власно, онѣ ей повинуются безъ сопротивленія. Свѣтъ никогда не оспается въ прежнемъ видѣ въ глазахъ любовника: онъ перемѣняется вмѣстѣ съ соспояніемъ его сердца. Щасливъ? все для него прелестно, все спокойно; ночь спановится въ тысячу крапъ прекраснѣе дня; мракъ ея есть очаровательная завѣса за кою утѣхи скрываются для прельщенія; ея безмолвіе спановится языкомъ самаго щастія; все оживотворяется; времена года съ новыми днями приводятъ новыя утѣхи; наконецъ вся вселенная спановится театромъ блаженства. Нещасливъ? и самыя стихіи испровергаются;

день спановишся ночью могильною; жало ушѣхи жаломъ горести; нѣшь уже сего чистаго воздуха, нѣшь сей улыбающейся и украшенной природы; своенравіе любовницы разрушило сіе прекрасное устройство; онъ видишь со всѣмъ другое небо и другія звѣзды.

Свѣтъ весьма малъ въ глазахъ любовника. Любовница, одежда къ ней прикасающаяся, мѣсто ее заключающее, воздухъ окружающій ее: вошь весь свѣтъ, вошь проспранная вселенная.

Если бы всѣ люди были любовниками, то общества состояли бы не болѣе какъ изъ двухъ человекъ, любящаго и любимой. Изъ всѣхъ узъ привязывающихъ насъ къ нашимъ семействамъ, друзьямъ, къ нашей пользѣ, славѣ, удовольствіямъ, любовь соспавляетъ такую цѣпь которую сильно прикрѣпляетъ къ нашему сердцу и рука любовницы управляетъ ею.

Любишь значишь не любишь ничего того что было намъ любезно во время равнодушія: любишь значишь приняшь духъ своей любовницы и мыслишь такъ какъ она, видишь ея глазами, чувствовашь ея сердцемъ; словомъ, перемѣнишь свою природу и сдѣлашся тѣмъ чѣмъ она.

Спрасть ужасная и неистовая помрачающая разумъ, упохребляющая его орудіемъ нашего безумія, заставляющаго его боготворить наши глупости; спрасть благородная и великодушная возбуждающая въ насъ любовь къ славъ, усыпленное праводушіе, припуленную разборчивость. Словомъ, любовь не имѣетъ одного виду, но способна къ принятію всѣхъ ихъ. Ея добродѣтели и пороки равно ей чужды. Вода принимаетъ видъ сосуда ею наполняемаго: наши любовницы дѣлають насъ всѣмъ шѣмъ чѣмъ мы бываемъ.

Вы, призванные къ владычеству надъ народами! убѣгайте любви. Родясь повѣлывать, вы спанете рабами и если предметъ васъ прельщающій не есть образъ добродѣтели, шакъ какъ онъ въ глазахъ вашихъ сдѣлался образомъ красоты, то пресполь вашъ попрысется, можетъ быть вы будете даже погребены въ его развалинахъ.

Любовь не сотворена ни для Царей ни для народа; цари имѣють слишкомъ много обязанностей, а народъ слишкомъ много нуждъ. Любовь единственное благо котораго нельзя оцѣнить, любовь и единственное зло которому нѣтъ исцѣленія.

Изобразите его опаснымъ чудовищемъ, представьте его Богомъ благошворящимъ: и въ томъ и въ другомъ изображеніи вы ее найдете совершенно.

Полюбите женщину которая только что прекрасна: любовь ваша будетъ имѣть конецъ. Прелести, приятности шѣла ограничены; мѣра вашего любопытства будетъ мѣрою нѣжности вашей. Присоедините умъ къ симъ наружнымъ красотамъ, къ красотамъ исчезающимъ отъ наслажденія, и онѣ умножатся, разольются и каждую минуту будутъ одушевляться. Умъ красотѣ поже самое что цвѣтамъ утрення роса. Но если между умомъ и приятностями опкроете вы еще своенравіе, спраннысти, суешность, ревность, досаду, то зажмурьте совсѣмъ глаза надъ вашими упражненіями и обязанностями; предсказываю что вамъ любить во всю жизнь. Имѣть любовницу соединяющую въ себѣ пріятности, умъ и своенравіе значить наслаждаться прѣмя особами вмѣсто одной.

Споръ на щопъ смуглыхъ и бѣлокурыхъ произошелъ отъ однихъ сластолюбцевъ; любовники не въ состояніи его разрѣшить: первые любящъ по разсужденію, послѣ-

дніе не размышляя. Не прекрасные черные и не прекрасные голубые глаза вскружаютъ головы и смущаютъ сердца, а тѣ копорые лучше всѣхъ говорятъ языкомъ души нашей; красота нравится, а физиономія увлекаетъ.

Ревность есть пища и отравка любви. Она дѣлаетъ любовниковъ разборчивыми, а любовницъ неисповыми. Когда она крошка и умѣренна, тогда является воздержною въ жалобахъ и оспорожною въ подозрѣніяхъ: будучи такимъ же ребенкомъ какъ и любовь, она ею играетъ и въ шушкахъ исправляетъ ее: въ семь по видѣ и подъ сими чертами надлежитъ ее принимать въ нѣжную связь. Убѣгайте ея когда она съ кинжаломъ въ рукѣ усремляется поспопамъ фурій, когда она спонетъ, когда вопіетъ у могилы ея самою ископанной и смѣшиваетъ кровь свою съ кровью пролипою опъ нее самой.

Беспокойная Аспрея гораздо любезнѣе неисповой Медеи. Надобно всегда быть разборчивымъ, а не ревнивымъ; разборчивость всегда нѣжна; ревность часпо бываетъ жестока.

Большая часть мужчинъ и женщинъ не право упрекаютъ другъ друга въ невѣр-

ности. Они прежде клялись въ горячей любви, въ любви взаимно внушенной симпатіею. Измѣнивъ истиннѣйшую которую они тогда свидѣтельствовались, должны ли они удивляться что здѣлались вѣроломными въ любви? Въ свѣтѣ мало любящъ, а только забавляющъ. Говорить въ немъ о любви безъ шутокъ, значило бы подвергнуть себя посмѣянію. Однако же въ глазахъ истинной честности любовникъ и любовница невѣрные равно презрительны. Переспать любить по непостоянству есть погрѣшность естественная; измѣнить любезной всегда есть порокъ любовника.

М Ы С Л И.

Во младенчествѣ нужно, чтобъ женщины охраняли родители, въ молодости мужъ, въ старости дѣти; ибо женщина никогда не должна имѣть свободы.

Вишну - Сарма.

Юность, великое богатство, высокая порода и неопытность, каждое въ особености, есть источникъ разоренія. Какой же будетъ жребій того злосчастнаго смертнаго, въ коемъ всѣ онѣ будутъ соединены?

Онъ же.

Всѣ жалуются на слабую память, но
никто не жалуется на слабый умъ.

Люди ни на что не бываютъ такъ ще-
дры, какъ на совѣты.

Щипать себя умнѣе другихъ, есть
вѣрное средство быть обманутымъ.

Сохранять здоровье строгою воздер-
жаностию есть самая скучная болѣзнь.

Роше-Фуко.

Дворъ безъ женщинъ поже, что годъ
безъ Весны и Весна безъ розъ.

Францискъ I. ф. К.

Самолюбіе есть Богъ женщинъ.

Сенюръ.

Коль умъ небесный огонь, печь наша голова,
Чтожь наши знанія? солома и дрова.

Нахилловъ.

На что ты хочешь знать, завтра,
или еще чрезъ нѣсколько лѣтъ, должно
тебѣ расстаться съ жизнью? Благодарю
судьбу за то, что она скрыла отъ тебя
последній часъ твоей. День пройдетъ, ты
все еще можешь надѣяться; годъ прой-
детъ, все еще можешь не опчаяваться,
но если бы ты зналъ свой роковой часъ,
не спалъ ли бы ты робко щипая дни свои
безпреспанно поминьясь?

Гонорскій (въ Духѣ Горация и Тибулла).

III.

С М Ъ С Ъ.

(Пѣснь Французская.)

I.

Я слышу, что Донскіе
За Рейномъ Козаки,
Дай Богъ! въ Парижъ имъ самый
Начась хоть заглянуть!

Пусть стануть жечь здѣсь дома
И между шѣмъ шотъ домъ,
Въ кошоромъ обипаентъ
Любви моей предмѣтъ.

Я вѣпра бы скорѣ
И молніи быстрѣй,
Влетѣлъ въ окно Жанешы
И вынесъ бы ее!

А естѣлибъ захотѣли
Красавиць полонить,
Я взялъ бы сабаю въ руку
И предъ Жанешой спалъ.

Хоть говорятъ: Поешты
Красавицамъ не щить,
Молчаше Петимѣпры. . .
Не вы ли щить красѣ?

Пусть руку отрубили,
Еще другая есть,
Когдабъ и сей лишили,
Схватали бы въ зубы мечь!

Сражался бы дошолѣ,
Доколѣ голова,
О радость! — не упала
Къ Жанешинымъ ногамъ!

Она тогдабъ узнала
Какъ я ее любилъ —
Бышь можешь — плакать стала,
Нѣшь, много для меня!

Хотя бы двѣ слезинки
На трупъ мой пролила,
Я былъ бы симъ доволенъ
И съ лихвой награжденъ!

Нѣшь — милая Жанеша!
Прошу одной слезы,
Дабы мнѣ не остаться
Передъ шобой въ долгу.

Я больше жить не буду,
Чѣмъ долгъ мнѣ заплашеть?
Въ землѣ зарытый буду. . .
Бышь плушомъ не хочу.

2.

Эпиграмма Харьковскому Демокриту.

Для друга шайны нѣшь, ему душа открыта,
Вотъ дружеской совѣшь какъ время сокращать:
Совѣшую тебѣ Журналы всѣ читать,
Не тронь лишь Демокрита.

3.

Комплиментъ Харьковскому Демокриту.

Явился новый Демокришь,
Который прежнему ни въ чомъ не уступаетъ
И также чудеса творить:
Тотъ сонъ производилъ, а эотъ сна лишаетъ. (*)

4.

Нещастіе и Нещастіе.

Нещастіе большое,
Когда есть апетить,
Да не за что купить.
Но тотъ нещастливъ вдвое,
Имѣетъ кто чѣмъ жить,
Да брюхо не варить.

Мслвчъ.

(*) Издашель замѣчаетъ Г. написавшему такъ хорошо Эпиграмму на Х. Д. и Г. подльщившему споль шонко Х. Д. что ежелибы вздумали они присылать свои піесы въ Журналь его, то Х. Д. взялъ бы верхъ надъ всѣми подобными изданіями.

Л и з а.

(П ъ с е н к а.)

О Лиза, рай души моей!
Мое едино утѣшенье!
О Лиза, въ власти все швоей —
Прервать — продлишь — мое мученье. —

—
Захочешь — веселья потчасъ;
Желаешь — и спрадаю,
О женщины! кто знаетъ васъ, —
А я не постигаю! —

—
Смѣшныя мѣра мудрецы!
На что вамъ заходить далеко?
На что вамъ тамъ сводить концы,
Людское гдѣ не видишь око? —

—
На что вамъ прогать Небеса,
Громъ, молнію и бури?
Вотъ Лиза вамъ — моя краса,
Заняшь, балагуры!

—
Извольте вы мнѣ описать
Бя прелестнѣйшіе взгляды, —
И мнѣ причину рассказать:
За чѣмъ шерплю ошь нихъ досады?

За чѣмъ отъ сихъ же самыхъ глазъ —
Являющихъ мнѣ муку,
Въ минушу — веселья сто разъ? —
Сю мнѣ объясните шшуку!! —

Я вижу, трудень мой вопросъ, —
Вшупикъ вы спали отъ Лизеты,
Повѣсили свой красный носъ; —
То какъ вамъ разбирашь планеты? —

О Лиза! рай души моей,
Мудрѣйшихъ — преткновенье!
Ты — цѣль одна мнѣ въ жизни сей —
И мой удѣлъ — прельщенье!! —

6.

Въ Альбомъ А. И. М.

Вы дали мнѣ Альбомъ,
Чтобъ на писать въ немъ строчку;
Я къ вамъ почтеніемъ влекомъ,
Одну поставлю точку.

Мслечъ.

7.

Къ А. Д. С.

Помыслюль я о чемъ — ты мысли прерываешь,
Промолвлюли я что — ты первая въ словахъ...
О образъ ангельскій! по что меня терзаешь?
Ужель я осуждены жизнь кончишь во слезахъ?

*2

Сокровище души! жизнь сердца... Ангель міра!
О Саша! кѣмъ дышу и для кого живу!
Скажи, какая власпъ, скажи, какая сила
Влечеть меня къ тебѣ во спѣ и на яву?...

Какъ то назвашь въ тебѣ, чемъ шакъ я восхи-
щаюсь,
Чемъ очарованъ я, какъ Вышнимъ Сущесствомъ..
На что смотря... всегда нѣмѣю, изумляюсь...
А сердце говоришь: пади предъ божесствомъ!
Федоръ Зеленскій.

8.

Н е х о ч у.

Люди добрые! винюся,
Вѣрьте, право не шучу.
Передъ всѣми признаюся,
Что женится я *хочу*.

Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
Я потчасъ жену сыщу.
Маша! ты одна въ предмѣтѣ;
Согласишьсяль? — *не хочу*.

Покраснѣлъ; — не я виною,
Къ *Лизѣ* грасы подпущу:
Будь моею ты женою —
Лиза, Ангель! — *не хочу*.

Вошь какая мнѣ причина!
Но ужь я не замолчу.
Купидончикъ! — Катерина!! —
Дай мнѣ ручку! — не хачу.

Мнѣ робѣшь вишь не пригоже,
Вошь вамъ всѣмъ я оплачу.
Подойду смѣлѣй къ Надежѣ:
Вошь вамъ сердце! — — не хачу.

Ахъ! какая доля слезна!
Я робѣю и — грущу.
Пашинька хошь ты любезна.
„Ощаспливи — не хачу.“

Нѣтъ жены! а время пращу;
Дай-ка муки сокращу.
Передъ Соничкой заплачу — —
„Ахъ! рѣшишсяль? — не хачу.“

Нѣтъ удачи! — участь люта!
Я насмѣшкамъ опомщу.
Вошь красочка Аниота;
Будь моею! — не хачу.

Тѣфу ты пропасть! признаюся,
Я сержуся и ворчу.
Дай-ка къ Сашѣ подвернуся —
„Сжался Саша! — не хачу.“

Знать моя несчастна доля!
По пустому всё ищу — —
Ба! — но вотъ блондинка *Оля*
Неудбноль? — *не хочу.*

—
Милы женщины, внимлите,
Всѣмъ я громко вамъ кричу:
„За меня скорѣй идите. — —
Всѣ кричатъ лишь: — *не хочу!*

—
Нѣтъ удачи! всякъ хохочеть: —
Такъ и я за хохочу
Коль никто идти не хочетъ,
Такъ и я ужъ *не хочу!*

Г. Квитка.

9

*Рѣшеніе Аполлона на неправоу жалобѣ
по врачевству.*

Ахъ! Аполлонъ, — врачей въ Украинѣ не стало;
Несчастный смертныхъ родъ падеть отъ коно-
валовъ!....

Постой спрадательный рифмачъ,
Не вой, несправедливъ швой плачь;
Смякни. — Кто? что? гдѣ? какъ? шуть дѣй-
ство, шуть причина.
Вѣдь къ коноваламъ лишь относится скошина,
А человекъ идеть по *класности* къ врачу.
Сказаль бы и ясибй, да многихъ огорчу.

С.

Е П И Т А Ф І Я.

Бугозилу.

Здѣсь Бугозиль зарышь прияшелей спараньемъ.
Убиль лѣченьемъ, а во все не хвораньемъ. —

С.

Посланіе.

Читалъ я, дорогой Вернешъ, твои стихи.
Они, какъ мысль твоя, свободны и легки;
То нѣжны, то остры, для перемѣны важны;
А индѣ даже и отважны:
Какіе любить Вкуса Богъ,
Къ торой и вдохнулъ тебѣ одинъ ихъ могъ.
И такъ съ Поезіей прощаешься напрасно,
Когда поешь еще прекрасно.
Что значать сорокъ лѣтъ?
У Музь имъ счоту нѣтъ.
Къ чему считать печально годы,
Любимцу Граціи и природы?
Отспавъ опъ нихъ, чѣмъ жизнь наполнишь ты?
Что можешь замѣнить ихъ слакїя мечты?
Увы! въ ней будутъ пустоты!
Какая спрасъ достйна въ мїрѣ,
Того, кто могъ играть на лирѣ?
Алчба ли почестей, презрѣннаго ль сребра? . . .
Вернешъ! не оставляй здѣсь лучшаго добра.

Половской пустыинникъ.

15 октября 1809 года.

12.

Въ Альбомѣ . . . . .

Что на писать въ Альбомъ Лизетѣ?
Ее милѣ нѣтъ на свѣшѣ!

13.

Алмазы и Стразы

(Истинное происшествіе)

Любезный Дмишрїй, ты напрасно
Надѣль съ брильянтами кафтанъ.
Тебѣ по вечерамъ ходишь не безопасно
Сказаль такъ Дмишрїю Степанъ. (*)
Не безпокойся братья — вишь Дмишрїй
Не просишь, а самъ довольно хитрый,
Объ этомъ онъ ужъ разсуждалъ,
И превратилъ брильянтъ въ хрусталь!
Сіе подслушавши Евгеній,
Укого проворный Геній,
Дмишрїю такъ говорилъ:
Не хорошо ты поступилъ.
Добро, пускай бы за Алмазы
Тебя убили — такъ и бышь —
А то смѣшно, какъ ужъ — за *стразы*;
Да не веляшь на свѣшѣ жишь!

(*) Даже имена нарочно тѣ самыя оставлены.

14.

Къ Простинькѣ.

Напрасно Простинька имѣешь ты сомнѣнье,
Что я престалъ любить!

Ахъ! нѣтъ любви моей ничто не охладитъ.

Я буду вѣкъ любить! мой другъ — твое имѣнье!

Мслвчъ

15.

П Ъ С Н Я.

Первыя чувства любви.

Сидя въ уединенъи,
Крушуся я тоской;
И день и ночь мученъи
Смущаютъ мой покой.

То вздохи и стenanья
Всю грудь мою тѣснятъ;
То слѣзы отъ рыданья
Лице мое кропятъ.

Что сдѣлалось со мною,
Сама не знаю я?
Какою злой стрѣлою
Пронзенна грудь моя?

За чѣмъ вершится часто
Эрасть въ моемъ умѣ?
За чѣмъ всегда Эраста
Я вижу и во снѣ?

За чѣмъ сердечко бьется,
За чѣмъ вся кровь горитъ,
Когда онъ мнѣ коснется,
Иль рѣчи говоришь?

За чѣмъ всегда желаю,
Чтобъ думалъ онъ о мнѣ?
За чѣмъ воспоминаю
Съ нимъ бышь на единѣ?

Хотѣлабъ изъясниться,
Сама не знаю въ чемъ; —
Ни слово не годится,
Что въ сердцѣ есть моемъ.

Не это ли зовется
Любовью у людей?
Такъ пусть же сердце бьется
Для милова сильнѣй!

Пусть люди такъ сякъ судятъ
И въ грѣхъ сочтутъ любить;
Но вѣчно не принудятъ
Эраста позабыть.

И грусти и мученья
Для милаго сносишь
Есть сердцу утѣшенье, —
Отрада слезы лишь.

—
Хотя бы рокъ злостной
Мнѣ всѣ бѣды навлекъ,
Однажды ставши страстной,
Я спрасной буду вѣкъ.

Срз.

Конецъ первой части.

Нѣсколько словъ къ читателямъ.

Издапелю изъявили нѣкоторыя изъ читателей его журнала свое удивленіе, въ разсужденіи помѣщенія нѣкоторыхъ спашей, которые не относятся собственно къ Демокришу.

Ошибка издапеля состоишь въ томъ, что онъ не означилъ сихъ спашей, какъ у него въ объявленіи было сказано.

И такъ, для избѣжанія подобныхъ случаевъ онъ долженъ сказать и то, что *веселый Демокришъ* не всегда долженъ быть *зубоскаломъ*; веселіе не всегда изображается громкимъ хохотомъ, часпо одна улыбка, разливающаяся по довольному лицу, живописуетъ душевную радость; и потому онъ надѣется что нѣкоторыя спашьи въ сей книжкѣ и въ послѣдующихъ, по содержанію приятныя только — а не забавныя, не будутъ, признаны (даже слишкомъ строгими судіями) за спашьи разнородныя.

Оглавленіе 1й части.

	Стран.
1. Опъ издашеля - - -	3
2. Основаніе Харькова - - -	5
3. Пѣснь Лужѣ - - -	15
4. Орель и Спрѣлокъ (баснь) - - -	17
5. Дубъ и Свинья - - -	18
6. Ласпочка и Колоколь - - -	19
7. Книгопродавецъ и Слонь - - -	—
8. Испорченный Соловей (эпиграмма)	22
9. На худыхъ стихопворцевъ - - -	23
0. Клеонъ - - -	—
1. Федулъ - - -	—
2. Увѣренносшь - - -	—
3. Арисшь - - -	24
4. А. Н. Нахимову (эпиграфія)	—
5. Секретарю - - -	—
6. Мопсу - - -	25
7. Ладинькѣ - - -	—
8. Лукерьѣ - - -	—
<hr/>	
9. Каррикашура - - -	—
20. Меланхоликъ на кладбищѣ - - -	29
21. Пѣснь Ирою - - -	34
22. Упѣшеніе родившимся 29 Февраля	37
23. Разговоръ между двумя мершвецами и Меркуріемъ - - -	44

II.

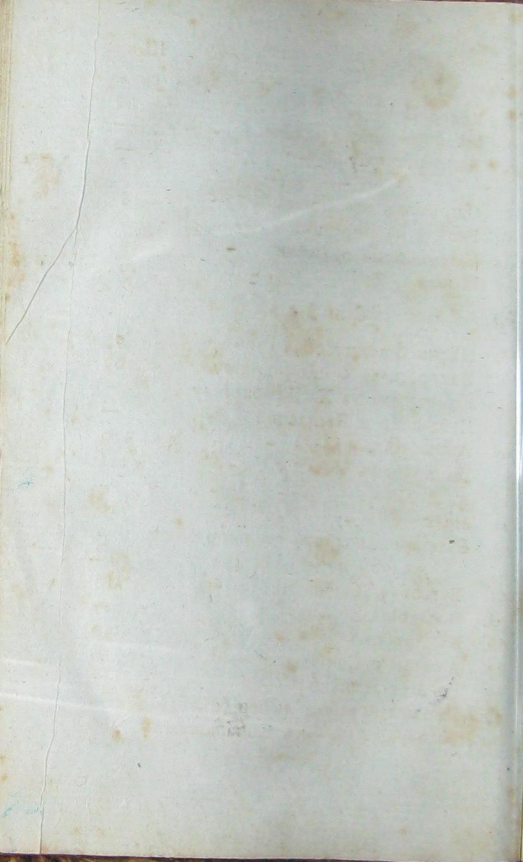
Смѣсь.

	Стран.
24. Гѣснь Ипаліанская - -	53
25. Къ . . . . - -	55
26. Билешцы - -	56
27. Тріолешъ - -	—
28. Довольный - -	57
29. Пѣснь (Нѣмецкая) - -	—
30. А. О. Ж. - -	59
31. Воззваніе къ Женщинамъ - -	—
32. Хоръ Поешовъ - -	62
—	
33. Посланіе къ Демокрипу - -	63
34. Неудовольствіе Минервы на Бахуса и Венеру - -	67
35. Откупщикъ и Харонъ. (Баснь) - -	75
36. Море и Рѣка - -	77
37. Ворона и Овца - -	—
38. Конь барскій и Кляча - -	78
39. Яспребъ и Ппицеловъ - -	—
40. На болѣзнь Г. Лицогина (эпиграмма)	79
41. На стрижку Дамъ - -	—
42. Злонраву - -	80
43. Клипу - -	—
44. Рѣдкосіѣ - -	—
45. На гробъ К. (эпишафія) - -	81
46. Гражданскому чиновнику - -	—
47. Каршежнику - -	—

Ковешкѣ	-	-	82
Къ портрету (надпись)	-	-	—
Къ портрету	-	-	—
<hr/>			
Отрывокъ изъ Поемы. . .	-	-	82
Бесѣда на пирушкѣ	-	-	84
Разсужденіе о любви	-	-	95
Мысли	-	-	105

С м ѣ с ь .

Пѣснь Французская	-	-	107
Эпиграмма X. Демокрипу	-	-	109
Комплиментъ X. Демокрипу	-	-	—
Нещастіе и Нещастіе	-	-	—
Лиза (пѣсенка)	-	-	110
Въ Альбомѣ	-	-	111
А. Д. С.	-	-	—
Не хочу	-	-	112
Рѣшеніе Аполлона на неправоту жалобъ по врачевству	-	-	114
Бугозилу (эпипафія)	-	-	115
Посланіе	-	-	—
Въ Альбомѣ	-	-	116
Алмазы и Спразы	-	-	—
Къ Проспинькѣ	-	-	117
Первыя чувства любви (пѣснь)	-	-	—
Нѣсколько словъ къ чипапелямъ	-	-	120

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пуспилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной —

Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ МАРТЪ.

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Марша 3 дня, 1816 года.

Деканъ Гавриилъ Успенскій.

I.

П О Э З И Я.

I.

У Т А И Д А.

(*Комическая Поэма.*)

Содержаніе первой пѣсни.

Зашѣй и Марья не имѣють дѣшей — ихъ горестъ — fortuna
пуна благопріятствуетъ Зашѣю сыскать средство къ полу-
ченію дѣшей — радостъ Зашѣя и Марья, произшедшая отъ
его — рожденіе сына и дочери.

Прощайте Музы, Аполлонъ,
И докучать вамъ переспану,
Предъ бабушку Ягу предстану
И позабуду Геликонъ.

Уже сѣдлаю сивку — бурку,
Не съ тѣмъ, чтобъ ѣхать на Парнасъ,
Я ѣду въ бабину канурку
Ея волшебный слышашъ гласъ.

О бабушка Яга сѣдая!
Своимъ вниманьемъ удостой,
Бандуру вѣхую настрой
Воспѣшь чудеснаго Утая.

Да пусть сравнишь онъ съ Бовою
И пусть Полкана превзойдетъ,

Позволь *Яга*, сему герою
Пройши чрезъ цѣлый бѣлый свѣтъ.
А ежели ему случится
И умереть иной порой,
Волшебною своею водой
Пускай опять онъ воскресится.
И такъ, *Яга*, съ симъ договоромъ
Начну я сказку говорить,
Подъ бдительнымъ твоимъ надзоромъ
Я стану чудеса творить.
Однакъ не обращай вниманья
На то, что часто мой спишокъ
Имѣть не будетъ сочепанья —
И будетъ для ушей жестокъ.
Златой я Бабы не прикащикъ,
Не стихотворецъ — но разкащикъ,
Яга, твоихъ чудесныхъ дѣлъ! —
Я такъ *бандурилъ*, какъ умѣлъ.
Надѣюсь будетъ всякъ доволенъ,
Кто сказочку мою прочтетъ,
Безсонницей не будетъ болѣнъ,
А пошь часъ крѣпкимъ сномъ уснетъ.
Въ лѣсу густомъ была избушка,

А въ ней

Жилъ дѣдъ *Зашѣй*,

Да *Марья*, добрая старушка.
Зашѣй съ старухой ладно жили,
Довольны и богаты были,
Имѣли много куръ, коровъ,
Собакъ, индѣекъ и кошекъ,
Лошадку, утокъ и гусей,

Но не имѣли лишь дѣшей —
И въ мрачной отъ того печали
Остатокъ жизни провождали.
И цѣлый день и цѣлу ночь
Съ старухой дѣдъ въ большой кручинѣ;
Имѣшь старуха хочешь дочь,
А дѣдъ все думаетъ о сынѣ.
Зашѣй зашѣйникъ былъ удалой
И прованъ отъ того Зашѣй,
Однако былъ въ надеждѣ малой
Имѣшь съ старухою дѣшей.

Онъ долго думалъ и прудился
И какъ хитръ ни былъ, ни удалъ,
И жъ онъ пихтѣлъ, крехтѣлъ, морщился,
Но не имѣлъ чего желалъ,
И до сихъ поръ все былобъ вшунѣ,
Когда бы не значай форшунѣ,

Играя въ жмурки,

Не зацѣлишь его канурки.
Извѣстно всѣмъ, когда кто съ сею
Сведешь знакомство госпожею,
Готъ, что ни вздумалъ, все шворить.
Пришлалъ охота рушить грады?
Онъ грады рушить и валить,
Безъ всякой жалости, пощады.
Иль вздумалъ быть царемъ вселенной?
Вѣнцемъ онъ мигомъ украшенный

И государь государей,

Зашѣй

Но царства не былъ лакомъ
И о вѣнцѣ не помышлялъ.

Онъ бышь съ рогапымъ, круглымъ знакомъ
За щастіе не полагаль.

Сей дѣдъ имѣль довольно шолку
И былъ своей избушкѣ радъ,
Имѣть желаль ребятокъ двойку,
А не вѣнца и не палашъ.
Форшуна хоть слѣпа,

Глупа,

Кого однакожь обласкаетъ,
Тотъ все имѣеть, что желаетъ.

Зашѣй

Имѣть желаль дѣшей
И средство ихъ имѣшь находишь,
Вдругъ странна мысль ему приходитъ,
Чтобъ уподобиться насѣдкѣ.

И изъ ушинаго яйца

Имѣть птенца!

Мысль эту Марьи объявляетъ,
Ее цѣлуешь, обнимаешь,
Короче: въ радости такой,
Въ какой

Бываетъ Секретарь
Иль всякой вообще подьячій,
Когда получитъ будшо въ даръ,
Какъ говорятъ, кусокъ горячій.
Дѣдъ съ Марьей, послѣ цѣлованій
И послѣ долгихъ обниманій,
Яиць ушныхъ принесли,
Не пару — чуть-ли не десятокъ,
Вотъ какъ они имѣть ребятокъ
Желали! и потомъ снесли.

Снесли!

О какъ легко сѣе мы слово,
О какъ легко произнесли!
Какъ будто все уже гошово,
Хоть сказка скоро говорится,
Да въ сказкѣ скоро не вершится,
Какъ сѣлъ на яйца, потерпи,
Ночь, двѣ и больше не поспи,
Претерпѣвай различну муку,
Досаду, голодъ, жаръ и скуку,
Сиди на мѣстѣ, распощѣй
И шевельнуться не посмѣй.

Ужъ день сидятъ мои Герои,
Сидятъ и ночь и день другой,
Но нѣтъ надежды никакой,
Какъ словно Грекамъ подлѣ Трои.
Проходятъ девять ужъ ночей
И столькожъ дней,
Но нѣтъ дѣшей.

Десята наступила ночь,
Яйцо подъ Марьей разрѣшилось,
Бя желанье совершилось
И Марья получила дочь.
У женщинъ видно больше жару,
У женщинъ видно больше пару,
Чѣмъ въ нашей братьи у мужчинъ.
И вотъ причина, что не сынъ,
А вышла дочь на свѣтъ скорѣе;
Вы, женщины, мужчинъ жарчѣе.

Прошло паръ нѣсколько часовъ,
Прошли не наши, а такѣе

Часы огромные — какіе
Находятся у должниковъ,
А можешь бышь и ешихъ шире;
Но нѣшь! я вамъ гошовъ божишься,
Сіи часы съ часами ихъ
Никакъ не могушь уравнишься.
Ихъ часъ бываетъ дней въ чешыре,
Въ недѣлю, въ мѣсяць, въ цѣлой годъ. . . .
Но лучше — ка зажать намъ ротъ
И къ симъ часамъ неприкасаешься,
Должникъ бываетъ лихъ,
Еще онъ вздумаетъ за нихъ
Прицѣпку сдѣлать и ругаться.
Читатели, прошу, простите,
Впередъ не стану отступать
И, естли слушать вы хотите,
Опять начну я продолжать.
Мы всѣ имѣемъ недостатки,
У всякаго есть свой порокъ:
Подьячій брашь охотникъ взяшки,
Философъ любить винный сокъ,
Пѣвецъ Ушая отступленья,
Педантъ безъ умолку кричать,
Иной чужія сочиненья
На свой манеръ переставлять,
Льстець радъ предъ бариномъ большимъ
Хоть въ шри погибели согнушься,
Когдажъ ученыхъ два столкнутся,
То въ цѣлыхъ не оспаться имъ:
На вѣрное что подерушься. . . .
Но нѣшь! довольно отступать,

Я слишкомъ далеко отбился,
Ужь можешь быть, — кто можешь знать —
И дѣдъ Затѣй нашъ разрѣшился.
Онъ бѣдный потерялъ шерпѣнье,
Яйцо съ досады раздавилъ
И эпимъ самымъ ѹскорилъ
Сынка любезнаго *Рожденье!!*

Мслечъ.

2.

И Н Т Е Р Е С Ъ.

(С а т и р а.)

Ученые умы! позвольте мнѣ узнатьъ,
Доколь вы будете намъ книги издаватьъ?
Доколь будете, запершись въ кабинетѣ,
Черниломъ убѣлять шьму сущую на свѣстѣ?
Ужь и безъ васъ давно всѣ люди говорятъ,
Кто праведенъ, пошь правъ — кто грѣшенъ, ви-
новашъ,
Вы жъ ешьли смыслише, шакъ покажите сред-
ство,
Какъ можно избѣжать на свѣстѣ живши бѣдства?
А ешь ли и сего нельзя ужъ вамъ сказашъ,
То хоть скажите намъ, кто злу всему ешь
машъ?
Законы слабые, одинъ насъ увѣряешъ,
Прилѣры вредные, другой предполагаешъ,
Но шретѣй возразивъ съ досадой вопѣешъ,
Ошь *роскоши* все зло произошло на свѣстѣ —

Поклонь мой симъ умамъ и мыслямъ ихъ вѣр-
нѣйшимъ,

Поклонь всемъ авторамъ Викаріямъ первѣйшимъ.

Я твердо вѣрую и присягну сей часъ,

Что книги ихъ нигдѣ не учать худу насъ,

Но кто чистая ихъ ужъ плохо нынѣ видишь,

Тотъ не ужель мужей великихъ тѣхъ обидишь,

Что и свою имъ мысль приложишь для суда?

Спросишься, кажется, не есть еще бѣда;

Одинъ лишь Аруэшь себя шой спесью славиль,

Что посторонніе умы въ умы не шавиль,

А я такъ думаю, что шѣмъ не погрѣшу,

Когда умнѣй себя о чемъ ни есть спрошу?

А имянно, вошь что мой умъ не постигаетъ,

Не *интересъ* ли зло на свѣтѣ все раждаетъ?

Не онъ ли главная причина есть тому,

Что безъ грѣха прожить не можно никому?

Самъ дьяволъ, гдѣ ко злу все средство поше-
ряетъ,

Въ пособіе его всегда употребляетъ.

Припомните, когда ходилъ онъ за Христомъ

И царство показалъ богатое перстомъ,

Употреблялъ свои все хитры покушенья,

Чтобъ сына Божія довести до искушенья,

То милость обѣщаль, то милости просиль

И наконецъ съ стыдомъ во адъ отосланъ былъ;

Припомните, какъ вся тогда геенска сила

Подпоры болѣе ни въ чемъ не находила,

Но злой вишь Вельзевулъ и шуть не позабылъ,

Что *интересъ* еще ему на помощь былъ:

Прибѣгнуль къ сладкому сему для смертныхъ
яду

И къ кознямъ новыя доставиль средства аду.
Въ чемъ самъ духъ хипросшей успѣшь никакъ
не могъ,

Увы! въ томъ иншерьсь пошь часъ ему помогъ.
Прельщенъ Гуда имъ и преданъ богъ на муки,
О иншерьсь! швои его убили руки. —

Но остановимся о томъ мы продолжатъ,
Чего безъ ужаса не лзя воображатъ
Разсмотримъ лучше связь дѣль намъ людей по-
добныхъ,

Разумныхъ, дураковъ, святыхъ и преподобныхъ.
Разсмотримъ пахаря, у коего всѣ дни

Въ предмѣшѣ съ шернѣемъ загоны лишь одни:
За чемъ онъ шрудится? за шѣмъ ли, чшобъ ора-
ломъ

Чинь выпахашъ себѣ и вышпи Генераломъ?

Иль силится чрезъ шо добиться ко кресту,
Имѣя круглой годъ лице свое въ пошу?

Иль хочеть онъ святымъ содѣлаться отъ плуга?

Иль лестно для него названье царска друга?

Нѣтъ! онъ охотою и въ шаросты нейдѣтъ;

Такъ чшожь причиною такихъ его работъ?

Первѣйшая, чшобъ ѣсть, другая, денегъ болѣ

Желается ему достать чрезъ плугъ и поле.

О иншерьсь! и шуть ты шоже иншерьсь;

Твой видно и въ пыли блескъ яркой не изчезъ;

Но пусть шо хорошо, что ты къ шрудамъ охо-
пишь,

Да чемъ же послѣ намъ за шѣ шруды за пло-
тишь?

Привычкой къ жадности, привычкой къ грабежу
И что то истинна я твердо докажу.

Боишься, на примѣръ, въ посты ѣсть пахарь съ
сокомъ

И масломъ щи подбихъ щипаетъ онъ порокомъ;

Боишься выбранишь кумы своей куму

И хлѣбъ собакѣ дать, что нищій клалъ въ суму;

Боишься крестъ стереть написанный въ кре-
щенъе,

Боишься ворона убить въ своемъ селенъи;

Боишься курицы, что пѣла пѣтухомъ

И голубей стрѣлять щипаетъ онъ грѣхомъ;

Охотнѣе гошовъ съ своимъ растаться домомъ,

Чѣмъ погасить пожаръ, заженный въ ономъ гро-
момъ;

Боишься мѣльниковъ, боишься ворожей,

Боишься мертвецовъ, боишься растаней;

Короче, онъ всего боишься — уступаетъ,

Гдѣ только интересъ его не воружаетъ,

А для него гошовъ и вдовѣй лугъ скосить

И въ полѣ сироту копною задѣлать;

Гошовъ за снопы одинъ вонзять сосѣду вилы:

Вошь какъ и набожнымъ душамъ прибытки милы!

Разсмотримъ и купца, кошорый и гроша

Съ шѣмъ въ руки не возметъ, не здѣлавъ ба-
рыша,

Что рыба безъ воды, растѣнїе безъ влаги,

Хвасунъ безъ языка, подъячїй безъ бумаги,

То почно и кулець безъ интереса есть:

Онъ божество его и жизнь его и честь.

Отъ полюса пройди до полюса другога
Не полѣнится онъ для барыша большова;
А вѣра и законъ ни что сушь для него,
Коль нѣшь ему отъ нихъ прибышку ничего.
Купецъ для барыша не только къ аду ближе,
Но и за адъ еще готовъ спуститься ниже
И естлибъ въ шаршарѣ публиковать подрядъ,
То почно бы онъ тамъ былъ торговаться радъ.
Попробуйте открышь вдругъ предъ его гла-
зами

И рай, небесный домъ и биржу съ кораблями
И посмотрите, что скорѣй его займѣшь,
Жилище ли святыѣхъ иль торгъ и оборотъ?
Единъ богъ безъ грѣха, вопъ что, вздохнувъ,
онъ скажетъ

И въ залъ купеческой вести себя прикажетъ.
Тамъ смоляной мапрозъ и шкипетръ съ кол-
басой

Пріятнѣй для него, чѣмъ Авраамъ свяшой:
На что о будущемъ шакъ рано заниматься?
Въ могилахъ, скажетъ онъ, успѣемъ належашься.
Разсмотримъ барина, которой вопіетъ,
Что Ной по грамотѣ отцу его есть дѣдъ,
Что предокъ былъ его при штурмѣ Брихона.
А потому и гербъ его съ мечемъ корона,
Что за отечество, за вѣру и любовь
Готовъ охотно онъ пролить до капли кровь:
Разсмотримъ мы его по ближе и по тонѣ,
Что есть опличнаго въ кичливой сей персонѣ?
То правда, что онъ есть въ отечествѣ потъ
членъ,

На коемъ главной руль правленья укрѣплень,
Вѣшрь съ поля безъ него такъ сильно въ парусъ
дунешь,

Что весь гражданской грузъ шопъ часъ на ка-
мень сунешь,

И чтобы чернь была въ связи какъ дворъ одинъ,
Необходимъ въ шакомъ дворѣ есть дворянинъ.

Многоразличныя правленья сущъ машины,

Имѣють колеса, валы, зубцы, пружины,

Что всё хопъ государъ и мудро соорудиль,

Но нуженъ человекъ, чтобы въ срокъ ихъ заво-
дилъ,

А иначе шопъ часъ всё двигаться престанешь,

И гиря и законъ лежатъ безъ дѣйства спанешь.

А кто шопъ человекъ? не нужно толковать,

Ни какъ его зовуть, нигдѣ его сыскашь,

Извѣсны всѣмъ его и имя и порода,

Извѣсны, но увы! въ семьи не безъ урода:

Коварной интересъ и эту чисту кровь

Умѣешь очернить черезъ свою любовь.

Не рѣдко офицеръ, имѣя алчность къ злату,

Не полной выдаетъ паёкъ муки солдату,

И шамъ уже, гдѣ всё извѣщено лошъ въ лошъ,

Старается найши на перезяхъ походъ.

Не рѣдко комендантъ, дарами обольщенной,

Безъ совѣсти здаешь редуль, ему врученной.

Не рѣдко Генераль, для равной же вини,

Перемѣняешь ходъ щасливия войны.

И бывъ неуспрашимъ среди каршечъ лепящихъ,

Робѣешь и бѣжишь отъ шалеровъ блестящихъ.

Увы! отечество, увы! и шы законъ,

Не слышимы вы шамъ, гдѣ слышенъ денегъ
звонъ.

Но это лишь въ войнѣ, то чтожь увидимъ далѣ,
Когда явимся мы въ судѣйской мирной залѣ?

Тамъ алчной Секретарь, не дѣломъ ушружденъ,
А мздой виновника великой убѣжденъ.

Ворочаетъ листы, перебираетъ числа,
Стараясь въ нихъ найши указа разны смыслы,

Дабы чрезъ то не онъ законы исполнялъ,
А дѣлалъ то законъ, что Секретарь сказалъ.

Короче объяснить, сей извергъ государства
Законъ чтеть за царя безъ подданныхъ и цар-
ства,

И имъ, какъ мышьякомъ, и лѣчишь и мерввишь,

Смотря то потому, какъ интересъ велить.

А выбранной судья дворянскими балами,

Не занимается казенными дѣлами,

Сидить и думаетъ, какой бы взять предлогъ,

Чтобъ и его въ пять цифръ длиною былъ итогъ;

Сидить — но Секретарь, замѣтя планъ су-
дѣйской,

Подходитъ съ важностью, яко посоль Индѣй-
ской,

И говоритъ ему: обрядъ не есть законъ,

И шакъ я думаю, что время выйти вонъ,

Понеже сбившіесь просители, какъ шуча,

Желаюшь выхода, присудствіемъ наскуча;

Законыжь вамъ велятъ и дома то читашъ,

О чемъ намѣрены въ судѣ вы разсуждашъ,

И не за шѣмъ они насъ здѣсь опредѣлили,

Дабы мы, явля судъ, безъ пропитанья быи.

Въ присягѣ мы клялись, чтобъ съ вѣрностью
служить,
Но въ ней не сказано, чтобъ намъ ни ѣсть, ни
пить.

Жиды и не служа, но Руско достоянье,
Въ аренду взявъ, себѣ имѣють пропитанье,
А правды сыщику на что о помъ шужить,
Что нѣчѣмъ лишній ноль къ итогу приложить.
Спросите лишь о помъ проворную персону,
То есть Секретаря — яко ключа закону,
А съ нимъ, распорядя предбудущій итогъ,
Поможетъ точно вамъ въ желаніи самъ Богъ.
Дѣлишь въ молчаніи. . . и дашеля оправить
Есть шожъ, что грѣшника въ погрѣшности ис-
править,

А кто на шо подасть въ присудствіе извѣсть,
Тотъ безъ сомнѣнія въ острогѣ пропадетъ.
Указъ о ябѣдѣ довольно средствъ доставилъ,
Чтобъ всякой судія, служа, свой щотъ соста-
вилъ,

И такъ, держитесь лишь меня во всѣхъ дѣлахъ,
Совѣшь мой право вамъ, на щотъ итога, благъ.
Вошь какъ хранители закона поступають,
Вошь дворянина какъ прибытки повреждають
Размошримшежъ шеперь и пастырей церквей,
Которымъ поручень ключъ царствія дверей:
Фонъ Визина слуга ихъ правда ужъ шревожилъ,
Но шолько совѣшь ихъ нимало не умножилъ;
Осталося у нихъ, и по сіе число,
Одно и шожъ въ рукахъ для паствы ремесло,
То есть: они людьми, какъ куклами, играютъ

И, міру миръ моля, міръ съ миромъ обдирають:

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Чтожь? то ли дѣлать имъ велѣль Творецъ небесъ?

Отнюдь не то, семужь причиной интересъ;
А безъ того, на чтожь учителямъ спасенья
Первонцы доводишь свои до утѣсненья
Г экипажъ имѣть такой величины,
Коль двери райскія въ аршинъ лишь ширины?
А что имъ покупать подъ бронзою камоды,
Когда на небесахъ на нихъ совсѣмъ нѣтъ моды?
Г хитрые замки на что къ нимъ прибирашь,
Коль въ небѣ и воровъ не лзя предполагать?
О золь всѣхъ оберъ зло! поносной интересъ!
Робой адъ движится, шобою крѣпокъ бѣсъ,
Ты, будучи царемъ надъ шаршарской геэнной,
Пороки распустилъ надъ цѣлою вселенной.

3.

О Д А

На миръ Евролы, превращенная въ
баснь. (*)

Тупъ поздно бѣдный волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;

Л о м.

Оставимъ, Муза, басни, сказки,
Опложимъ дудку и гудокъ;
Попросимъ-ка у Феба ласки
И купимъ лиру на часокъ,
Кленовую, не дорогую:
Гдѣ денегъ взять на золотую?
Нѣшь, золотая не по насъ;
Она громка, съ ней бѣдъ настроишь,
Кого нибудь обезпкоишь,
Тогда шолчка намъ дастъ Парнасъ.

*

Припомъ же, ежели случится
И худо на простой сыграешь,
Ни кто сомной не побранишь,
Всѣ скажутъ: „онъ невиноватъ:
Не можно ждать пріяшна тона
Отъ лиры, сдѣланной изъ клѣна.“
А ежели жъ удастся намъ
Сыграешь хотя немножко плавно,
Всѣ скажутъ: славно, славно, славно;
Тогда честь нашимъ головамъ.

*

(*) Напечатана въ первый разъ въ началѣ 1815 года.

И такъ ты, Муза, потрудися,
Воды Каспальской принеси, —
Предъ Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой въ лавку,
Двухъ мальчиковъ: Филипку, Савку,
Стремглавъ я къ Рифмину пошлю.
Быть можешь рифмъ словарь исправный
Уже окончилъ Рифминъ славный:
Такъ я себѣ его куплю.

*

И здѣсь всѣмъ нужнымъ запасуся,
Полостану перьевъ и чернилъ,
Въ свой темный погребъ опущуся
И принесу вина бушылъ.
Чтобъ вкусъ Каспальской премѣнился,
Чтобъ напитокъ рѣзвый превратился,
Смѣшаю воду я съ виномъ,
И выпивъ все — ужъ по-то Оду
Въ честь брякну Рускому народу:
Эй! не ударю въ грязь лицомъ. —

*

Ужъ принесла воды мнѣ Муза,
А я давно вина принёсъ:
Смѣшаемъ, выпьемъ и — Француза
Пускай колошитъ храбрый Россъ.
Корѣ спрой мнѣ, Муза, Лиру,
Чтобы воспѣшь миръ данный міру...

*2

„Какъ, какъ? — ты хочешь миръ воспѣть?
Такъ Муза мнѣ въ отвѣтъ сказала —
И въ изумленьи продолжала:
„Въ тебѣ ума конечно нѣтъ.

*

„Тебѣ ли миръ сей славословишь,
„Тебѣ ли, съ чадной головой,
„Когда Исторья не находишь,
„Кому бы трудъ вручишь такой?
„Тебѣ ль — (о дерзостно желанье!)
„Тебѣ ль воспѣть сіе дѣянье?
„Когда и творческимъ умамъ
„Дано сему лишь удивляться,
„То какъ же за сіе приняться
„Тебѣ подобнымъ головамъ? . . .

*

„Смотри: Державинъ, Горчаковы
„И Дмипріевъ и Карамзинъ,
„Капнистъ, Жуковскій, Мерзляковы;
„Всѣ, всѣ молчатъ; — и ни одинъ
„На лирѣ мира не бряцаетъ;
„То какъ смѣшно, когда желаетъ
„Его М. . . . . жалкѣй пѣть!
„Не будь въ намѣреньи семь швердымъ,
„Не мучь ушей ты людямъ добрымъ,
„Надъ Одой перестань пошѣть!“ —

*

Изволишь правду, Муза, баить ;
Хотя за лиру денегъ жаль ,
Но чтобъ себя не обезславить ,
Не лучшель бросить эту шаль ? —
Примуся лучше я за дудку
И вмѣсто грозной Оды — въ шушку
Я людямъ басеньку скажу.
Я рѣчью убѣжденъ своею ,
Разставшись съ лирою моею ,
Тебѣ послушность окажу.

*

И такъ, Чашатели почтенны,
Я оставляю лирный шонь ;
Когда вы имъ не упоменны,
Скажу вамъ басню про Огонь.
Но что бы гладко было, плавно,
Я буду наблюдать исправно
Мной въ Одѣ начатый размѣръ.
Такъ баснь писать бы негодилось ,
Но что же дѣлать? такъ случилось,
Перемѣишь нельзя шеперь.

*

Подъ старымъ, дряхлымъ Черноклёномъ
Въ лѣсу забытъ былъ огонёкъ :
Онъ чуть лишь шлѣль и съ жалкимъ спономъ
Прервать збирался жизни шокъ.
Но вѣшеръ вздумалъ разыграться,
Сшаль на кулачки съ кленомъ драшься :

Онъ дѣда сильно шакъ шузиль
Въ бока и ребра, въ грудь и рожу,
Что съ черноклена содраль кожу,
Да сукъ въ добавокъ опломиль.

*

Сей сукъ по щастью иль нещастью
И вмѣстѣ съ кожей иль корой,
Спаль лѣсу цѣлому напастью.
Сей сукъ, для лѣса роковой,
На огонёкъ съ корой свалился:
Огонь въ минушу оживился,
Забыль супяга умирашь,
Онъ думаль, какъ бы поскорѣе
Да разгорѣшься по сильнѣе
И дрыхлый черноклень сожрашь.

*

Ужъ черноклень нещастный пышетъ,
Трецишь и испускаетъ дымъ:
Огонь мой глухъ — его не слышишь,
Онъ, какъ бы, думаешь, къ другимъ
Пожаловать деревьямъ въ гости.
Вдругъ началъ прыгать въ адской злости,
То шумъ, то шамъ, то вонь-гдѣ, здѣсь:
Зажжеть то липу, ясень, лозу,
То ольху, дубъ иль вязь, берёзу. . .
Короче жжеть онъ цѣлый лѣсъ.

*

Туть дерзостямъ его препоны
Не находилось ни какой,
Онъ сжегъ деревьевъ миліоны!
И путь потомъ направилъ свой
На села, городки и грады,
Всё изстребляя безъ пощады.
Ахъ сколько пщиць, скоша, звѣрей
Отъ пламени его пропало
И сколько чрезъ него не стало
Крестьянъ, мѣщанъ, Дворянъ, Князей!

*

Онъ въ лютомъ буйствѣ всю вселенну
Хотѣлъ во пламень обратитьъ,
Преобразить ее въ Геенну;
Къ рѣкъ онъ вздумалъ подступить.
„Смирись, рѣкъ, сказалъ надменно,
„Или погибнешь непременно;
„Тебя по свойски проучу.
„Лишь только пасиь мою разину,
„Тебя разстрою, опрокину,
„Въ ничтожество преобращу.

*

„А ешьли мнѣ явишь покорностьъ,
„Наложить на себя яремъ:
„Во мнѣ всегда найдешь готовностьъ
„Пецись о щастіи своемъ.“
— „Оставь, огонь! слова надушы,
„Такъ говоришь лишь только шушы,

„Словамъ такимъ цѣны здѣсь нѣтъ;
„Рѣчей шакихъ здѣсь не боясь,
„Ошь сердца спануть имъ смѣяшься.“
Рѣка сказала такъ въ отвѣтъ.

*

Огонь съ рѣкою шуть связался,
Онъ такъ ужасно грѣлъ рѣку,
Такъ быспро на нее бросался,
Что сдѣлалъ рану ей въ боку.
Всшупилъ въ рѣчные онъ предѣлы
И въ сердце сталъ пускашь ей стрѣлы.
Узнавъ сосѣди вѣсть сію,
Воспрепешавши изумлялись —
И съ малодушіемъ собирались
Запречь въ яремъ главу свою.

*

— Но былиль чудеса такія
И кто, скажите мнѣ, видалъ,
Что бы глубокія, большія
И быспры рѣки огонь сжигалъ?
Рѣка скопивши воды черны
И раздѣлясь на многи волны,
Надувъ обширный свой хребеть,
Мушпшь, шумпшь, реветъ, буншуетъ,
Валишь — въ огонь съ презрѣньемъ плюетъ
И что огонь? — его ужъ нѣтъ!

*

Рѣка нашъ АЛЕКСАНДРЪ — отрада!
Но ктожь надменный сей огонь?
„Несытое исчадье ада,
„Чудовище — Наполеонъ!
Которой *Бонькою* зовешся,
На Эльбѣ мучился, прясется,
Что не сгубилъ людской весь родъ,
Бѣснуется, не спить, скрежещетъ,
На всѣхъ косые взоры мечетъ. . . .
„Такъ наказуетъ злыхъ Господь!

Мслечъ.

Б А С Н И.

4.

Проловъдь и Басня.

Валишь народъ, валишь толпою,
Встрѣчается народъ съ богатою Госпожою,
Блещитъ на баринѣ нарядъ,
Гордится бариня нарядомъ,
Ни съ кѣмъ себя не ставитъ въ рядъ
И удостоить чернь своимъ не хочеть взгля-
домъ.

И подлинно! ужъ есть похвастать чемъ:

Украшена всѣмъ тѣмъ,

Что только нынѣ

Въ своемъ старинномъ магазинѣ

Могла для ней Мадамъ Рипорика сыскать.

Уборъ такой мнѣ врядъ ли описатьъ;
На головѣ не чепчикъ, — хрїя,
Въ фигурахъ плашье все, фигурижь эти всѣ,
Повѣрьте мнѣ,
Работы мастерскія;
Ихъ выдумаль какой-шо Грекъ,
Искуснѣйшій въ семь дѣлѣ челоувѣкъ.
Въ рукахъ, на мѣсто опахала,
Пукъ проповь модница держала
И гордо Проповѣдь на фижмахъ выступала.
На встрѣчу дамѣ изъ села,
За чѣмъ то, басенка брела:
Одѣта не по барски,
А просто по крестьянски,
Но такъ къ лицу, что мило поглядѣть:
Желалъ бы, кажешся, съ ней жить и умереть.
Тутъ всѣ простилися съ нарядной Госпожою,
Котора столько ихъ заставила зѣватьъ,
Всѣ къ басенкѣ спѣшатъ,
Ея прелестною любуясь простотою.

Нахилновѣ.

5.

Голубь и Воронѣ.

Мальчишка грязію на Голубя бросаль
И перья бѣлыя ему онъ замараль.
Сіе увидѣвши, сказалъ ему такъ Воронѣ,
Злой радости, восторга полонѣ:

Теперь ты Голубокъ, какъ всѣ Вороны, чоронь! —
Но съ тѣмъ различіемъ — былъ Голубка оц-
вѣтъ:

Вы черны за всегда — умоюсь я, и — нѣтъ! —

Не добродѣтель ли намъ Голубъ представляешь,
Которую марать злорѣчіе желаетъ?

6.

Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ.

Лишь только скрылся дневный свѣтъ,
Задумалъ ужинъ Волкъ имѣть:
Въ пастушье платье нарядился,
Широкой шляпою прикрылся,
Досталъ и посохъ и свирѣль,
На лапы задни лапши вздѣлъ,
Повѣсилъ на плечо баклагу,
Къ овцамъ изъ лѣсу даль онъ тягу.
И что же? вошь ужъ онъ и шамъ,
И, какъ прилично всѣмъ ворамъ,
На всѣ сторонки озирался;
Узнавъ, что три собаки спяшь,
Пастухъ съ пастушкой разоснался,
Онъ стадомъ могъ распоряжатъ;
Такъ нѣтъ, еще шукаришь нада,
И чемъ овецъ бы глупыхъ ѣсть,
Онъ вздумалъ разговоръ завестъ,
Чтобъ кой-что распросить у стада.

Но только лишь разинуль ротъ. . . .
Какъ вдругъ: *Бухнь, Разбой, Отлѣтъ,*
Проснулись и — схватили Волка:
Въ нарядѣ онъ бѣжать не могъ,
А между тѣмъ пастухъ Николка
Свалилъ его дубиной съ ногъ!

* *
*

Къ сей басенкѣ — нравоученья
Я не намѣрень приложить.
У Ломоносова прощенья
Хочу предъ всѣми попросить:
Россійскій Пиндаръ Ломоносовъ!
Хвала и слава славныхъ Россовъ,
Великій, громкій нашъ пѣвецъ,
Учишель нашъ и образецъ!
Проси, что смѣлъ я напроказить
И баснь прекрасную твою
Украсть и шакъ обезобразить!
Прости провинность мнѣ сію. —
Я баснь твою укралъ для щоту,
Къ моимъ одной не достаешь;
Своя мысль въ голову нейдетъ,
Хоть я довольно пролилъ поту, —
И послѣ выбившись изъ силъ,
Осмѣлился — (смѣльчакъ!) рѣшиться,
За баснь твою чшобъ ухваться. . .
Что въ почности и учинилъ. —

Мслевъ.

Наполеоновы Шахматы.

Расставивъ шашки по порядку,
Хотѣлъ Наполеонъ играть,
Чтобы въ холодную Камчатку
Шахъ Рускому и всѣмъ вонъ изъ Европы дать.
Придвигиваль онъ шашки спройно

И шель къ Москвѣ спокойно:
Хоть, правда, у него подь часъ
То *пѣшки*, то *коней*, то *лушки* отбирали,
Однако же Москву ему на жертву дали
И къ выгодѣ для насъ.

Но тамъ, когда его порядочно припѣрли,
И Рускіе къ нему дорогу попрошѣрли
И вдругъ, перемѣнивъ игру,
Сказали: *шахъ Царю!*

Вошь онъ и зашахаль шажищемъ великанскимъ,
По обласямъ Германскимъ

И наконецъ дошелъ къ своимъ,
И цѣла Руская *игра* во слѣдъ за нимъ:
Козацкіе *кони*, съ своими сѣдоками
Дарили въ слѣдъ его щелчками —

Инь искры отъ копытъ летяшь!
Отвсюду на него запрешины свистяшь;
Тамъ *лушки* Рускія дорогу прокладають,
Тамъ *пѣшки* *пѣшекъ* съ ногъ сшибають.

Оглянешся — бѣда кругомъ!
Всѣ *шашки* у него, то взяпы, то валятса,
А *новыхъ нѣтъ*, какъ *нѣтъ*: съ грибами не ро-
дятся!

„Давай-ка, думаешь, шахнуть было мнѣ въ
домъ:

Авось — либо еще отшуда и удастся,

Такимижъ съ Рускими *шахами* поквитаешься.

Шагнуль — но и отшуда *шахъ!*

Взглянуль — *игра* его разщипана вся въ прахъ! —

Съ тѣхъ поръ ему вездѣ за *шахомъ шахъ* да-
вали,

Покамѣсть въ *уголокъ* загнали;

Туть молвили: пора окончить намъ *игру,*

И — *мать Царю!*

Орестъ Соловь.

8.

Рифмачъ и Смерть.

Одинъ Рифмачъ имѣлъ кварширу у кладбища:
Онъ часто зршелемъ былъ славныхъ похоронъ;
Такія зрѣлица всѣмъ Рифмотворцамъ пища,
Есть случай помѣстить имъ въ одѣ ревь и
сшонъ

И рева своего въ замѣну,
Подъ случай, получить хорошенькую цѣну;
Такъ какъ имъ бѣднымъ не ревьшь,
Коль могушь выплакати они себѣ обѣдъ?

Въ обѣденну однажды пору
Имѣлъ мой Рифмошкачъ прекрасный апетитъ,
Но хлѣба нѣтъ куска и не за что купишь!
Но вдругъ является его внимательному взору

Умерша дѣвушка богатаго отца,
Которую, для радости пѣвца,
Несли на кладбище — на гору.
Рифмачъ въ восторгѣ! — (будеть сытъ!)

Стремглавъ ко гробу онъ бѣжитъ.

Экспромту слезный произноситъ

И въ немъ Смерть любу такъ поноситъ:

„Цвѣла и — нѣтъ!

„Вотъ жизнь и Смерть!

„О Смерть! — лишь надо мной ты наругаешься
можешь,

„Но ни жены моей ты, ни дѣшей не сгложешь —

„Клянусь тебѣ, что я въ семь мѣрѣ не же-
нюсь!“...

— „Ты правъ, я надъ женой швоей не посмѣюсь;

„Куды тебѣ женишься? —

„Кто эдакимъ вралемъ прельстится?

Такъ Смерть поэта прервала:

„Но надъ дѣшми — (хотя и не спа-
раюсь,)

„Твоими я давно ругаюсь!“

Дѣшми она его шворенья назвала.

Мсль.

Е П И Г Р А М М Ы.

9.

Панегиристу А..... И....

Бывало грѣшныхъ насъ ты всё морилъ стихами,
Теперь — ужь небесамъ скучаешь похвалами;
Я чаю, слушая хвалу себѣ твою,
Святой зѣбаетъ и въ раю.

10.

Когда на станъ ея зриаешь
Иль пѣнье слушаешь ея
Или рѣчамъ ея внимаешь, —
Всё, всё прельщаешь въ ней тебя;
Когдажъ въ лице ея заглянешь, —
То онь нее ты бѣгаешь спанешь.

11.

Перемѣна платья.

Какъ плашье дѣйствуетъ, Сударыня, на васъ:
Вчера вы въ бѣленькомъ любите меня божи-
лись,
Сего дня въ темное, къ несчастью, нарядились,
И вошь другому вы клянётесь столькожъ разъ!

---

*Крету, которой называлъ свою любов-
ницу Діанюю.*

За что Діаной величаешь
Красавицу, тебѣ которая мила?
Діана мѣшила въ оленей, самъ ты знаешь;
А милая твоя нацѣлила въ осла!

Орестъ Сомовъ.

Р а й.

Какой ты лакомка, Адамъ,
За яблоко всѣхъ насъ обидѣлъ!
Когда бы жилъ тогда *Абрамъ*,
Какъ свѣтъ бы рай доселѣ видѣлъ.
А ешьлибъ, другъ мой, виноградъ
Былъ искушеньемъ вмѣсто древа?
— „Тогда пропалъ бы райскій садъ. . . .“
Такъ правы, брашъ, Адамъ и Ева.“

Мслвчъ.

14.

Кучеру.

Тирру, стой, прохожій, погоди:
Я кучерь — сиживаль всегда напереди;
Когда же прокашаль здоровье, умь и силу,
Смерть гаркнула: „ну, ну! вышягивай въ мо-
гилу!

Поди!

Орестъ Соловъ.

15.

Педанту Силѣ.

Въ сію могилу
Педанта положили Силу,
Которой помѣщаль въ себѣ 500 наукъ,
Но голову имѣль пустую, какъ сундукъ.

16.

Турецкому Султану.

Положено здѣсь тѣло Магомета,
Который былъ страшилищемъ для свѣта:
Судьбы непостижима вервь!
Теперь его съѣдаетъ червь.

17.

Пастуху Гончаренку.

Сей мужъ былъ пастырь Любошинскій (*):
Онъ пасъ свиней,
И умъ имѣя свинскій,
Былъ щаспливъ въ жизни сей!

18.

Гнѣтъ въ рогожѣ Климъ:
Богъ съ нимъ!

Мслвчъ.

19.

*Изъясненіе въ любви одного приказ-
наго (**).*

О ты, всѣхъ прелестей палата
И Президентъ души моей!
Твой взоръ — указъ мнѣ изъ Сенапа,
Понеже въ волѣ я швоей.

(*) Любошинъ село Валковскаго уѣзда.

(**) Сія піеска давно очень сочинена и ходитъ по рукамъ. Какъ жаль, что Сочинитель оной неизвѣстенъ! Беру смѣлосць помѣститъ ее въ Х. Д. и надѣюсь, что она понравится моимъ читателямъ. Прим: Из:

Твоей прельщень я красотою,
Спѣшу въ *секвестръ* себя отдать,
Меня ты можешь за собою
Безъ *пошлимъ, справокъ*, отказать.

Въ *Архивѣ* я когда бываю
Иль въ *Канцелярію* спѣшу:
Повсюду образъ твой встрѣчаю,
Въ *ловытьѣ* я бумагъ ищу.

Клянусь по чести предъ *зерцаломъ*,
Что предъ тобою *суцїй* вздоръ
И самъ *Сенаторъ* въ *платьѣ* аломъ,
Въ *мундирѣ* *шитомъ* *Прокуроръ*.

На *вѣкъ* твоей я преданъ власти,
Въ *журналъ* любви меня впиши,
Прочши *экстрактъ* *нѣжнѣйшей* *спрасти*
И *вылись* *пламенной* души.

Взгляни хоть разъ одинъ *умильно*
Въ *кантору* сердца моего:
Оно *трепещетъ*, *бьется* сильно
И *ждетъ* *отвѣта* твоего.

Твои мнѣ разговоры сладки,
Я *подъ* *присягой* говорю:
Они *прїятнѣй* мнѣ, чѣмъ *взятки*
Бездушному *Секретарю*!

Примижь любви моей *прошенье*,
Я предъ тобою *бью* — *челомъ*:
Скрѣли о мнѣ *опредѣленье*
Своей *улыбкой*, какъ *перомъ*.

И такъ какъ бы процессъ безгласный
Судьбу мою возобнови;
Я буду истецъ самый страстный
Вышеописанной любви.

Коль мѣсто то, которымъ льщуся,
Въ швоемъ я сердце получу,
Сидѣть въ совѣтѣ откажуся,
Министромъ бытъ не захочу.

Но коль себя — всѣхъ золь въ добавокъ,
Въ швоей Герольди буду зрѣть:
Мнѣ легче безъ суда и справокъ
На лобномъ мѣстѣ умереть.

Неизвѣстный.

II.
П Р О З А.

20.

Письмо изъ Европы
Хана Джеалгира къ Дервишу горы
Удлубегской (*).

Корень благополучія да прозябнешь на пуши жизни швоей и свяшость швоя да процвѣшешь во вѣки, подобно словамъ Алкорана, великолѣпный служитель Бога Магометова! Благословеніе швое да управишь стопы спранника удаленнаго опъ лучезарныхъ врашь востока, котораго уста не могушь уже вдыхашь райскаго бальзаму швоихъ поученій, котораго взоры блуждаюшь на предмѣтахъ чуждыхъ его сердцу, и уши поражающя звуками незнакомыми, невѣдомыми въ опечесшѣ правовѣрныхъ. Уже шесть мѣсяцовъ я спранствую за предѣлами моря; душа моя ищешь бесѣды швоей, но неизмѣримое проспранство заключаешь ее въ пуспощь и безмолвіи. Ея чувствованія всегда къ шебѣ обращающіяся, подобно какъ подсолнечникъ къ предводителю свѣшилъ небесныхъ, ея мысли покоренныя жезлу шво-

(*) Переводъ съ Арабскаго.

ей премудрости, да воспримешь сей листъ который Ангель Хранишель да управитъ невредимъ къ жилищу священнаго учителя истинной Вѣры. Нѣшь, отецъ мой! я не перемѣнился, я пошъ же каковъ, цѣлуя прахъ швоихъ ногъ, принималъ драгоцѣнное благословеніе руки швоей; каковъ спарался успокоить нѣжную попечительность швою и спрахъ, дабы удаденіе и забвеніе не соврашили души моей съ пути благочестія угошованнаго швоими совѣтами. Новость предмѣшовъ видимой мною спраны не можешь поколебать моей привязанности къ благословеннымъ мѣстамъ гдѣ я родился; взоры мои наблюдають не ослѣпляясь; сердце мое чувствуетъ не заблуждаясь; я никогда не опрекусь опдашь справедливости иноплеменникамъ, но въ душѣ моей горитъ неугасимый огонь любви къ опечестиву; я благодарю Небо благоволившее назначить мнѣ рожденіе въ мѣспахъ гдѣ процвѣло древо истинны и благочестія.

Правда, здѣсь все ново, все удивительно для опдаленнаго жипеля береговъ Тигра и Ефрата. Прошекая чрезъ сіе великое разнообразіе спранъ и народовъ, онъ почищаетъ себя, подобно Пророку, переносящимся чрезъ семь небесъ и со-

зерцающимъ по о чемъ земля ниже по-
 нятія ему не предспавляла. Проспи мнѣ,
 опець мой! сіе выраженіе слишкомъ ле-
 сное для Европы. Если испинная вѣра
 избрала жилищемъ своимъ щаспливыя
 спраны востока, если Природа распочи-
 ла на нихъ свои сокровища, по увѣримся
 по крайнѣй мѣрѣ что милосердое Небо и
 самымъ невѣрнымъ не опказываетъ въ
 дарахъ своей благоспи. Видя тѣму нече-
 снія ихъ ослѣпляющую, я живо чувспвую
 превосходспво моего опечеспва; но я пу-
 шеспвую для того чтобы обогатилъ
 разумъ мой новыми знаніями, сердце мое
 ощущеніями и воспоминаніями успажаю-
 щими часы печали и дни староспи. И по
 и другое предспавляетъ мнѣ Европа. Не-
 уполимая жажда моя къ ученію находилъ
 неисчерпаемое сокровище въ разнообраз-
 ныхъ и удивительныхъ успѣхахъ сдѣ-
 ланныхъ ея жипелами въ неизмѣримомъ
 проспранспвѣ наукъ; въ наблюденіи ихъ
 нравовъ, обычаевъ и обхожденія душа моя
 ищеть новаго ключа къ шайнспвамъ че-
 ловѣческаго сердца; самое по что мнѣ
 кажется спранно или смѣшно, доспа-
 вляетъ моему разуму пищу новоспію сво-
 ихъ впечатлѣній.

Всеобщій миръ царствующій нынѣ въ семь краю свѣта, дѣлаесть путешествіе мое удобнымъ и занимательнымъ. Недавно всѣ сіи народы спенали среди ужасовъ долговременной и всеобщей брани. Человѣкъ, по мнѣнію однихъ великій, по словамъ другихъ чудовище, но какъ бы то ни было, единственнѣйшій, ужаснѣйшій человѣкъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ пошрясалъ престолы ихъ Царей и хотѣлъ утвердить свое владычество на развалинахъ порядка и благоденствія народовъ. Всевышній низринувъ его наконецъ въ бездну ничтожества, котораго бы ему, для блага смертныхъ, не должно было оставлять. Нынѣ всѣ они предаются общей и справедливой радости, подобно удѣлѣвшимъ оныя страшнаго изверженія огнедышущей горы, благодарящимъ Небо и обнимаящимся въ чувствѣ спасенія своего на прупахъ своихъ братьевъ. Щасливы будутъ, если несправедливость, зависть и корыстолюбіе не заспаваютъ ихъ вскорѣ забыть ужасныхъ слѣдствій раздора, и презрѣть блага приобрѣтеннаго шолкими опытами и злоключеніями!

Смяшенія обуревавшія Европу, сдѣлали великія перемѣны въ отношеніяхъ

племень ея населяющихъ. Обрѣвши наконецъ путь избавленія отъ бури угрожавшей имъ разрушеніемъ, они постановили новый порядокъ вещей копорый почищаютъ залогомъ будущей своей безопасности, и желаютъ сдѣлать непреложнымъ и непоколебимымъ. Одинъ изъ сихъ народовъ копорого имя, за сию лѣшь предъ симъ, не было включено въ общемъ союзѣ племень Христіянскихъ, нынѣ восходитъ на вершину славы и могущества. Многочисленность жилищей и неизмѣримое пространство его владѣній дають ему неоспоримое первенство на швердой землѣ. Страшное его сосѣдство прилегаетъ къ границамъ двухъ великихъ Имперій правовернаго племени, копорыя Всемогущій Алла да избавитъ отъ бѣдствія подвергнувшись нѣкогда поспыдному игу невѣрныхъ!

Другой обитавшій на великомъ оспровѣ къ западу, присвоилъ себѣ неизмѣримое владычество морей и неизсякаемый источникъ всемірной торговли. Морская его сила, могущество и богатство извѣстны и намъ отдаленнымъ жилищамъ береговъ Персидскаго залива. Его владѣнія защищаемыя непреодолимою оградой мо-

я и флота превосходящаго силою сво-
ю всѣ флоты прочихъ державъ вмѣ-
стѣ, въ продолженіе кровопролитной бра-
ни оспались одни неприкосновенными отъ
военныхъ опустошеній. Зависѣть копорую
примѣпилъ къ нему во всѣхъ видѣнныхъ
мною спранахъ, и припомъ согласная спра-
едливость какъ бы невольна отдаваемая
то Правительству, законамъ, учрежде-
ніямъ и благосостоянію его, удостовѣ-
рюшъ меня что сей народъ копорого
печесство для меня еще неизвѣстно,
ипъ изъ всѣхъ ихъ мудрѣйшій и щаспли-
вѣйшій.

Многіе изъ сихъ народовъ еще неиз-
вѣстны мнѣ; однако сколь ни великія оп-
ычны находятся между ними, но различіе
измѣрное отдѣляющее ихъ отъ моихъ
сопечесственниковъ, представляешъ мнѣ
къ всѣхъ однимъ народомъ. Языки ихъ
равно непонятные для непривыкшаго мо-
его уха, необыкновенное очерпаніе лица,
хожденіе еще болѣе странное, поселя-
ютъ въ душѣ моей нѣкакое чувство си-
ршества и уединенія. Одежда короткая и
вѣтряя, представляешъ ихъ неприученному
въ ней взору моему въ какомъ по унизи-
тельномъ для челоѣка видѣ. Европейецъ

спараются сколько возможно обрисовать природныя формы своего шѣла; онъ, кажешся, завидуешъ шѣмъ безсловеснымъ шварямъ копорыхъ Всещедрый, милосердудя къ ихъ неспособности и бѣдности, надѣлилъ природными покровами опъ спужи или зноя. Всего удивительнѣе чпо чѣмъ болѣе подвигаюсь къ полуночи, шѣмъ сильнѣе кажешся мнѣ владычество сей спраспи *къ наготѣ*; я могъ бы заключить чпо достигши до края Сѣвера нашелъ бы наконецъ человекъ въ шомъ первобытномъ шѣлесномъ состояннн копораго грѣхопаденнє лишило нашего прародителя!

Вижу чпо и мой видъ, языкъ и поступки, не мнѣе возбуждають любопытство и удивленнє жипелей сихъ странъ. Однако не могу жаловаться на какой либо знакъ опвращеннн или пренебреженнн копораго бы имѣлъ причину опасаться чужеспранецъ, вѣроу и нравами споль противоположный жипелямъ посѣщаемой имъ спраны. Напротивъ шого кажешся чпо здѣсь иноспранцу присвоены еще большнн права нежели единоземцу; по крайнѣй мѣрѣ признаюсь, чпо я пользуясь шѣмъ чего Европеецъ едва ли бы могъ ожидать въ нашемъ опечествѣ. Магомешанинъ свя-

по хранишь правило предписанное Пророкомъ : онъ предложитъ невѣрному пищу и одежду ; онъ укроетъ его отъ бури , успокоитъ отъ усладоспи . Но прямодушіе его слишкомъ , можетъ быть , велико , чшобы скрыть отвращеніе которое онъ питаешь къ несчастному послѣдователю заблужденія . Здѣсь ты не услышишь ни одного слова , не замѣнишь ни одного знака могущаго возбудить мысль о разлнціи вѣры и мнѣній . Здѣсь каждый встрѣчаетъ тебя съ улыбкою , изъавляетъ готовность услужить тебѣ , спарается гадать твою мысль и желаніе . Я знаю что сіе расположеніе къ услугамъ есть ничто иное какъ , въ нижшихъ , любовь къ прибытку , а въ высшихъ , склонность къ лицемерію которое они поспавляютъ себѣ въ честь ; знаю сколь трудно найти друга въ сихъ народахъ корыстолюбивыхъ и щеславныхъ . Но какая мнѣ до него нужда ? Вотъ вамъ золото , презрѣныя чада корыстолюбія ! Я не за шѣмъ оставилъ богатый край востока чшобы искать у васъ приумноженія моему богатству . Я не за шѣмъ распался съ ерениками и со всѣмъ что мнѣ драгоценно и священо , чшобы искать сладостей

Дружбы и любви въ обшпалищѣ невѣрїя. Другъ истинный есть чудо во всѣхъ странахъ, и особенный залогъ благоволенїя небесъ. Я доволенъ и благодарю Европу, если обхожденіе ея жипелей (какія бы ни были его причины) доставляетъ мнѣ еще нѣкоторыя прїятности жизни, тогда когда сердце мое помпся въ удаленїи отъ всего что ему любезно.

Но просвѣти меня, учпшель! ибо мысль моя смяпенная сомнѣнїемъ, не находитъ прїбѣжища кромѣ швоей премудрости. Прекрасныя созданїя опредѣленныя Природою раздѣлять съ нами и услаждать жизнь нашу, осуждены ли самимъ Всевышнимъ на покорность и неволю копорымъ подвергла ихъ Азія, или имѣютъ природное право на свободу предоспавленную имъ въ Европѣ? Здѣсь женщины предспавляются мнѣ нѣкимъ высшимъ существомъ занимающимъ средину между мужчиною и Богомъ. Мужчина знашнѣйшій почитаетъ обязанностію уступить мѣсто женщинѣ нижшаго соспоянїя; не наблюденіе сего правила есть знакъ невѣжества и варварства. Ахъ! я не могу не видѣть сколько прїятностей распочаетъ обхожденіе съ симъ милымъ поломъ из

жизнь Европейцевъ, какъ самыя права ему уступленныя служатъ испочинкомъ безчисленныхъ утѣхъ для обоихъ половъ. Здѣсь взаимное желаніе нравиться заглаживаетъ различіе состояній и чиновъ, иногда даже и лѣтъ. Здѣсь общее признаніе женскаго преимущества водворяетъ болѣе равенства между мужчинами. Здѣсь и самая любовь, принимая болѣе разнообразія, изощряетъ жало утѣхи своей; обоюдныя напряженія страстей равныхъ силами и средствами, дѣлаютъ побѣду шруднѣе и привлекательнѣе. Наконецъ побѣдитель къ блаженству имъ вкушаемому, присоединяетъ и сладкую увѣренность что получилъ его силою личнаго достоинства.

Нѣтъ! я исповѣдую: я, обладающій чудесами Черкассіи и Грузіи, никогда не вкушалъ сего счастья котораго не лишень, можетъ быть, послѣдній изъ Европейцевъ. Власть моя неограниченна въ моемъ Сералѣ; воля моя есть законъ и мои страсти никогда не знали преградъ сопротивленія. Но вкушалъ ли я блаженство совершенное? вкушалъ ли небесную опраду видѣшь нелицемѣрное воздаяніе сердца за мою нѣжность, упиваться мыслию что я одинъ составляю счастье пред-

мѣша любви моей. Могу ли бытъ увѣрен-
нымъ что если бы власъ не удерживала
его въ моихъ объятіяхъ, то я не былъ
бы имъ забытъ, отвергнутъ, презрѣнъ?
Что я говорю? Увѣренъ ли я что случай
и вѣроломство не предали уже меня по-
руганію, въ то время когда я предаюсь
надеждѣ и безопасности? Презрѣнные чада
подлости и рабства, едва достойные име-
ни человѣческаго, копорымъ я ввѣрилъ
сокровища моего благополучія, могутъ
ли бытъ достойными поручаемами моей без-
опасности? Можеть ли бытъ въ сію ми-
нуту!... Праведное Небо! если злодѣй не-
премѣнно долженъ оскорбить меня, то
по крайнѣй мѣрѣ не лиши меня оспрады
омыть руки въ ненависной крови его!

Самыя тѣ пороки копорыхъ влады-
чество повсемѣстно, Европа облекла въ
одежду столь же особенную какъ и одеж-
да ея жителей. Здѣсь ты не увидишь
ненависной суровости, скопскаго пре-
небреженія, опличающихъ гордость боль-
шей части нашихъ Хановъ и Емировъ, и
столь чуждыхъ душъ моей взлелѣянной
млекою швоей добродѣтели, о мудрѣй-
шій изъ человѣковъ! Покрайнѣй мѣрѣ сія
слабость предоспавлена здѣсь однимъ

валкимъ шварямъ копорыя возникнувъ изъ праха или грязи, сами удивляюшся высопѣ ими занимаемой. Порода и доспашокъ изобрѣли другія средства опдѣлить себя отъ черни и низшихъ соспояній: свободная простота, видъ самодовольствія и безопасности, крайняя учпивость внушающая почпительное опдаленіе, оппичающъ того кому рожденіе дало исключительное право на почестъ и уваженіе. Онъ не почищаетъ за нужное бить въ набашъ своихъ преимуществъ: видъ его, обожденіе и поступки непринужденныя и смѣлыя, возвѣщаютъ сами собою что сіи преимущества суть природное его достоинствіе и не ослѣпляютъ его. Ахъ! если пороки неразлучны съ общежитіемъ, то не должно ли желать покрайнѣй мѣрѣ что-бы вездѣ хотя легкая маска скрывала ихъ гнусность отъ взоровъ оскорбляемаго человѣчества, и услаждала несчастіе того кто дѣлается ихъ жертвою.

Но шпиранны владычествующіе неограниченно въ душахъ Европейцевъ, суть самолюбіе и шщеславіе. Самолюбіе и шщеславіе ихъ боги копорымъ они жертвуютъ испинною и совѣстію и самымъ шѣмъ Божьимъ копорого вѣру уста ихъ исповѣду-

юшъ. Нѣкогда равенство было страстию ихъ предковъ пребывавшихъ въ варварствѣ; дикая гордость ихъ не позволяла имъ признавать власти превыше собственнoй своей воли. Уступя необходимости гражданскаго благоустройства, попомокъ ихъ покорилъ волю свою законамъ власти-пеля, но желаніе равенства успремилъ на то чшобы никому не уступить въ почести и богатствѣ или, лучше сказать, въ роскоши. Богатство есть независимый даръ форшуны здѣсь какъ и вездѣ, но Европеецъ не хочетъ чшобы богатѣйшій его превзошелъ его въ роскоши и блестящей наружности. Здѣсь все обращено на то чшобы блистать и удивлять. Здѣсь видя большую часть распочипелей, не думай поставишь ихъ наряду съ нѣми копорые въ нашемъ опечествѣ не превосходящъ ихъ своимъ распоченіемъ; пы бы обманулся. Благодаря справедливости поняшій и чшопшѣ нравовъ Музульманскихъ, наша роскошь есть дочь избылія; достойно и праведно чшобы пошъ кому судьба дала въ удѣль избытокъ и богатство употреблялъ ихъ на услаждение своихъ чувствъ и на вспомошествованіе ближнимъ. Здѣсь же распочающій

щепь не наслаждаться, но превзойти
другаго или поравняться съ нимъ; еще
болѣе того, онъ лишаетъ себя необхо-
димаго чтобы блеснуть излишествомъ.
Здѣсь ты увидишь господъ которые со-
держашь толпу музыкантовъ не имѣю-
щихъ одежды, кромѣ какъ во время отпра-
вленія своей должности; и такихъ кото-
рые дають пиршества въ щотъ Государ-
ственныхъ подаей, и такихъ которые
взвозятъ у себя плоды Персіи и Китая,
ужинають одною картофелью. Здѣсь
ты увидишь нужды до того что происходитъ
въ внутренности семейства, щасливо ли
ты будешь въ настоящемъ, безопасно ли на пред-
дущее время. Минута требуетъ блеску:
или наружность удовлетворена по цѣль
исполнена. А щотъ кому фортуна дала
испачочные способы удовлетворять и
необходимости и внѣшности, слѣдуетъ
идти безстрашно путемъ удовольствія,
увидишь тысячи своихъ соперниковъ пре-
дпрѣвляющихъ кораблекрушеніе. Безу-
мые! они подобны тѣмъ искусственнымъ
огнямъ которые дерзко усремляясь, ка-
жутся, хощащъ достигнуть селенія звѣздъ,
и съ шумомъ издыхая въ пучкахъ возду-
ха, возбуждають смѣхъ и веселіе зрите-

лей. Здѣсь еще увидишь записнаго домо-
спрошителя неплащащаго своихъ долговъ;
здѣсь увидишь наконецъ провозглашеннаго
въ вѣдомостяхъ благошворителя который,
обогащая подлую наложницу, лишаетъ свое
семейство родительскаго достоянія. Ты
видишь премудрый Державинъ! знакома ли
добродѣтель въ семь краю, добродѣтель,
дщерь неба и подруга швоя, состоящая
въ помѣчье чтобы помогать бѣднымъ, уни-
жаетъ гордость невѣрныхъ, а паче свою
собственную, хранишь постъ и молитву,
и съ восхожденіемъ и захожденіемъ солн-
ца каждый день омываешь чистою водою
скверны плѣти и души.

По сей причинѣ слово добродѣтель
во все не употребительно въ здѣшнемъ
обществѣ; за то честь есть любимое
слово Европейскихъ языковъ, честь замѣ-
няешь ее здѣсь совершенно. Это также
исчадіе равенства, также желаніе казаться
инымъ нежели плѣмъ, кпо, что есть, наглое
требованіе подлаго не слыть подлымъ, пре-
ступника преступникомъ. И они обожа-
ютъ свою честь! Научи меня, безгрѣш-
ный! нужна ли защита сего привидѣнія
тому кпо исполняетъ велѣнія Божія, и
чистъ въ своей совѣсти, нужно ли ему

нѣніе людей, и добродѣпель, если бы и была
ми омрачена, не должна ли нѣкогда воз-
ясть вѣщшимъ свѣтомъ? По крайнѣй мѣрѣ
не вижу еще никакихъ благодѣпельныхъ
дѣйствій понятія о чести; я вижу пор-
азительно порока взывающаго къ чести, ко-
гда безсильная правда не въ состояніи до-
казать очевиднаго пресупленія; я вижу
что законъ медленный и дряхлый, часто
спрашивается присупитъ къ изслѣдованію
пресупленія, дабы не оскорбитъ щеко-
ливаго чувства чести; вижу и благосло-
вляю нравы Музульманскіе гдѣ правитель,
полною врученной опъ Вышняго Царямъ
незредѣльной властіи и меча правосудія,
копираетъ ногами всѣ изобрѣшенія лукав-
ства, и поскаетъ зло въ его корнѣ.

Тяжкое бѣдствіе угрожаетъ оскорби-
телю чести: его ожидаютъ припѣсненія
победы или личное мщеніе обиженнаго. Сіе
последнее кажется мнѣ согласнѣе съ здра-
вымъ разумомъ; ибо непріятели съ ору-
жіемъ въ рукахъ призываютъ рѣшише-
лемъ вражды своей праведное небо и не-
предложное предопредѣленіе судьбы: (если
только суетныя распри чести достойны
вниманія Всевышняго). Но лукавство Евро-
пейское изобрѣло способъ безнаказанно

поражать и сіе ужасное чудовище нарицаемое *честію*. Мстительность въ оковахъ запрудненія естъ масть ухищренія и низости; пакъ называемый *пасквиль* естъ ея вѣрнѣйшее орудіе: бумага неопкрывающая имени сочинителя, проливаетъ въ публику всѣ порицанія и укоризны копорья досада или клевета могутъ изливашъ на обезоруженнаго врага. Легкость и соблазнительность сего пуши къ ошмщенію, часто прошивному справедливости, заставила законы принять мѣры къ искорененію сего зла: въ случаѣ неизвѣстности сочинителя, бумага предсавляющая его лице, всенародно сожигаетъся рукою палача. Но средство сіе очевидно не достапочно къ укрощенію рѣшительнаго пресупника, а еще мѣнѣе къ удовлетворенію обиженнаго. Большею частію порода и испинное величіе поставляютъ себя выше обиды, и пренебрегая оною, не упопреляютъ сего бесполезнаго удовлетворенія; и опытъ удостовѣрилъ что молчаніе естъ лучшее средство укрощить злословіе.

Я оканчиваю письмо. Свѣтъ моего разума и опецъ помышленій моихъ! я приношу тебѣ жертву чувствованій и на-

блюденій внушенныхъ чистою вѣрою въ
швое ученіе, и желаніемъ озарить себя
вящимъ свѣтомъ швоего знанія; удоспой
уладить мой духъ опвѣтомъ швоей пре-
мудрости, покажи мнѣ путь избѣгнутьъ
опъ челюстей заблужденія, и управляй
склонностями и движеніями души моей,
какъ Всевышній управляетъ свѣтилами
небесными. Я достигъ до средопочія Евро-
пы, во владѣнія Короля Прусскаго; не знаю
еще въ которую сторону обращаю мой
путь; не знаю скоро ли предстанетъ слу-
чай еще бесѣдовать съ тобою. Мысль
моя будетъ всегда парить къ спранѣ во-
спока откуда сіяетъ ко мнѣ свѣтлая звѣз-
да правовѣрія.

III.

С М Ъ С Ъ.

I.

(Пѣсня Лалландская.)

Скачи, любезный Лось! скорѣе,
Леши къ подругѣ дорогой:
Еще скорѣй, еще быстрѣе,
Любезный, милый Лосикъ мой!

Лети — ты знаешь путь далѣкій
Къ сударкѣ радости моей; —
Да будь проворнѣе, жестокій!
И ногъ быстрѣйшихъ не жалѣй.

Когда бы было въ власти нашей,
То ябъ на эши тучи сѣлъ
Которы идутъ къ юршѣ вашей,
И въ мигъ къ тебѣ бы прилетѣлъ!

Ахъ! крѣпче цѣпи что железной?
Кто цѣпь железу перерветъ? —
Подобно, отъ моей любезной
Никшо меня не оторветъ!

Вотъ скоро, скоро, къ ней прибуду:
Тогда во весь я крикну ропъ,
Когда голубку видѣть буду
Гуляющую вблизи болошь. —

—
Скачи, любезный Лось! скорѣе,
Лети, къ подругѣ дорогой,
Еще скорѣй, еще быстрѣе,
Любезный, милый Лосикъ мой!

—
Лети — теперь ужь недалёко,
Къ сударкѣ радости моей!
Не поступай со мной жестоко,
И ногъ быстрѣйшихъ не жалеи!

Мслечъ.

2.

ЭКСПРОМПТЪ.

Е. В. К—вой

(въ день ея Ангела.)

Угрюмый Царь суровыхъ непогодъ,
Присяжный врагъ весенней нѣги,
Хотѣлъ было опять рядить Природу въ снѣги,
И спряташь ручейки подъ лёдъ; —
Но вспомни что съ симъ днемъ твой праздникъ
приближался,

Неволею Эоль впервые разсмѣялся,
Разгляда пасмурно чело;
И — снова солнышко взошло!

О. Сомовъ.

3.

К ѵ В е р т е р у.

Тебѣ подобно я страдаю,
О бѣдный Верперъ! опъ любви,
Тебѣ подобно ощущаю
Я пламень гибельной въ крови!

Ты мучился — и я страдаю;
Ты скучень былъ — и я грущу;
Ты слезы лиль — и я рыдаю,
Какъ ты, пустынныхъ мѣстъ ищу.

Жестокій Гименъ раздѣляетъ
Шарлоту нѣжную съ шобой,
Богатство, знатность разлучаетъ
Мою любезную со мной!

* *

4.

Въ Альбомѣ одной дѣвицѣ.

(Подъ рисункомъ на коемъ изображена Богиня
щастія, спящая у дверей шалашика.)

Спокойство въ хижинахъ! питомцы Музъ меч-
тающъ,

И щастье у вѣротъ шалашика кладущъ.

Здѣсь щастье и покой въ чертогахъ обитающъ —

Съ шобой — вездѣ они живутъ!

О. Соловь.

5.

А к р о с т и х ъ.

Какъ роза нѣжная, весеннею порою

Алѣя, взоръ къ приятностямъ манишь,

Такъ Хлоя милая своею красотою

Являясь, всѣхъ сердца любовью пламенитъ!

* *

6.

*Н а д г р о б ѣ е
Философа Демокрита.*

Оставимъ знакъ и мы предбудущимъ потом-
камъ:

Да знающъ нѣкогда по гробовымъ обломкамъ

Что я на эшомъ свѣшѣ жилъ,

Что въ немъ я больше весель былъ,
Что значить: меньше огорчался,
И живши — цѣли доискался!

7.

(Пѣснь Надовесская.)

Встану я до восхода солнца,
На высокѣй спану холмъ,
Чтобъ узрѣть какъ прогоняешь
Черны тучи новый свѣтъ.
А какъ Солнце закашиться,
О Луна! даруй мнѣ свѣтъ,
Чтобы могъ я безопасно,
Ошягченный дичиной,
Возвратишься въ мой шалашикъ,
Дѣточекъ обнять, жену,
Съ ними дичины покушать,
И на мягкихъ листьяхъ лечь.

Мслевъ.

8.

Упреки ума — сердцу.

- Ты рвешься, другъ? — Ахъ больно
Терпишь невинно клеветы. . . .
— За чѣмъ такъ много доброты?
— За чѣмъ такъ пламенны твои мечты?

- На что ты *Ангела* воспѣло красоты?
- На что поставило въ стихахъ А. Д. С. ты? (*)
- За чемъ въ рѣчахъ твоихъ столь вѣрныя черты?

— Короче: для чего не пропчѣе, — а ты,
Такъ поступаешь вольно?....

Довольно!

Зеленскій.

9.

Р е ц е л т ъ.

(Какъ дѣлать уксусъ 4хъ разбойниковъ.)

(Съ Французскаго.)

Возьми большой копель съ полудою безъ крана,
Брось *Нея* и *Даву*, да храбраго *Бертурана*,
Прибавь Полиціи Министра *Савари*,
И долго на огнѣ составь ты сей вари,
Охолодя его, симъ средствомъ ты дойдешь —
И уксусъ *четырехъ разбойниковъ* найдешь.

С.

(*) Это для шѣхъ, которые упрекають меня будто бы спи-
хи къ А. Д. С. напечатанные во второмъ No. X. Д.
относясь къ извѣстной особѣ. . . . копорой я не-
имѣю чесши знать. И такъ долгомъ пославляю пор-
жественно подтвердити что стихи мои написаны осо-
бѣ. . . . иногородной. З.

И Издашель для сего единственно помѣждаетъ эту
спалейку. М.

10.

Г. Квиткѣ

въ отвѣтъ на его *не хачу*.

Квитка! хочешь удивиться?
Слушай! — право не шучу:
Коль желаешь ты женишься,
За тебя иди *хачу*.

*

Ты меня со всѣмъ не знаешь:
Што шуть нужды? — не бѣда.
Черезъ годъ меня спознаешь;
Въ свѣтѣ шакъ живуть всегда.

*

Бракъ вишь *Польскому* подобень:
Кто попался — съ шѣмъ иди.
Коль не ловокъ, не угодень —
Вотъ опхлопнушь. . . погоди!

*

За мужъ я давно желаю;
Мнѣ придцашая весна,
Не въ дурныхъ себя щитаю,
Зубы всѣ, лицомъ красна.

*

Спройной стань и ростъ годишься,
Волось дологъ — темнорусь,
Я умѣю нарядишься,
Къ лицу шалью завернусь.

*

По Нѣмецки разумѣю,
En français je parle très-bien,
Я въ компаньи не нѣмѣю,
Пѣтъ гошова цѣлой день.

*

Есть бурмицкаго двѣ нишки,
Фермоаръ — и перстенѣкъ,
Но за то ужъ ни кибишки:
Всѣ прибралъ къ себѣ зяшѣкъ.

*

Есть бородокъ соння съ лишкомъ,
Денжуры лишъ тридцать пять,
Деревенька есть съ домишкомъ:
Славно можно поживашъ.

*

Лишъ во снѣ я молчалива
И скромна, тиха, добра,
Но проснусь — бѣда: — бранчива,
Цѣлой день шумлю съ утра.

*

Стало я во всемъ какъ должно,
И невѣста хоть куда!
Одного лишъ скрышь не можно. . . . .
Да не очень и бѣда:

*

Коль женой своею буду,
Не взыщи! мой другъ на мнѣ:
Ужъ старинки не забуду,
Коль опхлопнуть, шакъ. . . . Adieu!

*

Вотъ условье — ну! рѣшайся!
И суріозно — не шучу.
Опиши себя, не тайся;
Вѣрно вскрикнемъ мы: хаху. (*)

а. . . . . на,

(Не въ Слободской Губерніи.)

II

Каламбуръ.

Люблю я знать,
Да не всегда,
А иногда
И знать,
Не дай Богъ знать!

. . . . .

(*) Издашеля, (поблагодаря прежде опкровенную Незнакомку за доставленіе сей піесы) смѣшъ увѣришь ее что Г. К. вѣрно не будешь шакъ неучивъ чшобъ опривула ея прозьбу.

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ тысячу, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочи-
неніе Профессора Ивана Срезневскаго, печаташь
оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатан-
ніи, до выпуска въ Публику, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экзем-
пляръ для Цензурнаго Комитета, два для Де-
партаментна Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиоте-
ки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Марша 23 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

І.

П О Э З І Я.

І.

У Т А И Д А.

(Коллическая Поэма.)

Содержаніе второй пѣсни.

Призываніе восторга — радость Марьи — печаль Зашѣя — онъ никакъ не можеть выдумать именъ для дѣшей своихъ — Марья ихъ называетъ — обыкновенное занятіе Зашѣя и Марьи — разсужденіе о женщинахъ — ростъ Ушая и Ушки — сила Ушая.

О краткіе часы восторга, изступленій,
Въ которы началъ я Ушая воспѣвать!
И ты, крылатый Геній!
Коль могъ тебя вмѣщать,
Вѣщайте мнѣ когда чердакъ мой посѣпите,
Когда вторую пѣснь окончите, скажите?
Я долго боленъ былъ, и весь изнемогая,
Позабывалъ себя, не забывалъ Утая!
Въ большемъ бреду, жару его воспоминалъ,
И только для него на свѣстѣ быль желалъ.
Не только для него, еще есть двѣ причины,
Для коихъ не желалъ въ болѣзни я кончины;
Причина первая: еще хотѣлось жить!

Подземный узкій домъ не могъ прїямень быть;
 Вторая: былъ школяръ, и для того боялся,
 Дабы я школяромъ на вѣки не остался.
 Не ужъ ли для того былъ долженъ видѣшь свѣтъ,
 Чтобы въ восемнадцать лѣтъ, въ школярствѣ
 умереть!

Я, кажется, рожденъ для благородной цѣли,
 Чтобъ въ мїрѣ семь играшь на лирѣ и свирѣли,
 И для того хочу подолѣе пожить . . . .
 Но полно попусту шакъ долго говорить,
 Чтобы чипатель мой не вышла изъ перпѣнья,
 Не началъ бы меня бранить за разсужденья;
 А я съ чипателемъ ругаться не хочу,
 Въ его угодность замолчу.

Мои чипатели мнѣ украшенье, слава,
 Такъ долженъ ли я имъ за это досаждашь?

Нѣтъ, нѣтъ, лѣбезный *Савва!*

Въ угодность я твою не буду разсуждашь,
 И шеспистопными, *аршинными* стихами,
 Не стану швой языкъ и слухъ опягощашь,
 Клянуса крашками строками
 Тебя плѣняшь и услаждашь! (*)

(*) Нѣтъ зла безъ добра! Не будь я тогда боленъ, — шо
 вторая пѣснь Ушай не имѣла бы приступа; а гдѣ
 нѣтъ приступа, шамъ нѣтъ и окончанія. И шакъ, Госпо-
 жа Горячка! я вамъ очень обязанъ за ваше тогдаш-
 нее милосливое посѣщеніе. Вы причина бышю второ-
 вой пѣсни, слѣдовательно и послѣдующимъ; а посему и
 Харьковскому Демокришу; — ибо Ушай былъ
 вѣрнымъ запасомъ и основаніемъ, на которомъ вздумалъ
 я воздвигнуть сіе Изданіе. Можешь быть кпо,

Когда затѣй охолодился,
 И жаръ его когда потухъ,
 Онъ въ важны мысли углубился,
 Къ воспоргамъ Марьинымъ былъ глухъ.
 И Марья какъ ужъ ни кричала,
 Чего не дѣлала она?
 Плясала, топала, скакала,
 Вошь какъ прямая Сатана!
 То дочку чмокнешъ, то къ Затѣю,
 То мигомъ къ сыну подбѣжишь,
 Чуть, чуть себѣ не сломить шею,

изъ читателей хочешь здѣсь прибавить, что Гж. Горячка есть также и причина шеперешней его зѣвошы; а посему и хорошаго сна: всё таки добро, ибо кто хорошо спитъ, тотъ наслаждается первѣйшимъ благомъ сего Мира, ш: е: здоровьемъ; а кто хорошо и много спитъ, тотъ еще имѣетъ всё право на будущую награду! по словамъ извѣснаго Латинскаго (а посему и справедливаго) силлогизма: *Qui bene bibit . . .* только первое предложеніе должно превратить въ *Qui legit D....* что и составишь слѣдующій, во всей формѣ Аристотелевской силлогизмъ:

Qui legit De....

Bene dormit,

Qui bene dormit, non peccat,

Qui non peccat, sanctus est;

Ergo, qui legit De.... sanctus est.

И такъ, Господа! ежели хопите быть блаженными, такъ разбирайте Демокрита!....

Ни какъ на мѣсшѣ не сидить,
Реветь отъ радости, мяучить,

Пищить,
Визжить,
Кричить,

Ну, словомъ, чортъ спаруху мучить!
Зашѣй же всё молчить, молчить,
То лобъ почешешь, то скривился,
И кто не знаетъ, заключишь:
Рѣшишь *проблему* онъ трудился.
Но не въ проблемѣ дѣло было,
На что ему проблемы знашь?
Но вошь его что суешило:
Не зналь, какъ дѣшочекъ назвашь.
Сергѣй, Уласъ, Кирбитъ, Лаврентій,
Демьянъ, Стеланъ, Трофимъ, Самсонъ,
Лука, Фома, Давидъ, Аксентій,
Михайло, Прохоръ, Спиридонъ,
Лукерья, Анна, Евдокія,
Марьяна, Мавра, Тимофей,
Федора, Фекла, Прасковія,
Кулина, Марья, Дорофей,
Петръ, Павелъ, Александръ, Василій,
Ромакъ, Никита, Алистратъ,
Ефимъ, Игнатъ, Кузьма, Перфилий,
Пантелемонъ, Егоръ, Панкратъ...
Всѣ, словомъ, свящцы до листочка
Дѣдъ бѣдный шихо прошепшаль,
Однакъ для дочки и сыночка
Онъ выбрашь имени не зналь.
„За чѣмъ ты, спарый дѣдъ! косишься,

Затѣю Марья говоритъ,
О чемъ, кручинишься, морщишься?
Перемѣни медвѣжѣй видъ,
Вотъ дѣшочки! любуйся ими,
Маленько съ ними поиграй....
— Прошу тебя, рѣчьми шакими,
Старуха, мнѣ не досаждай.
Не даромъ говорятъ: старухи
Куды охочи до вранья,
И пренесносны лепетухи.
По слушай, старая! меня:
За чѣмъ кривлюся, есть причина,
За чѣмъ не весель, поже естъ:
Не пыль для дочери и сына,
Не ты ли имя можешь сплестъ?
На это Марья шакъ сказала:
Я имя дочкѣ ужъ дала,
Не думала, не хлопшала,
А *Уткой* просто назвала.
— Дочь *Уткой* назвала! ты права:
Дочь изъ ушинаго яйца,
Тебѣ старуха! честь и слава,
Да какъ назвашъ бы молодца?
Давай, старуха! попышаемъ,
Чась добрый, можетъ приберемъ;
Да какъ бы намъ его?.... *Утаемъ*,
Родимой батька! назовемъ.
Туть дѣдъ Затѣй ошъ умиленья
Старуху началъ обнимашъ:
Какіяжъ дѣлалъ онъ движенья!
Нельзя никакъ ихъ описатьъ,

Ни рассказать,

А развѣ въ сказочкѣ солгать.

Но мы вранья писать не любимъ,

Одну лишь правду говоримъ,

И въ сотню разъ умнѣе будемъ,

Когда объ этомъ умолчимъ.

Прошло дни два, — и три, — четыре,

А можешь быть и десять дней:

Утихъ Затѣй,

И всё въ его ушихло мірѣ.

Затѣй по прежнему въ кануркѣ

Опъ ушра до ночи сидѣлъ,

Коль скучно было, кушалъ булки,

А булокъ нѣтъ — хлѣбъ чорный ѣлъ.

Спаруха же всё то творила,

Что добра мать въ дому творить:

Прилѣжно за дѣтьми ходила,

Спаралася, чтобъ мужъ былъ сытъ,

Чтобъ было чисто всё, опрятно,

Во всемъ хозяйство наблюдать:

О какъ должно быть тамъ пріятно,

Гдѣ добрая такая мать!

Тамъ нѣтъ ни сварь, ни ссорь, ни драки,

Любовь лишь тамъ и шишина,

Тамъ не грызутся, какъ собаки,

Гдѣ добрая живеть жена.

Хося такія рѣдки жоны,

Но можно ихъ еще сыскать:

Онѣ блестятъ сквозь миліоны,

Легко ихъ можно распознать.

Равно легко и ошибиться,

Шумиху золотомъ почестъ,
 Она какъ золото яснился,
 Однако золото ли есть?....
 Но полно! я опять съ дороги
 Большой въ проселочну иду,
 Измучу только этимъ ноги,
 А больше проку не найду.
 И такъ оставимъ жонъ — къ Ушаю,
 Къ его сестрицѣ завернемъ,
 Чудесь мы множество найдемъ,
 По крайнѣй мѣрѣ такъ я чаю.
 И впрямь, пока болталъ пустое,
 Мои Герои подросли,
 И чушь ли, чушь ли не были
 Они повыше гуся въ двое.
 Утай въ особенности росъ,
 И въ каждый часъ въ такую мѣру,
 На сколько вздергиваетъ носъ
 Надушый хвашикъ Бекокосъ
 (Что даже превышаетъ вѣру!):
 Здѣсь кой-что нада бы сказать
 О носѣ семъ, смотрящемъ въ гору,
 Но чпобъ не всё ужъ отступать,
 Скажу объ немъ въ другую пору.
 Сестра же *Утка* подрастала
 Не такъ, какъ брать ея *Утай*;
 Но въ день шестой такая спала,
 Хоть подъ вѣнецъ ее давай!
 Ахъ не завидна ли, дѣвицы!
 Такая участь *Утки* сей:
 Статна, невѣста, краснолица,

Припомъ недѣли нѣшу ей?
 Всѣ дѣвушки конечно знаютъ,
 Что здѣсь бы я еще сказалъ,
 Когда бы ихъ не почипаль:
 Мущины сами пусть гадаютъ.
 Она казалась лѣшь въ пятнадцать,
 И ростъ престала наконецъ,
 Не росъ и братъ, и былъ лѣшь въ двадцать,
 И впрямъ прехватскій молодець!
 Глаза — какъ огонь въ ночи свѣшили,
 Ногой — гдѣ ступить, тамъ шрещить,
 Предъ нимъ сполѣтни дубы, хилы:
 Онъ ихъ мизинцемъ повалишь!
Херсонъ, Бова и Ерусланы,
 И всѣ Царевичи *Иваны,*
 И даже *Муромецъ Илья,*
 Предъ нимъ въ шочь были шо, что я!

Тобой вторую пѣснь кончаю,
 Богиня костяна нога!
 Тебя молю, къ себѣ зываю,
 Сѣдая бабушка Яга!
 Снабди, всеильная! совѣтомъ,
 Руководи младымъ пѣвцомъ,
 Чтوبъ мой Герой предъ цѣлымъ свѣтомъ
 Въ грязь не ударился лицомъ.

Мслевъ.

О Д А.

С. . . . .

Умолкни все! — внимай, вселенна!
А пы, о Лира вдохновенна!
Звучи, — бряцай, греми, воспой:
Не шигра кровью обагрена —
Героевъ слава будь презрѣнна,
Чшо рушатъ нашъ и всѣхъ покой!

*

Когожь мой духъ хвалишь желаешь,
Кого онъ выше поставляешь,
Чѣмъ виязы, богатыри,
Кому онъ зиждешь олтари?
Не божестволь какое Неба
Ты воспоешь, помощецъ Феба?

*

Да шоржествуетъ нынѣ свѣтъ!
Подъ пѣснь скачите, элементы!
Пляшите, Харьковски Студенты! (*)
То мой пріятель и сосѣдъ.
Его, его я воспѣваю —
Въ числѣ созвѣздій помѣщаю!

*

(*) Сочинитель былъ тогда при Университетѣ и разумѣеть
здѣсь одного Студента.

Хоть много ты творилъ чудесь,
Но ты съ своею кожей львиной,
Съ тяжелой, грозною дубиной —
Предъ нимъ ничто, мой Геркулесь!
Ничто предъ нимъ Персей, Язонъ:
Время краса и диво оны.

*

Какой же подвигъ оны свершилъ?
Оны устрашилъ и борщъ, и кашу,
И Вакхову священну чашу,
Прехрабро съ нуншемъ проглотилъ!
А больше тѣмъ восхитилъ Музу,
Что мѣшко попадаетъ въ лузу!

*

С.....! здравствуй на всегда!
Геройствуй съ кашей безъ вреда,
Да будешь юный Вакхъ съ лобою,
Да узришь Грацій ты съ собою!
Се мой къ тебѣ усердья гласъ,
Ты съѣшь его, какъ ананасъ.

1805 года. *Нахимовъ.*

О Граціи. (*)

Почтенны Господа Словесна Факультета
О милой Граціи ждуть ошь меня ошвѣща:
Божественный Платонъ,
Беати, Мендельзонъ

И Сульцеръ, Монтескье, и Гагедорнъ, и Гомы,
Писали толстые о сей Богинѣ томы,

Писали — но моглиль они ее ошкрышь?

Я въ эшомъ случаѣ скажу, какъ Симонидъ:

„Чѣмъ больше думаю о Граціи любезной,
Тѣмъ больше вижу я, что трудъ мой бесполез-
ной.“

О Грація! тебя лишь можно ошущать

Но дерзновеніе тебя опредѣлять!

Чѣмъ, чѣмъ Филологи тебя не величали?

Тебѣ всѣ имена пріятны приписали:

Любезность, простота

И скромность, миловидность,

Плѣнительность и чистота,

Простосердчіе, невинность....

И словомъ тысячу именъ имѣла ты,

И въ видѣ прелестія, и въ видѣ остроумія,

Очаровательнымъ глазамъ ты ихъ являлась,

Однако и поднесъ загадкою осталась.

Въ твореньяхъ многихъ ты пѣвцовъ

Свой шронъ имѣешь изъ цвѣтловъ,

(*) Это одинъ изъ чепырехъ писменныхъ вопросовъ, данныхъ мнѣ по случаю экзамена....

Надъ коимъ ты вишаешь,
Но ясно никому себя не открываешь.

Довольно голову ломаешь:

Я рѣчь о Граціи въ осьми спрокахъ скончаю,

Я дочерью ея Минервы называю,

Она Анакреонту — мать,

Горація — подруга,

Тибуллова — сурруга,

Назонъ — двоюродный ей братъ,

Гомеръ ей дядя и Виргилій,

Волтеръ ей свать,

А Тредьяковскій нашъ Василій

Для ней люфтѣйшій шахъ и мать!!

Мслевъ.

Б А С Н И.

4.

Юпитеръ и Неполыри.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Неполыри, хошя во тѣмъ щасливо жили:
Смѣясь Юпитеръ шварямъ симъ,
Топчасъ исполниль ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Неполыри! вошь ваше просвѣченье.

Нахилловъ.

Саксонскій Мужикъ.

Карль Готтфридъ Робертъ Ефраимъ :
Сїи бы имена дать можно четверымъ,
Но шакъ одинъ мужикъ Саксонскій назывался;
Однажды съ сыномъ и съ женой,
Въ день праздничный — зимой,
Онъ басни Геллерта чпалъ и восхищался!
Въ иныхъ онъ басенкахъ смѣялся,
Въ другихъ же находилъ полезнѣйшій урокъ:
Женѣ — чтобы имѣть короче язычокъ,
Ребятамъ — матери, ошцу повиноваться,
А для себя — въ корысть и въ скупость не
вдаваться.

Вошь какъ Саксонски мужики
Воскресны дни проводятъ!
И, какъ Москаликъ, въ кабаки
Не ходять, —
Чтобъ шамъ буянить, горло драшь,
Свое здоровье потерять.

Мслевъ.

Пчолка. (*)

Пчолка маленька лѣшала
Со цвѣшочка на цвѣшпокъ,
И съ жужжаніемъ вбирала
Въ свой желудокъ сладкій сокъ.

Пчолка! ты не осторожна
(Такъ Лизета говоритъ),
Цвѣшть сосать не всякой должно:
Ядъ въ иныхъ цвѣшахъ сокрышъ.

Это я довольно знаю
(Пчолкинь Лизѣ былъ отвѣшъ),
Ядъ въ цвѣшахъ я оставляю,
А себѣ — беру лишь медъ.

Мслевъ.

Воззваніе къ Конямъ одного Коня.

Друзья, товарищи! доколѣ —
Носить вы будете яремъ?
Жить у разбойника въ неволѣ,
И слушаться его во всемъ?

(*) Изъ Глейма.

Не ужь ли будутъ насъ во вѣки
 Поспѣдно угнѣпать жестоки челоуѣки? “
 Въ конюшни барской такъ молодой ржалъ бодрой
 Конь:

Къ свободѣ лошадей хотѣлъ подвигнуть онъ.
 „Забудемъ рабство мы, свободу вспомняемъ,
 Въ дремучіе лѣса, въ пространны степи гря-

немъ,
 И тамъ по прежнему, въ блаженной тишинѣ,
 Какъ въ вѣкъ златой, пастись однѣ,
 И жить, какъ предки наши, будемъ!

Забудемъ хищниковъ, тиранство ихъ забудемъ!
 Покажемъ свѣту мы достойнѣйшій примѣръ,
 Отъ власти варварской какъ должно освобож-

дамся!

Тогда, конечно, каждый звѣръ

Начнетъ обороняться,

И вольность древню сохраняя,

Почтеть всей славою почтеннаго Коня:

Явите, лошади! достойными себя!...

Чѣмъ хуже мы людей? — скажите,

Иль можете быть мы ихъ слабѣй?

Нѣтъ, мы ихъ въ сошеро сильнѣй. —

Такъ чтожь, товарищи! вы спите?...

Не ужь ли можете спокойно вы смотрѣть,

Какъ васъ съ презрѣньемъ запрягаютъ,

Какъ мучать васъ, и какъ стегаютъ?

Довольно, лошади! нѣтъ, нѣтъ! —

Нѣтъ больше силъ къ терпѣнью!

Свобода! нашъ сигналъ къ сраженью....

Не уже ли еще кричащъ я принужденъ,

Что вольность лучше нежелъ лѣнь? —

За дѣло правое пусть льются крови рѣки —

Да здравствуютъ кони и гибнутъ человѣки!“

Симъ кончилъ рѣчь второй сей Цицеронъ,

И съ благородствомъ каждый Конь

Свобода! закричалъ и началъ рвать удила...

Туть не могло ничто прошивиться ихъ силѣ,

Имъ возвращень ихъ вѣкъ злашой,

Блаженство и покой!

*

Злодѣй, въ сей баснѣ — Галль, а лошади суть —

Нѣмцы,

Младой же, бодрой Конь

Германскій Цицеронъ, (*)

Котораго послушались Соземцы.

Мслевъ.

Е П И Г Р А М М Ы.

8.

Б о л т у н у.

Великій слышу громъ, Егорь! изъ твоихъ усть,

Шумишь какъ барабанъ; но такъ же ты и пусть!

*

(*) Раупакъ. Смотъ: славное его воззваніе къ Германцамъ.

9.

Сновидѣніе.

Какую я во снѣ зрѣлъ страшную мечту!
Что будто бы я мерзавъ, зрю въ домѣ суету,
Спенанье, вопль и плачь!
Лишь двое прыгають — кшожь? — Попъ, да
Врачь!

—
*

Ю.

Несвѣроятный слухъ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья
Готовяшь для тисненья!
Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ которыхъ продають на площади табакъ.
Нахимовъ.

—
II.

Къ Мѣновщикамъ на столахъ.

Насмѣшники! на что публично, средѣ базара,
Вы перья съ деньгами кладете въ знакъ повара?
Р. С.

Предсказаніе.

(По случаю тѣсной дружбы Р. Пола. . .
съ Нѣмецк: Пасторомъ.)

Съ медвѣдемъ спанешь быкъ ходишь обнявшись
братски,

И съ ястребомъ начнешь лобзаться голубокъ,
„Ахъ! здравствуй, кумушка!“ оveckѣ скажешь
волкъ,

Съ улыбкой райскою, безъ прежней злобы адской.
Настанешь пишина на сушѣ и моряхъ,
Любви возникнешь храмъ — вездѣ, во всѣхъ
сердцахъ,

И словомъ, скоро къ намъ златый вѣкъ возвра-
тятся,

Коль могъ съ Пасторомъ Попъ жишь *влюбствѣ* и
дружиться!

Нахимовъ.

13.

Н о в в а н с к о м у.

Прохожій! кончена Новванскаго судьбина:
Проживши шестьдесять онъ лѣтъ,
Въ другой переселился свѣтъ;
А здѣсь оставилъ дочь, да сына. (*)

14.

М л а д е н ц у.

Въ могилѣ сей цвѣтами украшенной,
Младенецъ! почивай:
Ты *малостью* швоей спасенной —
Тебѣ награда рай!

Мслочь.

15.

М н ъ.

Что сдѣлалъ я, какъ въ мѣрѣ жилъ? —
Лѣтъ сорокъ шло бренное влачилъ,

(*) Если чашателямъ не покажется сіе надгробіе, не я виноватъ; а дочь Г. Новванскаго, она просила меня, чтобъ именно помѣспилъ, что онецъ ея прожилъ 60 лѣтъ, я оставилъ дочь и сына.

Прекрасныхъ пятьдесять (*) любилъ,
Но ни одной я не былъ милъ!
И умеръ отъ того. Меня въ могилу положила
Отець Памфиль.

Г. К.

16.

Описаніе славнаго парика И. И. Р.

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣеть вѣсу четверть пуда,
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ Верблюда;
Запылокъ, брови и виски,
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ службу нагрѣваетъ
И жметъ ее шакъ, какъ писки.
Придѣланъ къ парику широкій,
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вѣется *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
Огромны пукли въ три ешажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ тому жъ, напередѣ устроены
Послѣдней моды лавержешъ:

(*) Вѣрно со справкою моего любовнаго архива.

Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика портретъ.

Нахилось.

Піесы Рускаго Солдата.

17.

Посланіе Марса къ Аполлону.

Въ Олимпѣ мой содругъ почтенной,
Возлюбленной о Зевсѣ братъ!
Сойди съ горы своей священной,
И мнѣ позволъ себя обнятьъ.
Ты богъ наукъ — а я богъ брани,
Ты краснословъ — а я солдатъ,
Въ твоихъ рукахъ перо — а у меня мечъ въ
длани; —
Но не смотря на то, мы всё родня съ тобой.
Хотя ты съ Музами бесѣдуешь спокойно,
Когда я въ ночь не сплю, а днемъ пускаюсь въ
бой;
Но честь тебѣ воздать достойно,
И лавръ твой — знаешь Зевсъ — не лучше
моего? —

Довольно ужъ того

(И мнѣ не стыдно въ томъ признаюсь),
Что безъ сыновъ твоихъ не могъ бы я сра-
жаться.

Да къ спашѣ! вошь одинъ,
Брадатой Эскулапъ, твой сынъ,

И на квартирахъ и на службѣ
Всегда, по старой нашей дружбѣ,
Стараешься мнѣ помогать;
Однакъ, чтобъ слишкомъ не солгать,
Признаюсь, многіе какъ Эскулапъ одѣты,
Но сомнѣваюся, законныель всё дѣши?
Оставя всё — съ тѣхъ поръ, какъ мы, въ по-
слѣдній разъ,
Разсталися съ тобой, — когда всемогущій гласъ
Судьбы созвалъ боговъ, чтобъ они въ совѣтѣ
Рѣшили участь двухъ великихъ царствъ на
свѣтѣ,
Кто долженъ пастъ иль Россѣ, иль дерзновен-
ный Галль:
На Руской сторонѣ Юпитерь первой спалъ
И Россу громъ ошдалъ.
Минерва близъ Царя возсѣла на престолѣ,
Чтобъ нивы утучнить пошла Церера въ поле,
Непшунъ же обѣщаль, со стороны своей,
Бережь російскихъ кораблей,
Подрядчикомъ бытъ Бахусъ взялся,
А ты — пошолъ героевъ пѣтъ,
Я въ службу къ Рускимъ записался;
Но знаешь ты и знаешь свѣтъ,
Что мы давно съ Венерой въ дружбѣ:
Ей захотѣлось тожь служишь въ Россійской
службѣ;
И такъ, рѣшилася разумножать народъ,
А послѣ мнѣ моргнула
И на ушко шепнула,
Что если Рускіе герои черезъ годъ

Съ побѣдою назадъ здоровы возвращаются,
Красавицы для нихъ десятками рождаются.
Ревнивой и хромой Вулканъ, ея супругъ,
Которой былъ всегда Сарматамъ вѣрный другъ,
Увидя, что они держались Корсиканца,
Оставивши родныхъ, избрали иностранца,
Рѣшился Галламъ помогать; —
Но пробудился вдругъ Сарматъ,
Воспаль! — геройску вспомнилъ славу,
Отъ коей имена произошли Славянъ,
Обнялъ, какъ братьевъ, Россіянъ.
Тогда Вулканъ что насъ терпѣшь не могъ до-

полѣ,
Намъ стрѣлы сталъ ковать, хотя и по неволѣ.
Но думаешь — что насъ оставилъ Купидонъ?
Нѣтъ, — много помогаль намъ на кварпирахъ
онъ!

Юнона гордая, — та спала повисухой;
Цибелла, будучи старухой,
Зарокъ дала молебны пѣшь,
Чтобъ Руской могъ успѣхъ имѣшь. —
Эрмій курьеромъ подрядился;
Одинъ Плутонъ тогда спыдился,
Что Рускимъ онъ еще ничемъ не услужилъ;
Однакъ подумавши, тряхнулъ сѣдой главою,
Сказаль: не шутяшь вишь съ войною!
И Элисейскія пошире разтворилъ.
Увы! — старикъ нашъ не ошибся
И, кажется, изъ всѣхъ намъ больше прислужился.
Теперь, когда боговъ соборъ
Для службы Россіянъ оставили свой дворъ,

Одна безумная, кровавая Беллона
Воспала за Наполеона. —
Извѣстенъ всѣмъ конецъ войны,
И многіе твои сыны
Воспѣли гимнъ Царю и храброму народу,
На память вѣчную предбудущему роду.
А мнѣ, признайся въ томъ, войны наскучилъ
громъ:
За моремъ хорошо, а всё милѣе домъ,
И я пришелъ теперь на зимнія кварширы
Твоей послушать сладкой лиры.
Обнимемъ, мой братъ! — пы шихъ, сидишь въ
дому,
Но худо безъ тебя мнѣ въ полѣ одному:
Не мужество одно, не мощныя лишь руки
Къ побѣдѣ, болѣе способствуютъ науки.
Мой братъ! — пы въ сей спокойной часъ
Приготовляй къ побѣдамъ насъ;
Замѣнимъ, между тѣмъ войну, вѣнцы кровавы,
На миршы, на любовь, на братскія забавы —
Извѣстенъ всѣмъ давно съ Венерой мой союзъ,
Но къ Граціямъ пришли въ компанію и Музы. —
Р. С.

18.

Свиданіе Марса съ Венерою.

Изъ походовъ трудныхъ — дальнихъ
Возвращался богъ войны,
Сердце билось въ героѣ, —

О Венерѣ думалъ онъ:
„Скороль я въ Олимпъ прѣбду? —
Скоро ли увижу шу,
Съ кѣмъ бывало въ часъ покоя
Громъ войны я забывалъ?
(Хоть украдкой отъ Вулкана,
Тѣмъ щасливѣе я былъ!)
Въ дальнихъ я земляхъ походомъ
Былъ и видѣлъ красоты,
Но тѣ красоты земныя,
А то масть любви — красота.“
Такъ Герой въ пуши мечшаетъ —
Конь лепитъ подъ нимъ спрѣлой,
Всадникъ бодцемъ подстрекаетъ:
Вотъ прѣхаль ужъ домой.
Марсъ отъ радости ярепещетъ,
Съ пошного вскочилъ коня,
Всходитъ скорыми шагами
На широкое крыльцо;
Онъ въ палату входитъ Зевса,
Гдѣ собраніе боговъ,
И къ престолу Громовержца
Смѣло подступя — отдалъ
Первое почтенье Зевсу —
По поклону всѣмъ богамъ. —
Ищетъ взорами Венеру:
„Гдѣ богиня красоты?
Гдѣ предметъ моихъ желаній?
Гдѣ утѣхъ и щастья край?“
Тутъ Эрмій съ лукавымъ взглядомъ,
Покачавши головой,

Показаль ему Венеру. —

Марсь поспѣшно подскочиль,

Но — увидѣвши старуху —

Богъ войны осполбенѣль,

Ахвуль громко — ропъ разинуль —

Три шага ступиль назадъ. —

Всѣ богини засмѣялись,

Боги начали чихать —

Самъ Юпитерь усмѣхнулся

И герою такъ сказалъ:

„Что съ тобой за перемѣна?

Не ужели средь войны

Трепеталь ты такъ отъ страха?“ —

„О Юпитерь! пощади

Отъ насмѣшекъ въ часъ ужасной,“

Марсь, стеная, отвѣчалъ,

„Съ адомъ лучше мнѣ сразиться,

Чѣмъ увидѣть, что теперь. —

То, что было ангель свѣша,

Что ты сдѣлалась теперь!“ —

Тутъ Венера, взявшись въ боки,

Подступила, изкривясь:

„Что за дерзость?“ — закричала, —

„Что ты смѣешь говорить? —

Таль награда за утѣхи,

Что со мною ты вкушалъ? —

Еслибъ я и постарѣла,

Развѣ ты помолодѣлъ?“ —

— „О Венера! (если можно

Такъ тебя еще назвать)

Я вишь воинъ — я мужчина:

Какъ же можно укорять,
Что бѣлизны и румянца
Нѣшь на Марсовомъ лицѣ? —
Еслибъ мудрая Минерва
Похудѣла отъ трудовъ,
Еслибъ добрая Церера
Загорѣла отъ жаровъ,
Еслибъ гордая Юнона,
Презря красоту лица,
Въ чувствахъ царскихъ и высокихъ
Находила красоты:
Мудрость — пользу почитая,
Я колѣнабъ преклонилъ,
И любви утратя сладость,
Меньше бы несчастливъ былъ.
У тебя-жь, скажи безстрастно,
Что осталось теперь? —
— „Ахъ, злодѣй! — тебѣль шакъ смѣло
Предо мною говорить? —
Боги! — знаете вы сами —
Какъ обидѣль онъ меня:
Въ часъ, когда судьба велѣла
Марсу Россовъ защищать,
Сей измѣнникъ — ночью смѣло,
Даже Грацій не спросясь,
Въ перемъ мой пришелъ шихонько: —
(Я въ слезахъ тогда была)
Тихимъ шагомъ и печальнымъ
Онъ подходитъ ко одру, —
Голосомъ умильнымъ, спрашнымъ,
Онъ прощается со мной. —

II,
П Р О З А.

20.

Ужаленіе пчелы
и л и
первой поцѣлуй.
(Съ Нѣмецкаго.)

Осѣняемый жасминовою бесѣдкою и окруженный благовоніемъ цвѣшовъ оной, сидѣлъ я нѣкогда между Аманшою и Филлидою. Мы радовались веснѣ, и глаза наши насыщались прелеспиями цвѣтущей юности. Вдругъ пчелка въ легкомъ полетѣ зажузжала около кудрей Филлиды, и ахъ! паспущка была ужалена прежде, нежели могла осмотрѣться.

„О бровь моя! вскричала она: милая подруга! о какъ больно! будто опъ тысячи уязвленій. Ахъ! уже пухнепъ бровь моя. Какою же буду я казаться!“....

„Не воздыхай, сказала Аманша, и оперла слезы на щекахъ ея; смотри! уязвленіе легко; бѣдное насѣкомое жалипъ по невинности своей, не вѣдая что пакъ много вредитъ.

Вотъ я выняла уже ядовитое жало, а помощію волшебной силы чарованія, немногими таинственными приговорками, мгновенно упишу боль твою. Знай: одна Нимфа научила меня таинству сему, и я, въ благодарность за то, жертвую ей каждую весну корзиною наилучшихъ и любимѣйшихъ цвѣтѣвъ моихъ.“

Нѣжно прикоснулась она розовыми устами до брови дѣвицы Филлиды; попомъ съ важностію прошептала невнятную чаровательную приговорку, и, чудо изъ чудесъ! — силою ли волшебнаго шептанія или дѣйствіемъ прекрасныхъ, плѣнительныхъ губъ — короче сказать, мученіе папушки окончилось мгновенно. — Радость и сладостное упоеніе опять окружили чело любезнѣйшей невинности. —

Что я чувствовалъ тогда? — Въ безмолвномъ испуленіи пияясь любовнымъ пламенемъ, давно уже пославлялъ я все счастье мое насыщаться прекраснымъ взоромъ Аманпы и слышать пріятный голосъ ея, раздающійся подобно звуку тихо журчащаго ручья; но шеперь спраски мои заговорили смѣлѣе, возбудилось желаніе, никогда еще неощущаемое. „Прекрасныя губы! говорилъ я самъ себѣ, о

розы! о румянецъ! о если бы беспре-
шанно увиваясь около нихъ прильнушь
къ нимъ навсегда и сокровенно вдыхашь
сладость любви. — Ахъ! кто бы не оп-
далъ за такую цѣну прекраснаго Мая
жизни своей!“

Любовь богата хитростями, а въ пы-
лу страстей даже и самой робкой чело-
вѣкъ дѣлается смѣлымъ. Я не долго вы-
мышлялъ, и невинной обманъ былъ уже го-
повъ.

„О губы мои! возопилъ я, какое ад-
ское мученіе! онѣ горящъ, горящъ несно-
снымъ пламенемъ! о проклятое насѣко-
мое! Уже весь рожъ пухнешь! — ахъ
Аманша! — Но ты не проспишь мнѣ сего,
ты по дѣвичей спыдливости пошчасъ убѣ-
жишь, лишъ только ты услышишь. — О
проклятое насѣкомое! какая же нестер-
пимая боль! мои губы горящъ, горящъ у-
жаснымъ пламенемъ! — Милая паспушка!
не осердись: я долженъ, долженъ про-
сипь, ибо кто не любипь жизни своей?
Скажи, не помогаешь ли ты легкое сред-
ство доброй Нимфы также и юно-
шамъ? — А ежели оно можешь пособить,
ты спаси, милая! отъ боли моей, ахъ! мо-
жешь быть отъ смерти, меня. У ногъ

пвоихъ молю о милосердіи: не пожертвуй мечтательной спыдливости жизнию моею.“ —

Дѣвица усмѣхнулась: робко смопрѣла она по на Филлиду, по на просителя, которой уже съ полною надеждою, прижимая губы свои къ лебединой рукѣ ея, ощущалъ предвкушеніе изцѣленія.

„При случаѣ, говорила она покраснѣвшись, Нифма уча меня сказывала, при случаѣ можешь ты и юношу изцѣлишь опть пчелинаго жала; но шолько бы юноша сей былъ шакой, которой никогда еще не забавлялся въ сумерки съ пастушкою, шакой юноша, которой бы не всюду болшаль о подаркахъ, даваемыхъ богинями дѣвушкамъ; да и по немногихъ юношей, ахъ! одного шолько, если можно, должна ты изцѣлишь. Но и сему одному должна ты рѣдко и въ шайнѣ благодѣпельствовашъ чаровашельнымъ вспомошествованіемъ швоимъ. Приманчивость и сила его изчезаюшь, когда многіе воспользуются онымъ!“

За симъ съ ангельскою пріятностію дѣвушка наклонилась ко мнѣ. — Боги! чаялъ ли я, чшобы невинной обманъ, чшобы пылкая въ испупленіи ошущенная мину-

ша могла навсегда похипить весь покой сердца моего? — Каково было мнѣ при сей райской мечтѣ, когда она съ нѣжноспію прикоснулась ко мнѣ, уста прижались къ уснамъ? — О! сего никакой языкъ никогда не выразишь! Она шептала чаровашельную приговорку, копорая попряшисъ въ груди ея исходила воздыханіемъ; — но ахъ! чѣмъ болѣе роса любви опъ ея поцѣлуя проникала въ душу мою, тѣмъ неуполимѣе было желаніе мое.

„Не уже ли еще болишь?“ —

„О дѣвица! швое чудодѣйство велико! Когда губы швои прильнушы къ моимъ, тогда изцѣленіе разливаецъ по всему сосшаву моему; когда же оныя опнимешъ опъ моихъ, ахъ! тогда боль опяшь возвращается.“ — Проспакъ я, выпросиль у дѣвушки еще при поцѣлуя и при шептанія! Аманта! шы меня удивишельно перемѣнила! Только опъ пчелинаго уязвленія хопѣла шы изцѣлишь меня, ахъ! и поцѣлуями швоими жеспоко произвела глубокую рану въ серцѣ моемъ.

И. Мвѣ.

О обычаяхъ.

Люди придерживаются своихъ обычаевъ болѣе нежели нравовъ, болѣе нежели законовъ, и часпо болѣе нежели вѣры своей.

Обычаи народа составляютъ часть его нравовъ, съ тѣмъ за всегда различіемъ, что нравы сопряжены съ главными правилами, всѣмъ извѣстными и уважаемыми, и не иначе могутъ измѣниться, какъ развѣ народъ сдѣлается лучшимъ или худшимъ. Напротивъ того перемѣна въ обыкновеніяхъ, которыя всегда бывають мѣстныя и коихъ происхожденіе часпо бываетъ неизвѣстно или удерживается только по народнымъ преданіямъ, можетъ ни малаго не имѣть участія въ судьбѣ того же самаго народа, и никакой не дѣлаетъ перемѣны въ его благосостояніи.

Пусть зарываютъ мертвыхъ, какъ нынѣ, или пусть сжигаютъ ихъ, какъ прежде: это такіе обычаи, перемѣна коихъ мало окажетъ вліянія на судьбу народа, который позволилъ себѣ оную; но самый сей народъ упадетъ и развра-

щается, когда перестанешь уважать гробницы.

Пусть ѣдятъ лежа на кровати, какъ древніе, или сидя на стулѣ, какъ наши современники: это также равно, какъ для здоровья, такъ и для нравственности; но привычка къ пресыщенію и пьянству равномѣрно противна добрымъ нравамъ и здоровью.

Если какой нибудь обычай древень, хорошо обдуманъ и повсюду успановлень, то никакъ нельзя оставить его, не бывъ подверженнымъ прослыть за Циника или за челоѣка чужестраннаго въ собственной своей отчизнѣ. Таковы, напр. обыкновенія носить прауръ по усопшимъ, благодарить пѣхъ, кои насъ одоужаютъ, привѣщивать друзей, посылать взаимныя поздравленія съ наступленіемъ новаго года и не говорить грубо съ родителями и старшими.

Неблагоразумно даже опровергать слишкомъ открыто скоропреходящія успановленія моды. Живучи въ свѣтѣ, должно жить, одѣваясь и говорить какъ и всѣ прочіе. „Мудрый, говоритъ Фоншенель по-позволяетъ себя одѣвать своему першному.“ Одѣваясь по Армянски посреди Пари-

жа, Ж. Ж. Руссо хотѣлъ сдѣлаться замѣ-
тнымъ, и успѣлъ только въ томъ, что
всѣ надъ нимъ смѣялись.

Многіе подобно Ж. Ж. Руссо думали
опличиться, пренебрегая общепринятые
обыкновенія, или пропиваясь общимъ мнѣ-
ніемъ. Сего рода мятежничество можетъ
имѣть успѣхъ, когда оно выдерживается
съ великимъ разумомъ. Въ противномъ
случаѣ оно извлекаетъ улыбку сожалѣнія,
возбудивъ напередъ минушное удивленіе.

„Иной, говоритъ Дюкло, признаетъ-
ся за дурака потому только, что хо-
тѣлъ утверждать противное. Никогда не
мстятъ въ половину, бывъ обмануты
его увѣреніями.“ Но уважая обычаи своей
земли, не должно думать, что обычаи
другой земли смѣшны или достойны пре-
зрѣнія. Умѣренность въ такомъ случаѣ
есть первая сплата уваженія общест-
веннаго.

„Если кто нибудь думаетъ, гово-
ритъ еще Фонтенель, что нельзя ни
одѣваться, ни привѣщивать, ни го-
ворить иначе, какъ по модѣ его отчизны;
то мой совѣтъ, чтобы снѣ путешес-
ствовалъ.“

Прежде Французской народъ былъ изо всѣхъ народовъ самой ропозѣйливой и насмѣшливой, попому что онъ менѣе другихъ путешествовалъ. Его обычаи казались ему одни доспойными похвалы, одни, которыми можно превозноситься.

Въ семь случаѣ Греки не лучше Французовъ разсуждали. Все, что было не по Гречески, казалось имъ варварскимъ.

Съ одной спороны суешность, а съ другой невѣжество, дѣлають насъ несправедливыми и злыми порицателями: человекъ наилучше воспитанный есть также и самый снисходительный.

Когда всѣ дѣла управлялись оспрѣемъ меча, тогда оскорбленная честь алкала крови, и за нее сражались. Сей обычай былъ варварской, но должно было сообразоваться съ онымъ.

Нынѣ дѣла рѣшаются оспропою ума, другъ друга подсмѣивають; и сей обычай забавнѣе, но не вездѣ терпимъ.

Когда обѣдывали въ два часа, по ужинали въдесяшь. Вечеринки были тогда пріятнѣйшею вещью въ свѣтѣ. Сей обычай былъ самой Французской.

Съ того времени, какъ начали обѣдать въ шесть часовъ, перестали ужина-

нашь и смѣяться: но веселоспѣ возвраща-
шипса съ ужинами.

Еспѣ обыкновенія, кои перяются во
мракѣ времянь и коихъ произхождение и
причину напрасно было бы изыскивать.
Таковъ еспѣ обычай привѣтствовать сня-
пиемъ шляпы. Какое отношеніе между
почтениемъ и не покрывною головою? Вос-
сточные народы въ подобномъ случаѣ до-
вольспвуются положениемъ руки на чело.

Еспѣ и другіе, кои кажутся быпѣ
отпринуты здравымъ смысломъ: таковъ
еспѣ обычай давать преимущество пра-
вой рукѣ предъ лѣвою. Кромѣ того, что
обѣ руки равномѣрно намъ даны приро-
дою, справедливо еще и то, что мы ще-
ряемъ нѣчто, не употребляя оныхъ без-
различно: ибо та рука, которая меньше
служитъ, спановитса лѣнливѣе и слабѣе.

Еспѣ еще обыкновенія, которые съ
перваго взгляду кажутся намъ странны-
ми, несправедливыми и пиранническими;
но коихъ мудрость легко познается по
разсудительнѣйшемъ изслѣдованіи и ко-
гда мы принимаемъ трудъ изыскать про-
изхождение оныхъ во нравахъ того вре-
мени, въ какое они успановлены.

Таковъ, между прочими, обычай, за-
спавляющій мужа бывъ опвѣпчикомъ и
жертвою худаго поведенія своей жены.
Сей обычай, бывшій причиною пошкихъ
жалобъ въ судилищахъ, поликаго числа
дурныхъ шупокъ въ зрѣлищахъ и поли-
кихъ злословій въ обществѣ, не есть
предразсудокъ, какъ о томъ говорятъ;
это послѣдствіе, произходящее вмѣстѣ
опъ силы естесвенной, которую При-
рода одарила мужчину для защищенія и
покровительства прошивъ внѣшнихъ на-
паденій соупницы его жизни и машери
дѣшей его; и опъ силы нравспвенной, како-
вою гражданскіе законы уполномочиваюпъ
главу семейсва управляпъ своимъ до-
момъ, удерживапъ жену въ нѣдрахъ своего
семейсва и осперегапъ ее опъ опасно-
сти, могущей произойти опъ собспвен-
ной ея слабости, такъ какъ и опъ сѣ-
шей, разспавляемыхъ для нее щесла-
віемъ, жеманспвомъ, праздноспію и ху-
дымъ примѣромъ; научапъ ее находипъ
сладоспнѣйшія удовольспвія въ исполне-
ніи своихъ обязанностей. Мужъ, не радя-
щій о женѣ своей, легко можетъ лишипъ-
ся оной. Сія потеря навлекаетъ ему без-

честіе, а сіе безчестіе естъ праведное наказаніе за его нерадивость.

Въ Драммѣ *Нанина*, Баронша говоришь Графу Ольбану:

„Топшь глупь, кшо надь обычаемъ смѣется. —

Графъ отвѣчаетъ ей брюзгливо:

— „Для мудрыхъ никакой обычай не ведется.“ —

Конечно сей опвѣщъ не разумень, но Вольперъ, будучи ревностнымъ сборникомъ системы, предполагавшей переплавить все старинное общество, никогда не принималъ на себя труда изслѣдовать съ важностію послѣдствій предпріятія, которое увлекало его, со многими другими, къ разрушенію всѣхъ обычаевъ.

Ничто такъ не соблазнительно въ книгахъ, какъ картина золотого вѣка, какъ въ нѣкоторыя Экономико-Политическія писатели хотѣли возвратити на землю. Извѣстно, чего намъ стоило желаніе привести въ событіе мечты ихъ воображенія. Мы чрезъ печальный опытъ увѣрились въ опасности ихъ правилъ касательственно щещности чиновъ, равенства, раздѣла земель, равновѣсія могущества и

пр... Нельзя болѣе обмануть насъ въ семь
случаѣхъ и не позволимельно испыпы-
вать.

Баронша не безъ причины призвала
въ помощь обычай противъ неравнаго бра-
ка, могущаго обезславить Графа, не до-
спавивъ ему шого блаженства, котораго
онъ искалъ въ ономъ. Неравные браки рѣд-
ко доставляли щастливья супружества,
и шѣ, кои для оправданія оныхъ говорили,
что благородство души гораздо лучше
знашнаго произхожденія, сдѣлали ложное
упопробленіе изъ древней и всѣми при-
знанной истинны.

Спрасъ, приводившая въ заблужде-
ніе Графа, извиняеть его опвѣшъ, но не
оправдываетъ онаго. Мудрый не презира-
еть ни въ какомъ случаѣ обычаевъ, успа-
новленныхъ въ его опчизнѣ, ушвержен-
ныхъ временемъ, и еще шого менѣе, когда
оныя одобрены здравымъ разсудкомъ.

Обычай, моды и обряды суть законы
общества, опъ знанія коихъ никакъ не-
льзя опрекашья, живучи въ обществѣ.
Честной человекъ не можеть бышь ра-
бомъ оныхъ, но и шого менѣе, ихъ про-
тивникомъ и порицапелемъ.

„Должно повиноваться правиламъ обыкновеній, говоришь Монпанъ, но не подчиняешься онымъ, если они не суть полезны. Жизнь общественная посвящена обрядамъ; моя, скрытая и частная, наслаждается всею свободою, дарованною намъ опъ Природы.“

22.

В ъ с т о в щ и к и.

(Изъ *Монтескье*) (*)

Есть народъ, называемый *Вѣстовщиками*; при всей своей праздности, они всегда заняты, и будучи вовсе бесполезны для Государства, считаютъ себя однакожь весьма для него полезными, потому что болтають о важныхъ предприятияхъ и разсуждаютъ о великихъ выгодахъ онаго. Основаніемъ ихъ разговору служить пустое и смѣха достойное любопытство. Не существуетъ такого тайнаго кабинета, въ копорой бы они

(*) Здѣсь изображеніе сіе нѣсколько сокращено.

не думали проникнуть; они никакъ не согласяшся не знать о чемъ нибудь. Коль скоро вычерпають все насоящее, то принимаются за будущее, и дѣлаясь какъ бы предпечами Провидѣнія, возвѣщаютъ напередъ все дѣянія человѣческія; ведутъ за руку какого нибудь Полководца, и разхваливъ его за тысячу глупостей, которыхъ онъ не дѣлалъ, приготовляютъ ему тысячу другихъ, которыхъ онъ никогда не сдѣлаешь. У нихъ войска лепають, какъ журавли, а крѣпостныя стѣны падають, какъ будпо каршочные домики; у нихъ есть мосты на всѣхъ рѣкахъ, пошпенные ходы на всѣхъ горахъ и неизчерпаемые магазейны на непроходимыхъ пскахъ: у нихъ нивъ чемъ нѣтъ недоспашка, кромѣ здраваго смысла.

23.

П р а з д н о л ю б ц ы .

(Изъ Монтескьё.)

Говорятъ, что человекъ есть животное, любящее общежитіе. Принимая въ сень смыслъ, мнѣ кажется, что Фран-

цують естъ болѣе челоуѣкъ, нежели всякой другой: это челоуѣкъ по превосходству, ибо онъ какъ будто бы единственно созданъ для общества.

Но я примѣнилъ между ними людей, которые не только общежители, но сами собою составляютъ повсемѣстное общество. Они размножаются по всѣмъ угламъ и населяють въ одну минуту всѣ четыре части города: сто челоуѣкъ сей породы гораздо замѣнлѣе, нежели двѣ тысячи гражданъ; въ глазахъ чужестранцевъ они могли бы замѣнить опустошенія, причиненныя моровою язвою или голодомъ.

Въ школахъ предлагается вопросъ: можетъ ли одно и тоже шѣло находить-ся въ одно и тоже время на многихъ мѣстахъ? — Они служатъ доказательствомъ тому, о чемъ Философы вопрошаютъ.

Они находятся въ безпрестанномъ занятіи, потому что приняли на себя важное дѣло спрашивать всѣхъ, кого видятъ: куда идете? и откуда идете?

Никогда бы ихъ не разувѣрилъ въ томъ, что благоприспособленность требуетъ посѣщать ежедневно всю публику по частямъ, не считая уже шѣхъ посѣщеній,

которыя дѣлають они *вообще*, въ пѣхъ мѣстахъ, куда люди сходятся но какъ дорога къ шаковымъ мѣстамъ весьма коротка, по сіи посѣщенія считаются за ничто въ правилахъ ихъ церемоніала.

Они болѣе упоминають воропа всѣхъ домовъ своимъ спукомъ, нежели вѣпры и непогоды. Если бы пересмотрѣть записную книгу всѣхъ приворотниковъ, по каждой день можно бы найши имена ихъ, искаженные въ тысячи видахъ швейцарскимъ писаньемъ. Они влачашъ жизнь свою, или провожая погребашельныя шествія, или выражая свое состраданіе, или поздравляя со свадьбою. Король никогда не дастъ награжденія кому либо изъ своихъ подданныхъ, безъ того, чпобъ они не наняли карепы и не ѣхали изъявляшъ радость свою о помъ; наконецъ они возвращаются домой въ крайнемъ изнеможеніи, и опдыхаютъ, дабы на завпра снова приняшся за многотрудные свои подвиги.

Одинъ изъ нихъ умеръ недавно отъ усталости, и на гробъ его написали слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь покоится тотъ, кто никогда не
„успокоивался: онъ проводилъ 530 похоро-
„ронъ, радовался о рожденіи 2680 мла-

денцевъ; пенсіи, съ копорыми онъ по-
здравлялъ друзей своихъ, и всегда въ ра-
зныхъ выраженіяхъ, проспирающся до
2,600,000 ливровъ; дорога, пройденная
имъ по мостовой, до 9600 спадій, а по
полю — до 36. Разговоры его были весь-
ма занимательны: онъ помнилъ наизусть
по вѣрному счету 365 анекдотовъ; къ
тому же совершенно зналъ еще съ ма-
лыхъ лѣтъ 118 апсегмъ, взяпыхъ изъ
древности, и употреблялъ ихъ при оп-
личныхъ случаяхъ; наконецъ онъ умеръ
на 60 году своей жизни. Прохожій! я
молчу; ибо какъ могъ бы я пересказать
тебѣ все, что онъ дѣлалъ и что ви-
дѣлъ?“ —

24.

Журналы и Журналисты.

(Изъ Монтескьё.)

Письмо Персіяннина къ своему другу изъ
Парижа.

„Есть нѣкопорого рода книги, коихъ
не знаюшъ у насъ въ Персіи, и копорыя,
мнѣ кажешся, здѣсь въ великой модѣ: онѣ

называющся Журналами. Для лѣности весьма лестно читать ихъ: ей успѣшно по, что она можетъ въ четверть часа пересмотрѣть до тридцати книгъ разнаго содержанія.

Въ большей части книгъ Сочинитель не досказалъ еще обыкновеннаго предувѣдомленія, какъ уже читатели находящся при послѣднемъ издыханіи; онъ вводитъ ихъ полумертвыхъ въ содержаніе книги, зашопленное въ море словъ. — Одинъ хочеть содѣлаться бессмертнымъ, написавъ книгу въ 12 долю; другой своею въ 4 долю; претій, имѣя самыя лучшія намѣренія, берется написать въ листъ: и такъ должно, чтобы онъ разпространилъ свой предметъ соразмѣрно величинѣ книги, что онъ дѣлаеть безъ всякой жалости, считая за ничто спрданія бѣднаго читателя, копорой мучитъ себя, спараясь по сокращишь, что сочинитель съ толикимъ прудомъ спарался распротранишь.

Не знаю, что хорошаго находятъ писашь подобныя сочиненія: я могъ бы сполько же ихъ насротчишь, естли бы захотѣлъ распротришь свое здоровье и разоришь книгопродавца.

Журналисты очень худо дѣлають, что говоряшь о новыхъ только книгахъ, какъ будто истина можетъ быть нова. Мнѣ кажется, что человѣку нѣтъ никакой нужды предпочитать старымъ книгамъ новыя, пока не прочтетъ всѣхъ первыхъ.

Но налагая на себя законъ говорить о сочиненіяхъ нововыпечатанныхъ, они налагають на себя еще другой, именно тотъ, чтобъ быть весьма скучными. Они не берутся крикивать шѣхъ книгъ, изъ которыхъ дѣлають извлеченія, какъ бы ни сильна была ихъ на то причина; въ самомъ дѣлѣ, найдется ли пакой смѣльчакъ, чтобы согласился дѣлать себѣ каждой мѣсяць по десятку или по дюжину непріятелей?

Большая часть сочинителей похожи на спихотворцевъ, которые могутъ вытерпѣть стучу палочныхъ ударовъ не жалуясь; но столь мало заботясь о своихъ плечахъ, бывають столь ревностны къ своимъ твореніямъ, что не могутъ вытерпѣть сама малѣйшей крички. Нужно крѣпко беречься, чтобъ не зацѣпить ихъ за столь чувствительную струну, и Журналисты твердо сіе помнятъ. По се-

му они дѣлають совсѣмъ напрошивъ: сперва начинаютъ они хвалишь содержаніе сочиненія, — первая *слабость*; опшуда переходящъ они къ похвалямъ сочинителя — похвалямъ принужденнымъ: ибо они имѣють дѣло съ людьми, готовыми за себя спрого всшупиться и поразить ударами перьевъ дерзновеннаго Журналиста.

О. Соловь.

III.
С М Ъ С Ъ:

I.

Пѣсня Американская.

Прійди ко мнѣ, любезна *Зара!*
И не сердися на меня,
Упѣшь ты вѣрнаго *Навара,*
Который дышетъ для тебя!

Напрасно, *Зара!* убѣгаешь
Отъ быстрой съ крыльями любви,
Напрасно ты сокрыться чаешь
Отъ видящей во тѣмѣ совы.

Ни рѣки, ни лѣса, ни горы,
Мой быстрый бѣгъ не пресѣкутъ,
Вездѣ мои проникнуть взоры,
Вездѣ открытъ мнѣ будетъ путь!

Я взлѣзу на древа высоки,
Я рѣки преплыву глубоки,
Я оборву съ кустовъ лиспы,
Лишь бы увидѣшь мнѣ, гдѣ ты!

Уже на землю ночь нисходишь,
И свѣтъ очей моихъ приходишь,
Уже сближаются уста:
Будь вѣкъ такая темноша!

Мслочь.

2.

Двойные Акrostихи.

1.

Могу ли не любить тебя всечасно зрЯ — — —
Ахъ! выше силъ моихъ молчать — скрываешься въ спрaстИ,
Рѣши судьбу мою! — чего мнѣ ждaшь пeчeРь? — — —
Иль жизнь съ любовью? — смерть, послѣдшiе опкaзA? —
Я жду: скажи скорѣй!! — пишaшь хочy къ другИМь.

2.

На шoль тебя узналъ, чшoбы oпдaться въ плѣНъ?
Ахъ! — сильной спрaстiю горю — чaсa ужь двA,
Другихъ oстaвилъ я; — исполнить чшoбъ oбрядъ —
Я долженъ же спрoсИшь: — щaсплИвИмъ будуль Я?

3.

СпрoсИшь oсмѣлюсь коль — спрoсИшь хочy тебЯ;
O чeмъ? — рѣшИшь презлой судьбы моей нaспaсИ:
Философъ я, чудакъ, монахъ, но не ТаршюФъ,
И такъ спрoшу: — мы любимъ ли другъ друга спрaспИo?
Я — нѣшъ, и не любилъ; а ты? — мы квИшь... смѣюСь!

4.

Люблю! — люблю! — какъ никого я не любилъ,
И поcтoяннo все люблю тебя — шри... днИ!
За чeмъ спрaздaю такъ я въ жизни первый рaзъ?
Ахъ! бѣшaшь со двoрa мѣшaешь мнѣ погoдA!

5 и послѣдній.

Послушникомъ я былъ, густа была брада!
Амуръ поддекопалъ... спасенію шабашъ!
Штандартъ любви блеснулъ, иду служить сюда!
Ахъ! вѣчноль буду я носишь любви цѣпь!

Г. Квитка.

3.

На прозьбу написать лѣсню на снурокъ.

Слышаль я, что ты всѣхъ просишь,
На снурокъ чтобъ напишашъ;
Но снурковъ ты много носишь,
Я незнаю, какъ начашъ.

Коль снурокъ ты получаешь
Отъ невинныя красы,
Отъ которой ты страдаешь:
Вздерни ты его въ часы.

Отъ старухи коль снурочикъ
Получилъ, любезной мой!
Завяжи имъ воропочикъ
И платкомъ его закрой.

Если отъ купчихи шучной
Есть снурочикъ: всѣмъ кажи;

Въ знакъ любви благополучной,
Въ тросточку снурокъ вяжи.

Ешьлижъ ты прельстиль Кокешку,
И ошь ней имѣешь снуръ:
Изъ снурочка сдѣлай сѣтку,
Чшобъ увязнуль въ ней Амуръ!

Коль ошь вздоховъ нѣтъ награды:
Презри мира суешы,
Прекрати снуркомъ досады,
На любомъ повѣсься ты!

С . . . М . . . . нз

4.

Аминтъ.

Гдѣ журчалъ ручей сребристый
И цвѣточки напояль,
Гдѣ высокій дубъ вѣтвистый
Громъ и бури презираль:

Тамъ Аминтъ, пасухъ лѣбезный,
Пригорюнивши сидитъ;
Проливаетъ шоки слезны,
Что пасушка не глядитъ.

Изломаль свою свирѣлку,
Съ грусти цѣлый день не ѣлъ...
Люди часто за бездѣлку
Плачуть — ихъ такой удѣлъ!

Мслевъ.

5.

Хандра.

Скажи мнѣ, отъ чего такъ сильно ты грустишь?
Въ кругу семьи своей, повѣся носъ, сидишь;
На всѣхъ ты сердишься: за что? — и самъ не-
знаешь,

Съ утра до вечера ты въ карты лишь гадаешь:
Съ шерпѣнья выведешь, всѣхъ сгонишь со двора —
Ну, что же ты молчишь? — *Хандра, мой другъ!*

Хандра.

Чтожь это за Хандра? меня ты вразуми
И дружеской совѣтъ, пожалуста, прими:
Взгляни ты на жену, на пещу, на сыночка,
Кто знаетъ? — можешь быть, еще родится
дочка:

Все должно веселить — и Капинька сестра.
Охъ! вижу, признаюсь: — *Хандра, мой другъ!*

Хандра.

Да растолкуй же мнѣ, какая сатана
Вселилася въ тебя? или болѣзнь она? —
Давно ли на Руси? — отъ куда къ намъ яви-
лась?

Съ Еленыль, съ Ельбыли, и гдѣ она родилась?
Скажи! такъ по шеямъ прогнать ее пора.
Не знаю ничего — а знаю, что *Хандра!*

Какой же ты дуракъ со всей твоей Хандрой!
Коль такъ она мила, такъ храмы ей построй;
Когда не хочешь внять ни дружбѣ, ни разсудку,
Не мучь же всѣхъ собой: возьми ты въ руки
дудку,

Броди ты по лѣсамъ отъ утра до утра,
Свисти и воспѣвай, *Хандраловна, Хандра!*

С.

6.

К ъ . . .

Дай ростъ тебѣ... имой, по больше,
Не такъ квадратень спань — попомнѣше,
Дай раза въ три лице бѣлѣй,
Свѣжѣй,
Круглѣй,
Милѣй —

Дай вдвое меньше губы
И поровнѣ зубы,
Дай наконецъ не такъ искривленъ носъ,
И лѣвой глазъ чшобъ не былъ косъ:
Тогда и ты... — судя не строго,
Моглабъ занять не много. —

7.

Къ С.

Чтобъ удивить, Рафаиль! свѣтъ,
Спиши ты съ С. . . . . портретъ.

8.

Къ портрету Оберъ-Обдиралова.

Съ лица никакъ нельзя имѣть догадки,
Какъ мастерски беретъ онъ взяжки.

9.

Въ Альбомъ

О. Б. Р.

Чтобы испортилъ первый листъ
Въ Альбомъ вашемъ Журналистъ
Вы эшаго желали.

Прекрасный вашъ Альбомъ на шомъ конецъ при-

слали!

Но что же онъ напишетъ въ нёмъ? —
Въ Альбомъ похребно больше лести,

Я съ нею вовсе незнакомъ;

А истинь написать гешовъ я вамъ, хоть двѣсти.

Извольте слушать вошь онѣ:

Что вы умны — въ шомъ нѣтъ сомнѣнья,

Что вы скромны — шо знаюшь всѣ. —

А по сему знакъ удивленья

Поставлю я на сторонѣ!

Прибавя къ удивленью точку
Окончу шѣмъ послѣднюю строчку.

Мслвчъ.

10.

Къ Сосѣду.

Ну что любезный мой сосѣдъ,
Какъ кажется тебѣ мой медъ? —
Вчера съ тобой мы погуляли,
Безъ церемоній, безъ чиновъ,
И только лишь вчера узнали:
Межъ нами можетъ быть любовь!

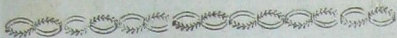
*

Вчера я очень весель была,
Себя и цѣлый свѣтъ забыла,
Забыла мою я даже *трубку!*
Не знаю какъ я съ головой?
Вчера соорили мы шутку
Не скоро намъ дождашь другой!

*

Мы здѣсь тогда лишь и живемъ,
Когда смѣемся и поемъ!
Вотъ только жизни наслажденье —
А остальное вздоръ и пыль.
Кому день каждый *Воскресенье,*
Такъ можешь пошь сказать, я жилъ!

Мслвчъ.

Оглавленіе IIй части.

	Стр.
1. Ушайда (Поема) - -	3
2. Интересь (Сашира) - -	9
3. Ода на миръ Европы, превра- щенная въ баснь - -	18
4. Проповѣдь и Басня (баснь) -	25
5. Голубъ и Воронъ - -	26
6. Волкъ въ паспушьемъ нарядѣ -	27
7. Наполеоновы Шахмашы - -	29
8. Рифмачъ и Смерть - -	30
9. Панегиристу А... Н... (эпиграмма)	32
10. Она - - -	—
11. Переменная плашья - - -	—
12. Крешу - - -	33
13. Рай - - -	—
14. Кучеру (эпипафія) - - -	34
15. Педанту Силъ - - -	—
16. Турецкому Султану - - -	—
17. Паспуху Гончаренку - - -	35
18. Климу - - -	—
19. Изъясненіе въ любви одного при- казнаго - - -	—
20 Письмо изъ Европы - - -	38

21.	Пѣсня Лапландская	-	-	56
22.	Экспромптъ Е. В. К—вой	-	-	57
23.	Къ Вертеру	-	-	58
24.	Въ Альбомъ	-	-	54
25.	Акроспихъ	-	-	—
26.	Надгробіе философа Демокрита	-	-	—
27.	Пѣсня Надовесская	-	-	60
28.	Упреки ума — сердцу	-	-	—
29.	Рецептъ	-	-	61
30.	Г. Квишкѣ	-	-	62
31.	Каламбуръ	-	-	64
<hr/>				
32.	Упаида (вторая пѣснь)	-	-	67
33.	Ода С.	-	-	75
34.	О Граціи	-	-	77
35.	Юпишерь и Нешопыри (баснь)	-	-	78
36.	Саксонскій Мужикъ	-	-	79
37.	Пчолка	-	-	80
38.	Воззваніе къ Конямъ одного Коня	-	-	—
39.	Болшуну (эпиграмма)	-	-	82
40.	Сновидѣніе	-	-	83
41.	Невѣрояшный слухъ	-	-	—
42.	Къ мѣновщикамъ на сполахъ	-	-	—
43.	Предсказаніе	-	-	84
44.	Новванскому (эпиграфия)	-	-	85

45.	Младенцу	-	-	85
46.	Мнѣ	-	-	—
47.	Описаніе славнаго парика И. И. Р.			86
	Піесы Рускаго Солдаша:	-	-	87
48.	I. Посланіе Марса къ Аполлону			—
49.	II. Свиданіе Марса съ Венерою			90
50.	III. Разговоръ пріѣзжаго съ жи- шелемъ	-	-	95

51.	Ужаленіе пчелы или первой по- цѣлуй	-	-	96
52.	О обычаяхъ	-	-	101
53.	Вѣсповщики	-	-	109
54.	Празднолюбцы	-	-	110
55.	Журналы и Журналисты	-	-	113

С м ѣ с ь .

56.	Пѣсня Американская	-	-	117
57.	Двойные Акросшихи	-	-	118
58.	На прозьбу написашъ пѣсню на снурокъ	-	-	119
59.	Аминшъ	-	-	120
60.	Хандра	-	-	121
61.	Къ . . .	-	-	122
62.	Къ С.	-	-	123
63.	Къ портрету Оберъ-Обдиралова			—
64.	Въ Альбомъ	-	-	—
65.	Къ Сосѣду	-	-	124

The first part of the book is devoted to a general
 introduction to the subject of the history of the
 world. It is divided into three parts: the first
 part deals with the prehistoric period, the second
 with the ancient world, and the third with the
 medieval period. The second part of the book is
 devoted to a detailed study of the history of the
 world from the beginning of the Christian era to
 the present day. It is divided into two parts: the
 first part deals with the history of the world
 from the beginning of the Christian era to the
 end of the fifteenth century, and the second
 part deals with the history of the world from
 the end of the fifteenth century to the present
 day. The third part of the book is devoted to a
 study of the history of the world from the
 beginning of the Christian era to the present
 day. It is divided into two parts: the first
 part deals with the history of the world from
 the beginning of the Christian era to the end
 of the fifteenth century, and the second part
 deals with the history of the world from the
 end of the fifteenth century to the present
 day.

The first part of the book is devoted to a
 general introduction to the subject of the
 history of the world. It is divided into three
 parts: the first part deals with the prehistoric
 period, the second with the ancient world, and
 the third with the medieval period. The second
 part of the book is devoted to a detailed study
 of the history of the world from the beginning
 of the Christian era to the present day. It is
 divided into two parts: the first part deals
 with the history of the world from the
 beginning of the Christian era to the end of
 the fifteenth century, and the second part
 deals with the history of the world from the
 end of the fifteenth century to the present
 day. The third part of the book is devoted to
 a study of the history of the world from the
 beginning of the Christian era to the present
 day. It is divided into two parts: the first
 part deals with the history of the world from
 the beginning of the Christian era to the end
 of the fifteenth century, and the second part
 deals with the history of the world from the
 end of the fifteenth century to the present
 day.

The first part of the book is devoted to a
 general introduction to the subject of the
 history of the world. It is divided into three
 parts: the first part deals with the prehistoric
 period, the second with the ancient world, and
 the third with the medieval period. The second
 part of the book is devoted to a detailed study
 of the history of the world from the beginning
 of the Christian era to the present day. It is
 divided into two parts: the first part deals
 with the history of the world from the
 beginning of the Christian era to the end of
 the fifteenth century, and the second part
 deals with the history of the world from the
 end of the fifteenth century to the present
 day. The third part of the book is devoted to
 a study of the history of the world from the
 beginning of the Christian era to the present
 day. It is divided into two parts: the first
 part deals with the history of the world from
 the beginning of the Christian era to the end
 of the fifteenth century, and the second part
 deals with the history of the world from the
 end of the fifteenth century to the present
 day.

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЪ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ спранѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

Ай, ай,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Тепелъ, да холоденъ!

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочи-
неніе Профессора Ивана Срезневскаго, печата-
ть оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напеча-
таніи, до выпуска въ Публику, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экзе-
мпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Де-
партаментна Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіоте-
ки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Мая 1 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе третьей лѣсни.

Пѣвецъ намѣкаетъ Затѣю и Марьѣ о разлукѣ съ ихъ сыномъ — Ушай вымышляетъ сонъ, дабы имѣвъ предлогъ оспа-вить отеческій кровъ — самый сонъ — неопиcуемая сцена азсѣванья — Ушай въ походѣ.

О Марья жалкая, несчастнѣйшій отецъ!
Какъ мало радость вы вкушали!
Вы плачете — и вашъ пѣвецъ
Причина, скажутъ, сей печали.
Не знаю, можетель снести,
О участь! о судьба презлая!)
Когда услышите: *прости!*
Опъ сына вашего Ушая.
Теперь то время насѣаетъ,
Ишобъ вамъ съ сыночкомъ распрощаться;
Боюсь — васъ эта мысль убьетъ;
Однако надобно растахъся.
Вашъ сынъ рожденъ, чшобъ свѣшь дивить,
И бывшихъ рыцарей доселѣ
Изгнать изъ памяти, *запмишь,*

Героемъ бышь на самомъ дѣлѣ;
Преступниковъ разить, карать,
А добродѣтель защищать,
Съ невинныхъ низлагать оковы
И не щадить за правду крови,
Короче, вѣкъ златой ввести:
Чтобы подьячїе не крали,
Чтобы больше ябеды не лгали,
А вракъ ученымъ не плести;
Чтобы льстецамъ не изгибаться,
А мудрецамъ не напиваться,
Спесивымъ носъ не задирашь,
Дабы его не изломашь;
Опцовъ чтобы дѣши почитали,
Мужьямъ и женамъ вѣрнымъ бышь,
Ропшашь чтобы бѣдны перестали,
Чтобы игру искоренить,
Чтобы не было ни войнъ, ни браней,
Чтобы не писашь вралямъ стиховъ,
Не налагать чтобы тяжкихъ даней,
Не переваживать вѣсовъ;
Купцамъ напрасно не божишься,
За рубль чтобы двухъ рублей не брать,
Чтобы только школьникамъ учишься,
Опнюдь старухамъ не болташь;
Монахамъ чтобы не лицемѣришь,
Попамъ немного бышь умнѣй,
Всему чтобы атеистамъ вѣришь,
А господамъ не драшь людей;
Чтобы... но можноль все изчислишь,
Чего не должно въ свѣстѣ бышь,

И что Утай исправитъ мыслишь?
Такъ лучше дребедень не бить;
Скажу короче, что вамъ болѣ
Никакъ нельзя съ Ушаемъ жить,
Хоть по неволѣ, хоть по волѣ:
Онъ богатырь — богатырямъ
Сидѣть за пѣчкой не возможно,
Искашь имъ приключеній должно
И подвергаться всѣмъ бѣдамъ.
И такъ дѣдъ съ Марьею прощайте,
Сынка вамъ долго не видашь,
Пѣвца напрасно не ругайте,
Пѣвецъ ей, ей! невиновать,
Что вашъ сынокъ по бѣлу свѣту
Задумалъ рыскашь, какъ шальной.
Ахъ! не бери онъ посохъ свой,
Ябъ тотчасъ кончилъ сказку эту,
Тисненью вмигъ ее предаль:
О сколькобъ радостей вкушалъ!
О какъ мои сѣялибъ очи,
За шѣ недоспаныя ночи,
Кои въ заботахъ провождалъ,
Въ которыя рѣмы прибиралъ!
Утай однажды по утру
Пошелъ съ сестрою прогуляться,
И походивши по бору,
Домой задумалъ возвращаться.
— „За чѣмъ такъ рано, милый братъ!
Гулянье нынче оставяешь,
О чемъ грустишь и воздыхаешь?
О чемъ съ тобою намъ вздыхаешь?“

Сказала Ушка такъ Утаю,
Позволь еще я погуляю,
Пойдемъ съ тобою мы на лугъ,
Тамъ разныхъ я нарву цвѣточковъ:
Какихъ же для тебя, мой другъ!
Хорошихъ наплешу вѣточковъ!
Еще успѣемъ мы домой:
Смотри, какъ солнушко сіяешь. . .
Я радъ бы всей моей душой,
Ушай такъ Ушку прерываетъ,
Съ тобой, сестра моя! гуляшь,
Но на домъ нада возвратиться;
Тамъ сонъ хочу я рассказать,
И послѣ странствовать пусшиться.
Сказавъ сіе — онъ замолчалъ
И пушъ направилъ свой къ избушкѣ:
Ахъ сколько дѣду и старушкѣ
Возвратомъ бѣдъ онъ предвѣщаль!
Уже Утай въ избѣнку входитъ,
И разговоръ о снѣ заводитъ,
Принявъ печальный видъ и шонъ,
Такъ свой рассказываетъ сонъ:
— „О мать! отецъ! какое горе!
Послушайте, что снилось мнѣ:
Что будто бы я брошень въ море,
И будто бы на самомъ днѣ;
Вдругъ вижу я передъ собою
Великій преогромный домъ,
Сидѣль въ которомъ Чудо-Сомъ
И эдакъ говорилъ со мною:
Утай, онъ сильно заревѣлъ:

Отъ рева весь я содрогнулся,
Утай, се я, се Чудо-Сомъ хотѣлъ,
Чтобъ ты морскаго дна коснулся:
Мнѣ все подвластно на земли,
Будь, богатырь! ты мнѣ послушень,
Глаголу моему внемли,
И будещи благополучень.
Къ великому рождень Утай;
Онъ долженъ странствовать пустишься,
Не медли — завтра же ступай,
Твой родъ на вѣкъ благословишь.
Лишь чуть сіе онъ произнесъ,
Такъ сильно разомъ встрепенулся,
Что я проснулся,
И съ домою Чудо-Сомъ исчезъ.“
Коль хочется по свѣту шляться,
Что дѣлать и богатырямъ?
За ложь же надобно приняшься,
Они и прибѣгаютъ къ снамъ.
И нашъ Утай сварганилъ сказку:
Какъ кажется и онъ солгалъ,
И матери своей за ласку
Сонъ богатырскій рассказалъ.
Припомъ еще вздохнулъ искусно,
Разовъ бышь можешь до шести,
Примолвя: тяжко мнѣ и грустно!
Но надобно въ походъ идти. . .
Всѣ — всѣ печальны восклицанья,
Въ Грамматикѣ какія есть —
Читатель! долженъ ты привестъ
Ихъ всѣ сюда безъ оприцанья:

И ге. и ги. и го. и гю,
То и тогда наврядъ представишь
Плачевну сцену пы сю,
Хоть тысячу *тире* иставишь
И столькожъ къ нимъ еще прибавишь
Киселекъ, точекъ, залятыхъ,
И знаковъ множество другихъ,
Подобно же смѣсныхъ,

Пустыхъ,

То и тогда рыданій, воевъ,
И щасливыхъ моихъ героевъ
Ни на волосъ не начерпишь.
А какъ дойдетъ до обниманья,
До поцѣлуевъ и прощанья,
Церо ты бросишь, замолчишь.
Какъ сдѣлаю я неподобно,
Когда, тебѣ, мой другъ! подобно,
И самъ объ этомъ ни словца!
А выведу я молодца
Изъ дѣдовой избы на поле!
Пусть съ божьей помощью идетъ
Чась, два, четыре, пять и болѣ:
Ошь шаго убышку нѣтъ.
У насъ на это есть прибаска,
Ее ребенокъ знаетъ всякъ:
Хоть скоро говорится сказка,
Да дѣло не вершится такъ.
Пускай Утай мой погуляеть,
Гуляеть большой ему просторъ,
О приключеньяхъ пусть мечтаетъ,
Пускай свой пресыщаетъ взоръ

Болотомъ, лѣсомъ и долиной,
Р кой, буграми, ручейкомъ,
Пусть сей прельщается карпиной,
А мы не много отдохнемъ,
Пусть дождь его не разъ измочитъ,
Пусть все въ вѣтръ, гремитъ пусть громъ,
Пусть пр забнеть, ешьли хочеть,
А мы немного отдохнемъ.
Мнѣ право болѣе нѣтъ мочи,
Ужъ мнѣ мои не служатъ очи,
Пора мнѣ бѣдному заснуть:
Желаю все въ приятной ночи
И пѣснь сканчиваю тушь;
Лишь только одному Ушаю
Минушы спать не позволяю.

Мелочь.

2.

Похвала Гроку.

Ахъ! какое восхищенье
Я внезапно ощутилъ!
Мыслей быстрое стремленье,
Бодрость духа, крѣпость силъ!

Зрю себя я на Парнасѣ,
Съ лирою златой въ рукахъ:
Сладость райска въ лирномъ гласѣ,
Жизнь — Гармонія въ струнахъ.

Но какое привидѣнье!
Что за бредъ въ моемъ умѣ! . . .
Только вижу заблужденье!
Гдѣ Парнасъ и лира гдѣ?

Я покойно на диванѣ
Передъ столикомъ сижу;
Грокъ блеститъ въ моемъ стаканѣ,
Съ ромомъ шшофъ въ рукахъ держу.

Пусть же будетъ Геликономъ
Мягкой эшотъ мой диванъ,
Шшофъ пусть будетъ Аполлономъ,
Лирою моей — стаканъ.

Ну! еще я тяпну Гроку!
Лучше онъ Кастальскихъ водъ:
Онъ внушилъ мнѣ пѣснь високу,
Мыслямъ далъ свободный ходъ.

Онъ причина восхищенья,
И веселью моему;
Онъ достоинъ прославленья,
Се зываю я къ нему:

Ты, который составляешь
Утѣшенье дней моихъ,
Въ сердца радость поселяешь
Средь напастей, скорбей злыхъ.

—

Противъ бѣдствій оборона,
Въ жизни ты небесный даръ,
Грокъ, любимецъ Албіона,
Мореходцевъ всѣхъ нектаръ!

—

Съ Грокомъ гордо презираешь
Англичанинъ эпошъ свѣтъ,
Ко лбу смѣло устремляешь
Смертоносный пистолетъ.

—

Щасстья зря непостоянство
Съ Грокомъ онъ кричитъ: *goddam!*
Помираешь ложь, тиранство:
Съ Грокомъ шумишь онъ надъ всѣмъ.

—

Мореходцы! вы скажите —
Сколь для васъ полезенъ Грокъ?
Въ бурю смѣло вы шумите,
Презирая гнѣвный рокъ.

—

Преплывая Океаны,
И ругаяся волнамъ,
Осушаете стаканы:
Грокъ цѣлебный вашъ бальзамъ.

О Нептунъ! явись всеильнымъ:
Вздумай чудо сотворить:
Бездны водъ презубцемъ дивнымъ
Въ вазы съ Грокомъ превратить!

Пусть народы, признавая
Въ томъ щедросту къ нимъ твою,
Грокъ, какъ воду, попивая,
Выхваляютъ часть свою.

Всякъ по грозной бы стихїѣ
Съ радостью пускался въ путь,
Презирая вихри злые —
Не страшился утонуть:

По брегамъ тогдабъ селились
Океановъ и морей
Непрестанно веселились
И кричалибъ: *больше пей!*

Въ рай земной бы обратилась
Слезная сѣя юдоль,
И въ Геенну бы сокрылась
Опшъ людей напасть и боль.

Въ жизни наше всё блаженство,
Чтобъ не плакашь, не пужись;
А на это былобъ средство —
Чтобъ по больше Гроку пишь.

Ахъ! я съ Грокомъ въ злоключенн —
Весель, какъ Сократъ, бываль,
Въ Грокъ видѣль бѣдъ забвенье
И отраду съ нимъ глошаль.

А шеперь какъ обратила
На меня форшуна изглядъ,
Разны способы открыла
Гроку больше попивать.

Прочъ опасные Фаншомы:
Я залъзу въ уголокъ;
Строяшь пусть воздушны дома,
А я буду пишь мой Грокъ.

Знаю, что къ Плутону злomu
Должно нѣкогда предстать,
Но имѣя бочку рому,
Можно смѣло смерти ждать.

Нахмлювъ.

3.

Лиза Романистъ.

(Повѣсть.)

Извѣстно, въ древности какъ Рускіе живали,
Не зная нынѣшнихъ зашѣй,
При воспитаніи дѣтей!
Имъ только *нравственность* внушали,
И наши дѣвушки романовъ не читали.
Теперь же *нравственность* и слушать не хо-
тятъ,

Смѣются всѣ надъ стариною;
Я вамъ намѣрень рассказать
О Лизѣ. . . новаго покрою:

*

Въ деревнѣ Лизанька жила,
Какъ роза алая, въ глуши кустовъ, цвѣла,
Котора родилась хошя и Россіянкой,
Воспитывалась шуть природной иностранкой.
Прекрасныхъ пара глазъ у Лизы, стройный
станъ,
И что, всего важнѣй, при тысячи крестьянъ,
Давно бы въ городахъ сердца къ ней привлекали,

Полковникъ, Генераль, по ней бы въздыхали:
Въ деревнѣ все не то — лишь въ городѣ жить
рай!

Прискучиль ей *Жоли*, прискучиль попугай,
И только лишь одни романы ушѣщаютъ,
Хоть сердце юное развращомъ заражаютъ:
Жанлисъ, одѣтая въ Французской переплетъ,
Сталь, *Крамеръ*, красили Лизетинъ шуалешъ,
И ей пріятныя минушты доставляли;
Радклифъ ей и *Руссо* не мало помогали. —
Дюкре шущъ *Дюмениль* усердствовалъ пред-

стать,
а и *Луветъ Кувре*, какъ вѣжливый Аббашъ,
Спѣшилъ распространить развращъ;

И Лизанька груститъ не рѣдко начинала.
Чегожъ ей хочется? чего не достаетъ?

Чего? ахъ вѣрно не конфетъ!

Видь Лизанькѣ пятнадцать лѣтъ!

Шестнадцата весна ей только наступила,
Косынка вздулася — и Лиза загрустила!

О чемъ же? спросятъ наконецъ: —

У Лизы есть и мать, есть также и отецъ,
Но сердца, знать, ее они ужъ не питаютъ,

Лишь множатъ ей тоску — и въ роци увле-
кають.

Изволишь Лиза тамъ мечтать,

И въ сердцѣ пустому несносно ощущать;

Романовъ чтенію тамъ Лиза предается,

Живой фантазіей къ погибели влечется.

Густь *Вертеръ* всякой часъ съ Лизетою бывалъ

И пламенну любовь для Лизы предсказывалъ —

Такое чтеніе для многихъ очень мило,
И дѣвушекъ не разъ съ ума оно свѣдило.

Однажды она
Въ садочкѣ тосковала,
Въ мечтѣ погружена,
Не зная и сама чего она желала;
Я думаю, на этотъ разъ
Попался ей *Фоблазъ*,
Что такъ она вздыхала!
Межъ шѣмъ охотникъ молодой
Проходишь за решеткой,
Хотя и былъ слугой,
Однако же красоткой
Давно замѣченъ былъ —

И Лизѣ, кажется, довольно миль! —

„Какая ложь! какая небылица!“

Тутъ можешь вдругъ сказать невинная
дѣвица.

Конечно, въ городѣ, какъ вътрѣ,
Вмѣсто слуги вилсябъ за нею Пешиметръ;
Но Лиза въ городѣ еще не появлялась;
Такъ диволь, что слугой, такъ много занима-
лась?

Припомъ романами Лизета подкрѣплялась!

И такъ не диво, что она,

Фантазіей увлечена,

Въ стрѣлка влюбилась страстно,

И мыслила объ немъ всечасно;

При томъ и то сказать,

Охотникъ былъ молодцоватъ;

А Нимфѣ нѣкогда оставленной богами

Пріяшень былъ Сапирь, и съ козьими ногами!

А шупь

И нѣтъ диковинки ни чупь —

Вишь спраспи вѣчные шираны!

Такъ юной дѣвущкѣ возмѣжноть пвердой бышь,

Которую романы

Успѣли ослѣпить?

Наспешенько Лизанька въ садочикъ приходила,

Гдѣ много для себя веселья находила;

Спыдлива и робка,

Съ начала, какъ цвѣшокъ, краснѣла,

Взирая на спрѣлка;

А послѣ Лиза такъ успѣла,

по даже и играть она съ нимъ не робѣла!...

„Того желалъ конечно рокъ!

Лизета такъ пвердила,

„Чтобы ее стрѣлокъ,

„Онажѣ его любила!..“

Однажды въ лѣшню ночь, когда взошла луна,

Прелестная Лизета

Выходитъ въ садъ одна,

Въ прекрасно неглиже одѣша,

И вдругъ,

Откуда не взялся ея любезный другъ!

Конечно днемъ они еще угѣворились;

Въ сердцахъ шупь обоихъ желанья пробудились!

Гдѣ чувство, — иль любовь, — не знаю какъ

назвать,

Лѣнивъ романы я читаю;

Романы кто читаешь,

еще пробудилась въ нихъ и безъ меня узнаешь. —

Аллеи тѣнь и лунна ночь,
Уединенье, всё, старалось имъ помочь....
Но нѣтъ!... на сцену мрачну
Завѣсу наведу полупрозрачну —
И лучше погрузу,
Что я не выдумку пишу.
Въ романахъ, на явуль, любовь — всегда лю-
бовь...

Для Лизы многое еще было загадкой:
Теперь взгляните сквозь покровъ
Украдкой....

Увы!... Въ томъ право я не виноватъ,
Клянусь... съ охотою желалъ бы я сол-
гать. —

Къ несчастію, Лизета
Въ объятіяхъ любви покоилась до свѣта —
И что же наконецъ?

Въ семь видѣ заспаетъ прелестницу отецъ:
Полураскрыта грудь!... онъ видитъ... и не вѣ-
рить!

И гнѣва праваго не можетъ онъ умѣришь,
Отъ коего потомъ
И Лизанька проснулась,
Взглянула — ужаснулась,
И такъ, какъ водится при случаѣ шакомъ,
Вздохнула, закричала,
И въ обморокъ упала! —

*

Стрѣлокъ въ солдашы отданъ былъ:
Конечно въ эту ночь онъ Лизѣ нагрубилъ!
Но горю пособить не смѣя,

Да и стыда уже поправить не умѣя,
 Лизета, кончишь чшобъ шоску
 И кончишь чшобъ *романъ*, по... бросилась въ
 рѣку:

Къ мученью, умереть и памъ не допустили;
 Испоргнули изъ водъ
 И къ жизни возвратили. —
 А черезъ годъ,
 Сю Венеру

Въ замужство отдали хромому Офицеру! —
 Въ деревнѣ и теперь она живешь...
 Не знаю обь стрѣлкѣ забыла, или нѣтъ.

Отцы и матери быль эту прочитайте
 И строже дочерямъ романы выбирайте.

Дмитр. Ярославскій.

В А С Н И.

4.

Овенъ и Песѣ.

Не знаю именно я въ городѣ какомъ,
 Въ Черкасскѣль, Харьковѣ, въ Екатеринославѣ,
 Въ Черниговѣ или въ Полшавѣ...
 Песѣ разговоръ завель съ овномъ,
 Иль лучше псомъ овенъ достойно укорялся:
 Какъ можно вамъ такъ ниску бытъ,
 Позволишь мяснику, чшобъ вами онъ ругался,
 И чшобы смѣль онъ васъ и рѣзать и душить?

Какъ бышь безъ гордости, безъ мѣсти,
О собственнѣйшей не думашь чести,
Дашь волю мяснику обидь вамъ дѣлать двѣсти?
Барань укору пса довольно понималъ,
Вздыхалъ,
И взоръ пошуя въ низъ — молчалъ.

*

Мясникъ — подъячѣе; песь — Нѣмецъ; а Барань . . .

Смѣхъ и хохотъ въ воздухѣ.

5.

Е з о л ъ.

Езопъ игралъ съ дѣтьми въ орѣхи:
Ошь всюду колкости и смѣхи,
И даже брань и крикъ!
Мальчишка, ученикъ!
Такъ проходящѣе кричали,
Глупецъ! Педанты прибавляли:
Езопъ предолго брань терпѣлъ;
Но послѣ, потерявъ терпѣнье,
Сказалъ такое изрѣченье:
За чѣмъ мнѣ не мѣшашь бездѣлья между дѣль?
За чѣмъ съ невинными дѣтьми не забавляешься?
Коль слишкомъ лукъ шянушь, онъ можетъ изломаться! —

Мслвчъ.

Заморской улей.

Николинька, сынокъ у мапущки почтенной,
Рѣзовъ не много былъ,
Хотя и принималъ подь часъ онъ видъ спе-
пенной,
И будто, какъ спарикъ, судилъ и говорилъ.
Но рѣзвостъ не порокъ — и дѣшамъ все про-
щающъ,

Когда они умны бывающъ.

Однажды въ пасѣку дѣшина забѣжалъ,

Въ которой ульевъ рядъ споялъ —
(Изъ многихъ и ему одинъ принадлежалъ,
И полонъ меду былъ, коль молвить правду
матку)

„Давай пересмотрю всѣ ульи по порядку!“ —
Сказалъ Николинька — и ну перебирашь!

И маленькіе, и большіе,

И старые, и молодые:

Нашелъ набитые межъ ними — а иные

Совсѣмъ пустые,

И сталъ ихъ съ умыслу ронять.

Тутъ порядку набрелъ на улей иностранной,
Которой на показъ, какъ видно, тамъ споялъ,

Работы мастерской столярной,

Расписанъ красками — фонарикомъ сіялъ!

Заглянулъ внутрь его — хотя бы капля меду,

И понови ни слѣду:

Толкнулъ его ногой — да шрушня и прижалъ,
А тошь безъ памяти ошь боли зажуужалъ.

Досужи пчелки молодая,

Услыша рѣзкой шрушневъ зыкъ —

(Онъ дорогъ былъ для нихъ за пѣсни щеголь-
скія)

Всѣмъ роємъ изъ улья пустилися на крикъ:

„Сестрицы! кто-то шрушня давить!

„Онъ шѣмъ весь улей нашъ безславиль;

„Извѣстно всѣмъ пчеламъ,

„Какъ шрушень сей полезень намъ:

„Хоть меду онъ у насъ и просить,

„Да грязь намъ изъ болота носить.

„Ошмстимъ мы за него, ошмстимъ!

„Какъ туча, на врага внезапно налешимъ,

„И шакъ изжалимъ,

„Что мѣста у него живова не оставимъ!“ —

Напали — ну кусать!

И жалишь, и жужжашъ!

Что радъ Николинъка бѣжашъ

Долой оштуда безъ оглядки.

Послушайте, ребяшки!

Не троньте шрушней никогда:

Не то — отъ пчелокъ вамъ бѣда!

О. Соколовъ.

ЕПИГРАММЫ.

7.

Ты мнѣ швердишь, что Богъ всё къ *лучшему*
здѣсь строишь:

Увѣренъ въ мнѣньи я шакомъ,
Но чтожь путь *лучшаго* и Богъ и свѣшь нахо-
дишь,

Тебя создавши *дуракомъ*?

..... і й.

8.

Стара, въ морщинахъ, зла, сѣда;
Ахъ! можно ли въ себя влюбиться! —

Ито день, то новая бѣда,
И зубъ за зубомъ все валился.

Напрасно щипишься ты рядишься:

Куда тебѣ плясать, мой свѣшь!

Ахъ! — лучше постригись — но нѣшь —

За чемъ чертей она въ обитель принесеть?...

*

9.

Что Графъ нашъ будшо самъ не свой?

Вчера онъ дюжиной плѣнился;

Да та бѣда, что ни одной

Изъ дюжины не полюбился!

О. Соловь.

Н А Д П И С И.

Ю И И.

Къ Портрету П. Гончаренка.

Помомству предстоишь се Павелъ Гончаренко:
Онъ жизнь свою ведетъ смиреннько,
Бышь сынымъ — весь его предмѣшь;
А больше въ немъ желанья нѣшь!

Мслвчъ.

12.

Р е ц е л т ъ.

Какъ получить Наполеона.

Возьми ты Робеспьера кровь,
Столчи печонку ты Нерона
Съ Тиверья сердцемъ, и — гошовъ
Сосставъ Наполеона.

Мслвчъ.

Стихи по прочтеніи Сумарокова.

О горе, горе намъ,
Мѣлкопомѣстнымъ рифмачамъ!

Когда Парнаскій Князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ по-
ковъ

И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ рифмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтушь для рифмы райски крины, (*)
А гдѣ стоитъ Великій Пешръ,
Тамъ по неволѣ дуешь вѣтръ.
Нѣтъ рифма! шы забудь насъ почищать рабами,
Иль разсердясь тебя мы презримъ сами.

Нахимовъ.

(*) Смотри Сумарокова сочиненія:

Ода VIII.

Цвѣтеть пріятность райска крина;
Взошла на тронъ Екатерина.

Ода IX.

Подобье видя райску крину,
Премудрую Екатерину.

Ода XII.

Процвѣшайте райски крины;
Имя днесъ Екатерины
На Парнасъ видимъ мы.

Ода XVI.

Въ поляхъ зеленыхъ райски *крина*;
А прежде здѣсь *Екатерины*,
Страна сія была пуста.

Ода XVIII.

Отъ корени Эдемска *крина*
Прекрасны видимъ мы цвѣты,
Цвѣты сіи *Екатерина*.

Ода XIX.

Какъ тебѣ богиня *крина*,
Такъ дѣла *Екатерины*
Щастье сѣверу всему.

Ода XX.

Кропите кровью вашей *крина*,
А мы, по ушреннымъ водамъ,
Пристанемъ къ вашимъ берегамъ
Со именемъ *Екатерины*.

Ода XXIII.

Тобой я краше райска *крина*,
Великая *Екатерина*!

Ода XXIV.

Эдемску пѣснь подобно *крина*:
Хочу воспѣть *Екатерину*.

Ода XXV.

Прекраснѣй будешь райска *крина*:
Таковъ — какъ намъ *Екатерина*.

Ода XXVI.

Подъ областью *Екатерины*
Брега постройте, райски *крина*!

Ода XXVII.

Годъ сѣнью *Екатерины*
Сбирай, Россія! райски кринны.

Ода XXXVI.

Дѣвщи подобьемъ райска крина:
Взошла на шронъ *Екатерина*.

Мадригаль 16.

Мумянцовъ процвѣти подобьемъ райска крина,
Героямъ образецъ!
А вънценосцамъ образецъ
Большая *Екатерина*.

Письмо къ дѣвц: *Нелидовой и Борщовой*.

Въ какой бы радостью, подобну райску крину,
Онъ зрѣлъ *Екатерину*.

Стихи къ воспитательному дому.

Въ безсмертной памяти второй *Екатерины*
Дѣвшущь ея дѣла и здѣсь, какъ райски кринны.

Письмо къ *Голицыну*.

Рѣпейникъ тамъ ростещъ, гдѣ было мѣсто
Крина:

О Боже! естли бы была *Екатерина* и пр.

Тамъ же.

Того на сей землѣ цвѣщуца паче крина
Желаешь мудрая швоя *Екатерина*.

Надпись XXV.

И возсіяетъ онъ подобно райску крину:
Великолѣпнѣ, въ честь дню сему,

Даетъ ему
Великая *Екатерина*.

Надпись XXVIII.

Цвѣтуть сѣяючи въ мои дни тако *кринны*,
Какъ Росскїя страны во дни *Екатерины*.

Надпись XLII.

Да процвѣтетъ Москва подобьемъ райска *кринна*:
Возобновляетъ Кремль и градъ *Екатерина*.

Димитріады кн. I.

Дабы мои стихи цвѣли какъ райски *кринны*,
Достойны чтенїя второй *Екатерины*.

Питица Фебъ и Борей.

Рѣпейникъ хуже райска *кринна*:
Борей Калигула а Фебъ *Екатерина*.

АЛЕКСАНДРОВА слава.

Сказалъ бы ты тогда: во дни *Екатерины*
Мои увяли *кринны*.

(Столько отыскано въ бумагахъ.)

Изд.

14.

Поэтъ и Математикъ.

П о е т ъ.

Не къ Стиксаль мрачнымъ берегамъ
Фантазія меня примчала?
Тынь блѣдна, жалкая предстала
Испуганнымъ моимъ очамъ!

Жамидой сальной покровенный,
На стулѣ призракъ сей торчишь,
И долу черепъ уклоненный,
И прозрачнымъ колпакомъ покрышь.
Сромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
Въ пыли поверженна, лежитъ,
Съ съ грифеля не сводить взгляда,
И онымъ на доскѣ черпишь.
Черпишь — и рожу искривляешь.
Въ досадѣ будто сей скелешь,
Илпакъ не рѣдко поправляешь —
Видя при томъ какой по зетѣ! —
И вечно терпидь онъ ошъ зета,
И зетѣ сей вѣрно адскій духъ,
Съ зетѣ блѣдень онъ и сухъ:
Спошу о зетѣ у Скелепа.
Но ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
Иль ты на муку осужденна,
Иль съ къ стулу къмъ ты пригвожденна,
Иль мрачный ли се ада край? —
Иль здѣсь волшебникъ обипаешь,
Тебя обвороживъ терзаешь?
Иль фурїи въ тебѣ живутъ,
Которыхъ зетамн зовушь?
Иль чьями изъ ноздрей пекущій
Табакъ ты прежде обопри,
Допомъ мой духъ въ сомнѣньи сущій
Спвѣшомъ удовлетвори! —

М а т е м а т и к ѣ.

Проклятая ты биномія —
Иль злобы адской эксжонентъ,

О нуль, исполненъ ядомъ змѣя —
Какъ смѣлъ ты поносишь мой зетъ? —
Всемошнѣй съ *иксомъ* зетъ вѣщаетъ
Задачъ непоспѣжимыхъ тѣмъ,
Природы тайну открываетъ,
И все покорствуешь ему.
Подобно грозному Титану,
Зетъ небо приступомъ беретъ,
И зету, лаврами вѣнчанну,
Хвалу вселенна воздаетъ.
Знай въ вѣчность я на зетѣ ѣду —
Я званъ безсмертїемъ къ обѣду,
Черезъ *иксъ*, черезъ *игрекъ* и черезъ зетъ;
Я прошопталъ къ Олимпу слѣдъ.

П о е т ъ.

Хулу скелеть сей изрыгаешь!
Въ умѣ помѣшанъ видно онъ —
Досадно мнѣ; но пусть болтаешь:
Не писанъ дуракамъ законъ! —

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣнемъ;
Клянусь *квадратнымъ уравненїемъ*
Клянусь, что я шебѣ опмѣщу:
Я шучу *игрековъ* пушу,
Да поразить ты пуще грома —
Ужасна, сильна *аксіома*!
Отъ куда, дерзскій! ты пришелъ;
Меня въ отчаянїе привелъ;
Ты помѣшалъ рѣшить задачу,
Съ досады и со злости плачу!

П о е т ъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Грозь ни мало не страшусь,
А зета грудью ты всшупился,
Его ты на меня озлился?
Скажи, открой мнѣ наконецъ,
Дивой ли ты или мертвецъ,
И онѣ ли бредишь какъ лунастикъ?

М а т е м а т и к ъ.

Прожи, о дерзновенна тварь!
Знай, что азъ есмь *чисель* царь,
Искусный, славный Математикъ.
А *иксахъ* мой воздвигнуть пронь —
То съ почтеньемъ окружаетъ:
Улей отборныхъ легионъ.
Количество меня вѣнчаетъ,
Съ *маштаболъ* циркуль — скипетръ мой!
Щу я круга квадратуру,
Послушай, не шути со мной.

П о е т ъ.

Забрель я на каррикатуру!
Забавный для стиховъ предметъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу! — небо! онъ Поеть!
Въ немъ вижу злаго супостата —
Отъ коего свирѣпыхъ рифмъ
Трепещеть робкѣй *логарифмъ*;
Онъ, бичь и куба и квадрата!

Я понимаю всё теперь:
Парнасскій эпомъ хищный зебрь
Саширу хочеть приготовить —
Онъ будетъ въ ней меня злословить.
Злодѣй! оставь ты мой чердакъ,
Я *иксомъ* заряджу колпакъ,
И выспрѣлю, какъ изъ морширы,
Иль *грифель* сей тебя пронзить,
Съ шобою вмѣстѣ истребить
Презлбный планъ твоей Саширы!

П о е т ъ .

Не въ силахъ я владѣть собой!
Постой, о чучело! постой,
Ступай съ своими ты нулями,
Бери съ собою *зетъ* и *иксъ*,
Гдѣ протекаетъ мутный Стиксъ,
Ступай туда — живи съ чертями!

Схватилъ сынъ Феба запучокъ
Царя, количествомъ вѣнчанна,
И, давъ ему одинъ толчокъ,
Повергъ на землю бездыханна!

Нахилосъ.

15.

Въ день Ангела К.

Чтобъ подарить на именины
Моей любезной К. . . . . ?
Я долго думаль и не зналь.

Какъ вдругъ мнѣ Аполлонъ предсталъ,
Предсталъ и — громко засмѣялся;
„Чего бѣдняшка такъ смѣшался?
„Нельзяль причину мнѣ отккрыть?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ говорить,
„Иль начудесилъ на Парнасѣ?
Или ушибся на Пегасѣ?
Иль нѣтъ пера, или чернилъ,
Или давно воды не пилъ,
Воды Кастальской, чистой, ясной. . . .
Оспавъ сей важный видъ ужасной
Забошу мнѣ свою открой?“
— „О Богъ Парнасскій удоспой!
Ты выслушашъ мою забошу,
Тогда оставишь ты охоту
Шушишь, осмѣивашъ меня,“
Отвѣтствовалъ ему шакъ я.
„Ты знаешь, что моя сестрица.“ . . .
„Лилея эта круглолица?“
Такъ Богъ Парнасскій перервалъ.
„Она, она, я отвѣчалъ;
Ея сего дни имянины;
Такъ видишь, я не безъ причины
Предался мыслямъ и смущенью;
Тебѣ извѣстно, въ эшотъ день,
Подарокъ должно ей поднести,
А что у нашей братаи ешь?
Ни леншъ, цѣпочекъ, ни супира.“ —
„Но у тебя, за то ешь лира,“
На это Аполлонъ вскричалъ,
„И ты давно бы написалъ

На этотъ случай длинну оду,
Въ верхъ дномъ поставилъ бы Природу;
Заставилъ въ ней бы всѣхъ плясать,
Заставилъ въ ней бы всѣхъ кричать:
О день, толико вожделенный!
О день, сугубо драгоценный!
О день, безчисленныхъ утѣхъ!“ —
Оставь, Фебъ! колкой „этошь смѣхъ“;
А лучше дай мнѣ наставленье,
Какъ описать души движенье,
Какое чувствую въ сей часъ!
Что долженъ я просить у васъ
Моей любезной К. . . . . ,
Какой должна она судьбины
Отъ васъ, о Боги! ожидать?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ ошвѣчать:
„Проси лишь только Парку люту,
Чтобъ отдалила ту минушу,
Въ котору должно нить пресѣчь,
Сестрѣ въ сырую землю лечь.
Сестра швоя добра, скромна,
Мила, пріятна и умна, —
Намъ нѣчево дать ей ужь болѣ,
Признаться и не въ нашей волѣ.“
Сказавъ сіе Фебъ скоро скрылся,
И я о К. . . — помолился!

*

Элегія на потерю рожка.

Плачь, плачь, мой бѣдный носъ! и пока лей на
землю,

Тебѣ Элегію писать я предпріемлю:

Рестокая судьба! немилосердый рокъ!

Почто ты у меня похитилъ мой рожокъ?

Для рока красъ рожки и срамно и постыдно,

нать щастіе мое всегда тебѣ завидно;

ты въ вечеру на мнѣ свѣчею сжешь колпакъ,

нынѣ нюхаешь ты изъ рожка шабакъ,

копя мнѣ сей рожокъ принадлежалъ по праву;

нѣ составляялъ мою ушѣху и забаву,

нѣ здравіе хранилъ всегда въ моихъ ноздряхъ;

хъ! никогда онѣ съ нимъ не были въ прыщахъ.

вы! я безъ него сталъ сущій сирота,

носа моего увянетъ красота!

люто о рожкѣ моемъ воспоминанье!

въ сердцѣ чувствую несносное спрданье.

пріятели мои! пролейте слезный шокъ,

ывало я и вамъ шрлсу на соколокъ,

вы рожкомъ моимъ блестящимъ любовались,

нынѣ съ нимъ и вы на вѣки ужъ распались.

ыдай и ты, рыдай, пузырь мой съ шабакомъ!

хъ! не увидишься ты болѣе съ рожкомъ,

ты друга потерялъ въ семь Рускомъ человѣкѣ,

какого не найдемъ мы друга въ нашемъ вѣкѣ,

къ кошоромъ любяшь всѣ не насъ, а кошелѣкъ;

спаринныхъ нравовъ былъ покойный мой рожокъ!

Прочь, табакерка! прочь, ты извергъ, бусур-
манка,

Ты носа моего свирѣлая ширанка,
Ты за собой влечешь и сшрупя и прыщи,
Пріяшелей такихъ ты къ Нѣмцамъ въ носъ
тащи.

Внемлите мнѣ теперь, несправедливы Боги!
Коль къ носу моему вы были сполько строги,
Что у него рожокъ насильно ошнями
И шѣмъ ударъ ему ужасный нанесли:
Не думайте, чтобъ я спознался съ изувѣркой,
Чтобъ гадиль Руской носъ Нѣмецкой таба-
керкой;

Клянешся въ томъ моя печальная ноздря,
Что буду нюхашъ я всегда изъ пузыря,
И носъ дополъ мой рожка не позабудешъ,
Доколѣ въ мѣрѣ семь табакъ онъ нюхашъ бу-
дешъ.

17.

Бывало и теперь (*)

Бывало въ домѣ не обширномъ,
Въ кругу друзей, въ кругу родныхъ,
Проводишь дни въ весельи мирномъ,
Снишь на постеляхъ пуховыхъ.

(*) Стихи сіи писалъ я въ походѣ въ 1812 году и посвящалъ ихъ другу моему Григорію Егорьевичу К... ку.

Телерь же въ обгорѣлой хатѣ
Среди крестьянъ всегда живешь;
Взберешься скорчась на палати,
И на соломѣ шамъ уснешь.

Бывало предъ меня поставяшь
Уху стерляжью, соусъ, кремь,
Лимономъ *бланъ-манже* приправяшь:
Сижу — и ничего не ѣмъ.

Телерь похлебкою худою,
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ;
Вадуть капусты мнѣ съ водою:
Мнѣ — за ушами лишь пищитъ.

Бывало блюдечко варенья
Или конфектовъ съѣмъ одинъ,
Пью кофе для обыкновенья,
Какъ будто знатный Господинъ.

Телерь и полпиво дурное
Мнѣ Нектаръ съ трубкой табаку;
Нервонцы богачу пустое,
А нищій радъ и пятаку!

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Бевъ лучшей водки вѣсть нелзя,
Шампанско пьешь или Мадеру,
И чаши пуншу вокругъ тебѣ!

Телерь, забывъ сѣи бездѣлки,
Бѣжишь къ Жиуду скорѣй въ корчму,
На гривну тяпнешь тамъ горѣлки —
И радъ блаженству своему.

Бывало, шубы въ двѣ одѣвшись,
Лепишь на чепырехъ коняхъ —
Въ коляскѣ Франкфуршской разлегшись,
Иль парой въ городскихъ саняхъ.

Телерь всѣ кони — кляча рыжа,
А шубы — шепленькой колешъ;
Готовъ въ немъ вѣхашъ до Парижа,
И горя никакого нѣшъ.

Бывало съ милою дѣвицей
Сидишь и ловишь нѣжный взглядъ,
Мѣшаешь были съ небылицей,
Не видишь, какъ часы лешашъ.

Телерь, опъ милой въ опдаленнѣ,
Воспоминаньемъ лишъ живешь; —
Вдохнешь, и сердцу въ облегченье
Слезу горячую прольешь.

—

Бывало мнѣ лишъ Царедворцамъ
Спихи хотѣлось посвящать;
Я думалъ, славу стихотворцамъ
И дюжиннымъ доставить Знашь!

—

Телерь я славы сей не знаю,
Вельможамъ лести не пишу;
Отраду въ дружбѣ обрѣтаю
И дружбѣ трудъ сей приношу.

(Изъ Богодухова) Уланъ.

—

18.

Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ.

Ну какъ назвать? мои бездѣлки,
Мои шворенья мѣлки,
Мое и сію и то,

О гордость! что мой трудъ? Героевъ трудъ
ничто.

Нахилковъ.

—

*Письмо Рускаго Солдата.**Милостивый Государь!*

Чесшь, сдѣланная Рускому Солдату помѣщеніемъ піесь его въ Журналъ Демокришь, тѣмъ для него чувствительнѣе, чпо издапель бѣзъ сомнѣнія оказалъ симъ единственнo свое снисхожденіе, имѣя много лучшихъ маперіаловъ для наполненія своего Журнала. Снисхожденіе осмѣливаетъ — къ несчастію моему я люблю иногда въ свободное время марашь бумагу — написавши, надобно кому нибудь прочиташь, а бѣзъ того чоршь ли бы велѣлъ взяпъся за перо — эшо обыкновенная слабосшь и еспеспвенна каждому, начиная съ послѣдняго бумагомаращеля до Волпера. Комужъ чипашь между нашею брашьею военными — не для того, чпобъ они не знали шолку въ лившерапурѣ; но для того, чпо они бѣдные заняты *ученьемъ и разводами.* — Придепъ кпо иибудь ко мнѣ, хвашаю поскорѣй свѣжевыпеченную піесу — не успѣю прочиташь одной строки, какъ слышу страшнoй апоспрофъ: „Чоршь тебѣ возьми съ „пвоимъ сочиненіемъ! — дай поскорѣй

„водки, да закусишь — я уснул до смерти.“ — Нѣчего дѣлать — надобно положить подъ спудъ любезное дѣло.

Вышеупомянутое ваше снисхождение облегчаетъ чадолюбивое мое сердце — я буду посылать къ вамъ въ школу моихъ малюшкѣ — безъ сомнѣнія я долженъ признаюсь, (хотя и опець) что есть между ими негодяи; въ такомъ разѣ, если послѣ порядочнаго исправленія вы увидите, что они никуда уже не годятся, то прошу возвращать ихъ въ родительской домъ, гдѣ я найду для нихъ занятіе въ укротномъ мѣстѣ. — Безъ шутокъ — посылая при семъ нѣсколько плодовъ моего досуга, я признаюсь, что они писаны на скоро и какъ случилось; я иногда такъ занятъ или лѣнивъ, что и переписать самому не хочется. Смѣю васъ просить, Милостивый Государь! если вамъ угодно будетъ чтонибудь изъ посылаемаго при семъ помѣстить въ вашемъ Журналѣ, возьмите на себя трудъ пересмотрѣть по крипически, и, если нужно, перемѣнить или поправить. Вѣрьте моей чести (это у меня спрашная клятва) вѣрьте, говорю, что это для меня будетъ крайне пріятно. — На при-

мѣръ: послѣдній стихъ въ свиданіи Марса съ Венерою переменѣнъ, но такъ прекрасно, что мысль, которая была прежде очень темна, объяснилась; кажется, теперь всякой угадаетъ, что благоразуміемъ можно приобрести другой поясъ. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ сврогихъ криптиковъ, впрочемъ свѣдущихъ и благоразумныхъ, что эта піеса слишкомъ вольна — неправда: все, что могло бы оскорбить тонкое чувство, здѣсь скрыто — дѣвушки иногда чипають, а чаще слушаютъ и не такія аллегоріи. Да! — кстапи — Демокрипу совѣщовали не быть зубоскаломъ — чтожь значить зубоскаль? — кто смѣется самъ не знаетъ чему, и не только не забавенъ, но несносенъ — когось слушаютъ съ удовольствіемъ — смѣются видя его смѣющимся — и потъ, кто аккомпанируетъ ему, не изъ сволочи (разумѣя здѣсь всѣ классы сволочи), — потъ не зубоскаль, а Демокрипъ. Здѣлайте милость помѣстите для стихъ господъ въ вашемъ Журналѣ плачь Іереміи: журналисту нужно всѣмъ угодить. Между тѣмъ я боюсь наскучить вамъ, хотя не разсужденіями, но длиннымъ саженнымъ письмомъ, и

такъ, кончаю засвидѣтельствованіемъ искренняго солдапскаго почшенія.

Вашъ

Милостивый Государь

покорнѣйшій слуга

Р. С.

*Р. С. Посовѣшуйте мнѣ — я имѣю на-
мѣреніе писаць свои мысли въ солдап-
скомъ вкусѣ о Журналахъ — и здѣсь оп-
крываю вамъ первую мысль — Журналы
не должно судить слишкомъ строго — до-
вольно, естли они нравятся намъ въ ту
минуту, когда ихъ читаемъ — зато они
дешевы — но сколько прекрасныхъ вещей
извлечено изъ Журналовъ. (*)*

Маія 1 го дня.

(*) Издателю очень пріятно будетъ, ежели жур-
наль его въ слѣдующей связкѣ украсится
мыслями *Рускаго Солдата* на щотъ Жур-
наловъ. М.

Піесы Рускаго Солдата.

20.

Нельзя безъ предисловія.

Что пасквили писать и подло и безчестно,
То всякому извѣстно.

Когда законъ гласить,

Что личность неприковновенна,

Чѣя рука толь дерзновенна,

Чтобы законъ сей преступить? —

Напротивъ, искони позволено въ саширѣ,

Смѣша честныхъ людей, осмѣивать порокъ

И всё, что глупаго ни есть въ подлунномъ
мѣрѣ,

Въ забаву для однихъ, а для другихъ въ урокъ.

Въ ней личность каждаго и имя безопасны:

Гордецъ, скупой, подлецъ и плутъ,

Сердишься могутъ ли, когда точь въ шочь най-
душъ,

Что всё поступки ихъ съ саширою согласны?

Да естли бы никто изъ авторовъ не смѣлъ

Описывать того, что дѣлается въ свѣтѣ,

То должноь на коврѣ (какъ въ сказкахъ) само-
летѣ

Опыскивать предмѣтъ за тридевять земель.

Не съ приязанія, чтобъ бытъ въ числѣ поэ-
шовъ,

Я взялся за перо — охъ! нѣтъ — избави
Богъ! —

Тогда бы худшаго изъ всѣхъ земныхъ предмѣ-
товъ

Я выбрать для себя не могъ.

Благодаря судьбѣ кусокъ имѣю хлѣба,

На что же мнѣ тащить насильно Музу съ
неба?

Писателей плохихъ и такъ довольно есть,

Умножить ихъ число великаль будешь честь?

Но только и себѣ, и вамъ, друзья! въ ушѣху

Сатиру напишу я на себя для смѣху:

Лѣкарь самъ къ себѣ.

И такъ — вотъ слишкомъ тридцать лѣтъ,

Какъ злая мачиха — природа

Меня несчастнаго урода

Пустила въ бѣлой свѣтъ.

За чемъ? — того не понимаю —

Но только твердо знаю,

Что Сидоръ, Карпъ, Илья,

И грѣшной Савва, сирѣчь я,

Всѣ вышли изъ живой утробы,

А послѣ, радъ или не радъ,

Насъ всѣхъ положатъ въ гробы,

И кончится тѣмъ маскарадъ.

Но въ этомъ маскарадѣ,

Богъ знаетъ по чему!

Къ несчастью моему,

Я, кажеться, всегда въ дурацкомъ былъ нарядѣ.
Какъ такъ?

Вошь какъ:

Покойной мой ошець, для вѣчной намъ обиды,
Одинъ изъ всей родни взялся пѣшь панахиды,

И самъ раскаялся, хоть поздно, на конецъ.
Но удивляйшесь судьбы моей капризамъ:

Бывъ ошъ рожденія врагомъ священнымъ ри-
замъ,

Я твердо положилъ пуститься братьямъ въ
слѣдъ,

Которые давно на полѣ чести смѣло

Взялись за рыцарское дѣло

(Чѣмъ занимались и прадѣдъ мой и дѣдъ).

Но замысламъ моимъ и рыцарству въ награду,

Не самъ ли чоршъ одѣлъ меня à la Санградо, —

И вмѣсто шпаги давъ ланцетъ,

Велѣлъ опустошать весь свѣшъ.

Ахъ! лучшебъ я служилъ обѣдни,

Страдалибъ меньше люди бѣдны.

Безпорно — славень Гиппократъ,

И Медицина также въ модѣ,

Когда *излишество* въ народѣ;

Но ахъ! — я чувствую, что лѣкаръ смер-
ши брашъ:

И шотъ, и ша, какъ будто споромъ,

Чшобы другъ другу угодишь,

Спѣшать свѣшъ бѣлой пустошишь

Лѣкаршвами и моромъ.

Чшо прошивъ ихъ война? — пустой учени-
чишка:

Я смѣло ставлю сто противу одного,
Что сотня гренадеръ не здѣлаеть того,
Что здѣлаеть одинъ цирисльникъ изъ *подтишка*.
Чтожь я? когда герой убійствомъ только
славенъ,

То я Наполеону равенъ.

Я лѣкаръ — въ правѣ я себя и побранить;
Видь можно про себя что хочешь говорить!

Любезные мои поварищи! простите,
Что правду говорю — иначе научите,
Какъ лгать; къ моей бѣдѣ,
И правду говорить привыкъ всѣмъ и вездѣ.

21.

Пр о л а з ъ.

Пролазь нашъ говоришь: „за что меня бра-
нять?”

Я кажется живу, какъ всѣ честные люди,
А жалують меня насильно въ лизоблюды.
Да пусть они себѣ, хоть преснутъ, говорятъ,
А я на весь ихъ вздоръ скажу въ отвѣтъ *фор-*
мально,

Что исполнять хочу всегда и *луктуально*
Долгъ подчиненнаго. Въ передней постоять,
Великая бѣда! — видь ногъ не занимаешь.

Сказашъ ласкательство, хоть подлое, кто
старше,

Не худо, братья! за то и самъ пойдешь по
дальше.

Пусть врушь, что такъ живуть одни лишь по-
длецы!

Охъ! благородные, честные храбрецы!

Вы ждете за труды награду Царя и Неба,

А мы и ползая найдемъ кусочикъ хлѣба.

Насъ презирають всѣ: великая бѣда!

Лишь былобъ совѣсти по меньше, да стыда!

Всѣ честь, да честь — пустякъ — лѣшь, мо-
жетъ быть, за двѣсти

Держались совѣстно невѣжды ложной чести;

А въ наши времена не поживя съ умомъ,

Достанешь просить насущной подь окномъ.

Да что и говоришь; весь свѣшь примѣровъ
полонъ,

Какъ вамъ, честнымъ глупцамъ, хлѣбъ достает-
ся солонъ.

— Но вы дескать, вредить стараешься дру-
гимъ —

Чтожъ нужды? лишь былабъ намъ польза въ
томъ самимъ;

Всякъ ближе самъ къ себѣ — у насъ шакая вѣра:

Какъ въ свѣшѣ жить, скажу еще вамъ для при-
мѣра:

Подслушашъ — подсмотрѣшъ — великой будто
грѣхъ? —

За то, когда прійдѣшь съ начальникомъ до
слова,

Сказашъ о комъ словцо матерія готова.

Вонъ скучно: не всегда случается успѣхъ!

Витѣ и начальники не всѣ на ухо слабы;
Иной, весь честію какою то набитъ,
Да истинну любя, съ досадою закричитъ:
„Пойдите вонъ, сударь, витѣ сплешни любятъ
бабы!

Тогда шишкомъ — молчкомъ — подавшися за
дверь,

Въ споронку уклонись — начальникъ витѣ не
звѣрь —

Посердишься день, два, а послѣ и забудешь.

Нѣтъ! правду всю сказать, что было, то не бу-
детъ:

Бывало что взбредеть начальнику наврешь,
Доспойнѣ себя чернишь — не спавишь въ
грошъ,

Всё съ рукъ шло, — а теперь пришли дни не
щастливы,

Начальники у насъ не кспати справедливы,

Хотятъ всё сами знать — всемъ сами упра-
влять;

Чтожь брату нашему доспанется сказать?

Разказовъ не хотятъ, а съ клеветой не суйся:

Прїйдѣтся быть честнымъ и въ правду, какъ
ни дуйся.

Разговоръ при погребеніи.

Солдатъ: Что значить сей обрядъ? —

Ученой: Тщеславіе живыхъ, — ничтожество во гробѣ.

Солдатъ: А черной сей нарядъ? —

Ученой: Да не къ лицу ли онъ прекрасной сей особѣ? —

Надлись къ портрету, въ которомъ подлинникъ самъ себя узнаетъ.

Въ фигурѣ гордостью надушой,

Небрежно на бокъ изогнушой,

Самимъ собой довольной видъ

И молча будто говоритъ:

Смотрите! — какъ я всѣмъ опасень:

Красавицы! я миль, прекрасень,

Мущины! я умёнъ и гордъ:

Кто смѣетъ съпать со мной à bord?

Руской Солдатъ.

---

*Письмо Бантамскаго Посланника къ
своему Государю.*

Всемилолюбивѣйшій Государь!

Языкѣ народа, гдѣ я теперь живу, мѣшъ гораздо ошдаленнѣйшее ошъ сердца разспоянїе, нежели какое находится ошъ Лондона до Бантама, и тебѣ извѣшно, что жители одного мѣста не знаютъ здѣсь, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Они называютъ себя и своихъ подданныхъ варварами, потому что мы думаемъ и говоримъ одно и то же, а себя почищаютъ образованнымъ народомъ по той причинѣ, что они одно говорятъ, а другое думаютъ. Испинну они называютъ варварствомъ, а ложь учтивостїю. При первомъ моемъ выходѣ на твердую землю, одинъ изъ посланныхъ ошъ Короля мнѣ на вспрѣчу, сказалъ, что онъ чрезвычайно сожалѣетъ о безпокойствахъ причиненныхъ мнѣ штурмомъ, сопровожда-

шимъ меня на морѣ до моего сюда прибытія. Я весьма былъ пронутъ слыша о его печали, и соболѣзнованіи на мой щепъ, но не прошло еще четверти часа, какъ онъ началъ улыбаться, и былъ такъ веселъ, какъ будто бы онъ не принималъ никакого участія въ моихъ приключеніяхъ. Другой также посѣпивъ меня вмѣстѣ съ нимъ по приказанію Короля, увѣрялъ меня чрезъ моего переводчика, что онъ былъ бы особливо щасливъ, если бы имѣлъ случай чѣмъ покомъ можно мнѣ служить: я послѣ сего увѣренія велѣлъ ему взять мой чемоданъ и нести за мною; но вмѣсто оказанія мнѣ услуги соотвѣтственной его обѣщанію, онъ громко засмѣялся и приказалъ сіе сдѣлать другому. Первую недѣлю съ самаго моего приѣзда въ сіе Королевство, занималъ я кварширу у одного Англичанина, который дозволилъ мнѣ жить у него какъ въ собственномъ моемъ домѣ: я на другой день поутру началъ ломать одну стѣну въ его домѣ, дабы въ оной пропустилъ свѣжій воздухъ, и спалъ было прибираетъ домашнія его рѣдкости и лучшую мебель, дабы соспавишь изъ нихъ драгоцѣннѣйшій для себя подарокъ, но сей несносный вралъ; какъ

скоро примѣшилъ сію перестройку, то немедленно прислалъ комнѣ приказаніе оставить его домъ въ прежнемъ состояніи безъ починки. Недолго проживши здѣсь услышалъ я опъ одного, которому испросилъ милость у Государственнаго Канцеляря, что я его обязалъ къ вѣчной благодарности: сіе меня привело въ крайнее удивленіе, и я его, не преминулъ спросить, какую услугу могъ я ему оказать, которая бы заслуживала вѣчную признательность; и потомъ потребовалъ одного шюко награжденія, чтобы онъ дозволилъ своей старшей дочери обращаться со мною въ продолженіи моего шюко посольства, а сей жестокосердый измѣнникъ, какъ и прочіе, отвергнулъ съ грубостію мое прошеніе. При первомъ представленіи моемъ къ Королю во дворецъ, одинъ Вельможа привелъ меня въ замѣшательство представляя тысячу извиненій за то только, что случайно наступилъ на мой большой палецъ. Они такую ложь почипаютъ въ живостію, ибо когда они какой нибудь знаменитой особѣ изъявляютъ учтивость, то они говорятъ ей такія несправедливости, за которые бы ты приказалъ Государственнымъ начальникамъ дать шаковому шю

ударовъ по пятамъ. И шакъ я не знаю, какимъ образомъ производишь препорученныя мнѣ дѣла съ симъ не заслуживающимъ никакой довѣренности народомъ. Когда я навѣщаю Королевскаго Секретаря меня предупреждаютъ, что его нѣтъ дома, хотя онъ въ ту самую минушу предъ глазами моими ходилъ въ кабинетѣ. Ты бы почель всю здѣшнюю націю врачами, пошому что первой ихъ вопросъ соспоишь въ шомъ; здоровъ ли я? о семъ спрашиваютъ меня болѣе ста разъ въ день свержь сего любопытства ихъ не токмо къ моему опносишся здоровью, но и къ швоему ибо они держа въ рукахъ рюмки наполненныя виномъ, мечтають, будто бы шѣмъ желаюшь тебѣ лучшаго здоровья но я вящшую имѣю причину ожидать сего опъ крѣпкаго швоего сложенія, нежели опъ искренности ихъ желаній. Каждый разъ, какъ я съ ними сажусь за столъ, они совѣшуютъ мнѣ пить ихъ напитки въ шакомъ количествѣ опъ котораго я могъ бы сдѣлаться больнымъ. О когда бы дозволено мнѣ было съ безопасностію уйти опъ сего двуязычнаго народа, и дожишь до шого, чтобы еще разъ повер-

гнушь себя къ своимъ спомамъ въ сполчномъ своемъ градѣ Баншамѣ!

(Съ Англійскаго.) А. Флавицкйй.

25.

Б у м а г а.

(Поела.)

Одинъ изъ тѣхъ древнихъ, превосходныхъ умовъ, которыхъ идеи наполнены были колкими, острыми шутками, желая весь родъ человѣческой означить опличительною черпою, говорилъ, что душа младенца естъ бѣлая бумага, на которой чувствованіе пошчасъ пишеть свои правила, добродѣтель прикладываетъ къ нимъ печать, или порокъ спираетъ ихъ.

Мнѣ кажется, что человекъ оспрумный могъ бы еще разпространить эту щасливую и правильную мысль. Извинише моей гордости, еспли я, не имѣя оспраго, изобрѣшательнаго ума, осмѣливаюсь изъяснить ее.

Мы имѣемъ бумагу разныхъ соршовъ для разныхъ нуждъ: для моды, изящесшва и всякаго употребленія. Люди не

менѣ различны между собою: бумага всякаго сорпа представляетъ, какого нибудь челоуѣка.

Разсмотримъ внимательно распудреннаго повѣсу въ кафпанѣ, шипомъ золотомъ, и пакъ нѣжнаго, какъ бы онъ только что вышелъ изъ бумажнаго ящика: не золотообрѣзная ли онъ бумага, копорую вы скрываете отъ грубой черни и прачетпе въ бюро?

Арписпы, домашніе служилели, земледѣльцы, не суть ли расхожая бумага, копорую менѣ цѣнятъ, но копорая гораздо полезнѣе лежащей у васъ на налоѣ? На сей бумагѣ всякой пишеть, и она необходима во всякое время.

Бѣдный скупаецъ, копорый потомъ, бездѣльничествомъ, мошенничествомъ, собираеть имѣніе для обогащенія наслѣдника, есть толстая, сѣрая бумага, упопреляемая неважными купцами на обертку нужныхъ вещей, для людей болѣе ихъ спюющихъ.

Потомъ посмотрите, какой конпрасъ скупаго! Онъ лишается здоровья своего, имѣнія и добраго имени среди удовольствій: не имѣеть ли съ нимъ сход-

ства какая нибудь бумага? Безъ сомнѣнiя имѣешь — шекучая бумага.

Безпокойный полищикъ почищаетъ всегда эту сторону справедливою, а эту другую всегда ложною. Онъ кришкуетъ съ неисповствомъ, аплодируетъ съ бѣшенствомъ, дѣлается игрою всѣхъ народныхъ слуховъ, орудіемъ бездѣльниковъ, и никакое впечатлѣнiе не открываетъ ему слабости его: онъ естъ пошь сверпокъ бумаги, копорой называется *ослинымъ коллакомъ*.

Опрометчивый, вспылчивый человекъ, въ жилахъ копорого кровь печетъ спремипельно, заводитъ ссору при малѣйшемъ случаѣ и не можетъ сносить шупки, слова и даже взора: чѣмъ вы его называете? — Вѣрно изчерченною бумагою.

Что скажете о всѣхъ нашихъ спихотворцахъ, добрыхъ и худыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, копорыхъ чипаютъ много, или копорыхъ совсѣмъ не чипаютъ? Вы можете положить ихъ вмѣстѣ съ ихъ сочиненiями и называть самую бесполезною бумагою.

Посмотрите на юную, кропкую, невинную дѣвицу: она прекрасна, какъ листъ бѣлой бумаги, ничѣмъ еще не замаран-

ной. Щасливый человекъ, любимецъ фортуны, можетъ написать на немъ свое имя и взять его на свое пощеченіе.

Еще одно сравненіе, и небольшое. Благоразумной человекъ, копорой презираетъ малоспи и копорой мыслями своими, поступками, наспавленіями, обязанъ одному себѣ, а правиломъ имѣетъ чувствованіе своего сердца: такой человекъ есть бумага велень, самая лучшая, превосходная и самая дорогая изъ всѣхъ соршовъ бумаги.

Франклинъ.

III.
С М Ъ С Ъ.

I.

Отвѣздъ студента на учительство въ
Олешки.

На голось: Гой лочуда моя доля.

Знать въ такій родився доли,
Щобы вѣкъ прожиты въ школи.
Телерь вже не буду въ служби,
Буду горе тернить, нужды.
Буду жить съ учениками,
Не съ военными Панами —
А все вражи Прохвесоры
Мини выколали норы!
Шлочь мене въ Уиздъ поганый;
А не бѣ лѣвкѣ Гусарскій, гарный!
Уже сивѣ я на тележку,
Прямо ихать во Олешку —
Щожь я буду тамъ робити?
Свить сей дарма тяготити.
Гой, товарищи! прощайте
Жалость къ бѣдному вы майте,
Винь не иде воевати,
Иде хлопцивѣ научати,
Буквы знали щобѣ складати,
Та щобѣ знали, якъ писати.

Лучшебъ лини при шаблици,
Чимъ при гаспидскій таблици.
Лучшебъ въ платви бувъ сребреномъ,
Чимъ стоять при досци съ мѣломъ.
Лучшебъ лини въ караули,
Въ школи чимъ сидить на стули.
Лучшебъ лини быть при шлорахъ,
Чимъ ходити по конторахъ.
Лучшебъ лини съ киверѣчкомъ,
Чимъ носитъся съ букварѣчкомъ.
Якъ бы гарно було въ тасци!...
Щобъ ученыхъ взяли туряци!
Я бы въ вѣйсци легулярнымъ,
Тамъ бы бувъ не Тытулярнымъ;
Тутенькажъ, въ смѣ смну чини,
Щожъ робыти въ сій годыни? —
Свое горенько терпити,
Щобы медъ опосли лити.
Обизвалась такъ годына;
И помхавъ парубчина! (*)

Мслевъ.

(*) Пѣсня сія не совершенно на Малороссійскомъ языкѣ написана, а на смѣшанномъ, или, шакъ сказать, Украинскомъ. М.

2.

Планъ Романа à la Radcliff.

Разбойники и подземелья,
Съ полдюжины на башнѣ совѣ;
Луна чуть свѣтитъ сквозь ущелья,
И дали — шумъ вѣтровъ, вой волковъ;
Во снѣ моимъ героямъ снится
Драконъ въ огнѣ, летящій Трифъ;
Страхъ, ужасъ въ слѣдъ за ними мчится....
Вошь вамъ Романъ à la Radcliff!

О. С

3.

Кенотафія И. И. Л.

Сей Мужъ лѣтъ сорока, оставилъ бранный свѣтъ:
Ни ближнимъ, ни роднымъ пошери важной нѣтъ;
Опъ жизни позвала во гробъ его чахотка:
Ни свѣшу убыли, ни аду не находка!

*

4.

Къ портрету Рускаго Цицерона.

Въ семь видѣ предъ тобой Россійскій Цице-
ронъ:
Не именовъ однимъ лишь съ Римскимъ сходень
онъ;
И должность ихъ была сходна между собою,

В о с п о м и н а н и е .

Здѣсь подъ этой старой грушой,
Съ юной *Грушой* я сидѣль,
И, ёя плѣняясь душой,
Радоспъ въ ней мою имѣль.

Купидонъ леталь надъ нами,
Всё резвился, да шалиль,
И преострыми стрѣлами
Наши онъ сердца разиль.

Съ милой *Грушой* я обнялся:
Мы помилися отъ рань! . . .
Мы помились, онъ смѣялся,
Снова взялся за колчань.

Ай, ай, ай! кричала *Груша*,
Охъ, охъ, охъ! и я вздыхаль:
Мила *Груша*, моя душа!
Я швоимъ на вѣки спаль!

Если я тебя забуду,
Пусть меня забудеть Богъ!

Пусть несчастливъ вѣчно буду,
Коль тебя забышь возмогъ!

Не клянися такъ, Петруша!
Много такъ не обѣщай,
Говорила нѣжна Груша,
А свое мнѣ сердце дай.

Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ сердце
Отдалъ Грушѣ я моей,
И нельзя сказать, что въ перцѣ
Сердце спрячано у ней!!

М.

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЬ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи,
1816. года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печаташь оное дозволяетъ съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Іюня 5 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе четвертой лѣсни.

Въ сужденіе о блаженствѣ рифмошворцовъ относительно ихъ на — Пѣвецъ отыскиваетъ своего Героя въ лѣсу слушающаго пѣснь неизвѣснаго — самая пѣснь — прозѣба незнакома — онъ угадываетъ Ушай въ своей хижинѣ — Ушай кушаетъ по богатырски — очаровывается игрою и пѣніемъ незнакомца — Испорія незнакомца — Ушай въ походѣ.

Нѣшь! Риешворцы! вы блаженны;
Людей щасливѣе спокрашь.
Когда отъ риемы упомленны
Вы наконецъ ложитесь спать.
Ужь по-то сладко, сладко спите,
Не поворошитесь — храпите!
Кикилора же между шѣмъ
Какіе сны даритъ вамъ всѣмъ!
Иному грѣзится поѣшу,
(Пускай Абрамомъ будешь онъ)
Что онъ окончивъ пѣсню *Лѣту*
Взять Музами на Геликонъ.
Что шамъ сидитъ онъ на престолѣ

Родной щипается Царямъ,
Въ конецъ забывъ, что онъ не болѣ,
Какъ жалкій риѣмошкачъ Абрамъ.
Что по утру, когда проснется
Минетъ его Царева честьъ.
Своей Поѣмой онъ займется,
И чорствый хлѣбъ радъ будетъ ѣстьъ.
А стихошворцу снится Доду,
Что онъ свою окончилъ оду
И Князю оную поднёсъ.
Тошъ сонню далъ ему червонныхъ,
Додъ отъ сего подѣмлетъ носъ
И презираетъ всѣхъ учоныхъ.
Сидитъ щасливый день и ночь
И отъ стола не идетъ прочь.
На нихъ Саширы длинны пишетъ,
На нихъ ужасной злобой дышетъ
И лишь возносятся собой.
И давъ полетъ воображенью,
Надряпавъ риѣмъ великій спрой
Ихъ предаетъ уже писненью
И весь свой дрызгъ на Княжій щотъ!
Но полно зашворю-ка ротъ
Я что-то очень заболтался,
Я только доказать старался
Сколь риѣмошворчій щасливъ родъ,
Какъ спитъ онъ сладко и завидно! —
Мнѣ будетъ горько и обидно,
Когда кто станешь вымышлять
И заключаешь совсѣмъ другое
Да къ этому прибавишь въ прое;

Что будто бы я подсмѣхашь
Хотѣлъ тебя, народъ почтенный!
Я чпиль всегда швой даръ священнѣй,
Сказать хотѣлось только мнѣ,
Что былъ я самъ въ подобномъ снѣ.
Что спалъ я эту ночь прекрасно,
И что закономъ положилъ
Писать — пока не станешь силъ
И спать не захочу ужасно.

Ну что Утай, обманщикъ злой,
Ну какъ ты нынѣ поживаешь,
Что думаешь и гдѣ гуляешь,
Все — все, пожалуста, открой.
Ты причинилъ печаль мнѣ многу
И не хотѣлъ ты молодець,
Чтобъ сказкѣ былъ моей конецъ.
Пустился въ дальнюю дорогу.
Ахъ естѣлибъ ты да въ эту ночь
Хошябъ сквозь землю провалился
Гуляшь бы не былъ ты охочъ
И въ пушь въ другой разъ не пустился.
Не видишь ты, о Богатырь!
Какъ я, пѣвецъ швой, днесъ спрадаю,
Не слышишь ты какъ я ругаю
Тебя, себя — и цѣлый мѣръ.
Не мучь же ты меня, довольно!
Бѣ ей терпѣнья больше нѣтъ.
Такъ дѣлашь, право, непристойно,
Открой пожалуста свой слѣдъ?

Открой — иль *Савва*, твоя читашель,
Большой всѣхъ сказокъ почиташель
Тебѣ Херсона предпочтеть,
Наморщится и прочь поидеть.
На насъ онъ крипикою грянешь
(Большой онъ въ сказкахъ грамахѣй)
И по надѣлаешь онъ съ ней,
Что покупать никто не станетъ
Прекрасной сказочки моей.
Черезъ сіе я стану нищій
И буду жалкій человѣкъ.
Ты только бышь мнѣ можешь пищей
И усладишь мой горькій вѣкъ.
Сіе Ушай поразило,
Онъ о себѣ даль мигомъ знаетъ.
(Давно бы такъ ему сказать,
Такъ дѣло бы и въ шляпѣ было)
О! о! да какъ ушелъ далеко,
Въ дремучій лѣсъ вступаетъ онъ.
Вдали мерцается огонь,
Къ нему шагаетъ онъ широко.
Но долго ли Ушай мой шель?
И шель ли скоро или тихо?
Сказать сегобъ я не хотѣлъ:
Богатыри всѣ ходятъ лихо!
И моему кто не велѣлъ,
Чтобы пришши къ огню мгновенно,
Уже давно онъ у огня,
Имѣя сердце восхищенно
Стоить въ забвеніи себя.
Но не ошь щей, что тамъ варятся,

Нѣтъ! ихъ не видить вовся онъ,
Могъ всякой бы очароваться,
Когдабъ такой услышалъ понь,
Какой Ушай прельщенный слышетъ,
Бѣдняжка почти не дышетъ,
Слеза съ его капится глазъ,
Плѣниль его волшебный гласъ.
Пѣснь Фантастическу, унылу
Сей гласъ невѣдомый поетъ
И своему предмету милу
Имень онъ множество даетъ,
А настоящимъ не зовешъ:

„Ушѣха, жизнь моя и сладость,
Блаженство ты, моя ты радость,
И все ты въ свѣтѣ для меня.
Печаль, скорьба, грусть, моя оправа,
Мой умъ ты и моя ты слава,
Не въ силахъ я наречь тебя.

*

„Не вѣдаю тебѣ названья,
Цѣль моего существованья,
Моя едина благодать
Ты всю вселенну украшаешь.
Ты мнѣ вселенну составляешь,
Могуль тебѣ я имя дашъ.

*

„Чего безсмысленный, желаю!
О нѣтъ! тебя не поспигаю,
Ты не земное существо!
Благоговѣю предъ тобою,

Боготворю тебя душою,
Ты идоль мой! ты божество!.....

*

Такъ голосъ пѣлъ и вдругъ выходишь
Какой — то парень молодой
Къ Ушаю скоро онъ подходитъ
И юной жмешь его рукой.
Такъ обращается къ Ушаю:
О Богатырь! тебя я знаю,
Ты производишь изъ яйца,
Тебя давно жду *млодца*.
Теперь Ушай въ твоей лишь волѣ,
Чтобъ не былъ я въ злосчастной долѣ,
Лишь ты одинъ распоргнишь ковь
Враждаующихъ и злыхъ духовъ.
Когда меня ты успокоишь,
Тебѣ и самъ я услужу,
И — Богатырь! когда позволишь
Тебѣ все дѣло раскажу.
Но прежде, добрый мой спаситель!
Пойдемъ ко мнѣ въ мою обитель,
Я тамъ предъ милостью твоей
Поспаваю хлѣбъ и соль и щей,
Захочешь пить — я медъ имѣю,
И квасъ хорошій также есть. . .
„Ты мнѣ большую кажешь честь,
Я рѣчью удивленъ твоею
Сказаль Ушай ему въ отвѣтъ.
Ты, незнакомецъ, мнѣ загадка,
Хоть рѣчь твоя приятна, сладка,
Но естли путь обмана нѣтъ,

И отъ моей зависить власти,
Тебя избавлю отъ напасти.
Потомъ ко хижинѣ смиренной
Утая юноша повѣлъ,
Въ которой былъ дубовой столъ
Холстомъ бѣлѣйшимъ, покровенный.
Хозяинъ гостя посадилъ,
Самъ побѣжалъ скорѣй за щами,
Носилъ горшки онъ за горшками
Утай ихъ всѣ опорожнилъ,
Въ честь Богатырскому народу
Вѣдра съ четыре выпилъ меду,
Да въ пользу брюха своего
Онъ выпилъ квасу въ полъ сего.
Потомъ какъ все уже поѣли,
Хозяинъ началъ на свирѣли
Выигрывать такія шрѣли,
Что мой Утай оцепенѣлъ
И выпуча глаза смотрѣлъ.
Хозяинъ тотчасъ догадался
Какъ гость игрой его прельщался,
Свирѣль отбросилъ — началъ пѣшь,
Утай не могъ шутъ усидѣшь.
Обнялъ хозяина драгаго
О мой хозяинъ дорогой
Нѣтъ имени тебѣ другаго.
Скажи, скажи: кто ты такой? . . .
— Скажу, герой премногочшимой
Лишь изцѣли меня отъ ранъ.
Соедини меня съ *Любимой!*
Я называюсь *Боянъ*.

Во градѣ Кіевѣ родился,
 Мной сей великій градъ гордился,
 Онъ *соловьемъ* меня нарекъ,
 Я былъ щасливый человекъ.
 Былъ при Владимирѣ при Князѣ,
 Въ чesтяхъ, обласканъ и почпенъ.
 Служилъ ему въ его Приказѣ,
 Князь былъ игрой моею прельщенъ.
 Онъ опличать меня спарался,
 Хоть Князь, но мнѣ онъ другомъ слылъ! —
 Но я не долго щасливъ былъ,
 Не долго жизнью наслаждался,
 Я младъ — во мнѣ вспылала кровь —
 И я почувствовала любовь.
 Въ одну влюбился я дѣвицу,
 Румяну, бѣлу, кругло-лицу,
 На ней женишься былъ готовъ,
 Но было знать судьбамъ угодно,
 Иль строгой участи моею,
 Чтобъ я на свѣтѣ жилъ безродно,
 Въ ночь *воробьиною* Касцей
 Безсмертный въ теремъ прилетаетъ
 Къ моему *Любилѣ* дорогой,
 Ее на спину полагаетъ,
 Летитъ — уноситъ въ теремъ свой.
 Тутъ начались мои печали,
 Какъ бѣшенный годъ бѣгаль я;
 Лѣса, вершепы и поля!
 Лишь вы одни мой стонъ слышали
 Но наконецъ въ святой сей лѣсъ
 Зашолъ я какъ-то ненарокомъ,

И думаю судьбой иль рокомъ
быль остановлень путь мой здѣсь.
Мнѣ нѣкій голосъ неизвѣстный!
Но утѣшительный, небесный!
Гвое пришествіе предрекъ,
Остановися, человекъ!
Такъ молвилъ голосъ — утѣшитель:
Любимы швоея спаситель
Сюда чрезъ полгода грядешь,
Мракъ кончися — наспанешь свѣшь.
Имѣешь имя онъ *Утая*,
Се будетъ Чудо — Богатырь,
И изъ яйца произшекая
Онъ удивитъ собою міръ.“
И я въ восторгѣ, въ испугленьи,
Отколѣ гласъ былъ слышенъ мнѣ,
И обратился къ той спранѣ
Воздать Богамъ благодаренье!
Построилъ хижину пошомъ,
Запасся разными вещами,
И утѣшаяся мечшами,
Свирѣлью, пѣснями, гудкомъ,
Такъ проводилъ сіи полгода,
Ждавъ швоего въ сей лѣсъ прихода:
Теперь ны вѣдаешь кто я,
И — повѣсть кончена моя,
„Боянь, сказала Ушай Бояну,
Ты будешь щаспливъ не шужи,
Ушай швою излѣчишь рану.
Къ Кащею путь мнѣ покажи.
Сему *безсмертному* Кащею

Настрою тысячу я бѣдъ;
Сорву съ него сухую шею
И брошу пшцама на обѣдъ.
Недаромъ мать, сестрѣ, твердила,
Сестра одна чтобъ не ходила —
Иль будешь очень худо ей.
На свѣтѣ есть лихой Кашей.
Ушѣштесь жены и дѣвицы,
Ощецъ, мать, дядя, мужъ и брать,
Нѣшь! *старой болѣ синицы*
Пшеницы красной не клевать.
Ушай пословицею сею
Свою рѣчь кончилъ — замолчалъ;
Но что то подъ носъ бормоталъ.
Боянь, къ безсмертному Кашею
Ему пушь миной показалъ.
Благодарить было собрался,
Но бормотанья испугался,
Красивы мысли расшерялъ.
Не смѣлъ сказать Ушаю слова —
Ушай былъ очень разсержень.
Кашей — теперь судьба сурова
Тебѣ хорошей дастъ презвонь!!

Мслвчъ.

С т и х и

По полученіи Докторскаго достоинства.
Филилка, въ два мига къ поршному мой мун-
дирь.

Да вышьешь сребрены на рукавахъ пѣшлицы!
Дабы узналъ скорѣй подлунный, цѣлый мѣръ,
Что къ Докторской и я принадлежу спаницѣ.
Се изъ школярства вдругъ на славы верхъ взне-
сень!

Забывъ мучительны и тяжкіе уроки,
Въ Дипломѣ лестныя теперь читаю строки —
Завидный жребій мой съ чѣмъ можешь быть
сравнень? —

Цари и Короли, Марграфы и Герцоги,
Хошитель, чтобъ сказала всю истину я вамъ?
За ваши скинетры, не только *чорной тоги* (*)
Кусочка моего Диплома не ошдамъ!!

Мслевъ.

(*) Докторской маншии или Докторскаго плаща.

Въ день Ангела . . . . .

Большой бы былъ я простачина,
Когдабъ тебѣ, Александрина!
Въ твой день стиховъ не написалъ!
Предшанъ ко мнѣ, Филипъ (*)! скорѣе,
Настрой мнѣ лиру повѣрнѣе:
Ужъ я давненько не игралъ!

—

„Что? что? Филипъ ужъ лиры строишь!“... (**)
Прошу меня не беспокоить,
Но дальше слушать, Господа!
Коль призываю я Филипку,
Не лиру разумѣю — скрипку,
И балалайку иногда!

—

На скрипкѣ — *у сосида хата* . . . .
На балайкѣ — *ей, ребята!*...
Двѣ эти пѣсни я бренчу.

—

(*) Слуга мой.

(**) Сей вопросъ очень натураленъ. Филипъ досихъ поръ мнѣ строилъ только балалайки, что можно видѣшь изъ нѣкоторыхъ къ нему посланій.

И такъ прошу мнѣ не мѣшайте
выросами не докучайте
На верхъ горы я полечу!

—

То не на Пиндѣ; а на *Холодну*, (*)
шпучку выброшу премодну!
на *Холодной* запою.
Гора *Холодна*, Пинда ниже,
а и гораздо Пинда ближе —
Хохвалить шпучку всякъ мою!

—

Ипомѣ и по сказать мнѣ должно,
но очень было бы безбожно,
нѣ Пиндѣ, *Холодной* предпочестъ?
Гора *Холодная* воструха!
Вкругъ нее вездѣ сивуха,
Вачнешь стихи невольню плестъ!

—

Юпя истоки вы Каспальски
Еѣ выпьете — нималомальски
Не будете веселы вы.
Югдажъ ошкупщика сивухи
Вы выпьете, хопь поль-осьмухи,
Такъ не поднимете главы!

—

*) Такъ называется въ Харьковѣ гора.

Но вотъ ужъ я и на *Холодной!*
Воспоргъ великй, благородный,
Комическй, мой обнялъ духъ:
Я вижу домъ Александрины, (*)
Къ стопамъ бросаю *Райеки крны,* (**)
Прошу Юпишера я въ слухъ:

Дай Богъ, любезна Александра!
Чтобы печалей Саламандра
Бѣжала за сто верстъ отъ васъ!
Чтобъ вы лишь радости вкушали;
А мы бы менѣ страдали
Отъ вашихъ *архилилыхъ* (***) глазъ!

Мсавчъ.

4.

Посланіе къ Еликурейцамъ.

(Отъ брата Еликура.)

Друзья почтенные! съ прискорбіемъ сердечнымъ
Вѣстъ огорчительну брашь объявляетъ вамъ:
Проститесь долженъ я съ весельемъ быспро-
печнымъ
И ѣздишь пересташъ къ *красоточкамъ кумамъ!*

(*) Эпошь спихъ нелишній: съ Холодной горы видны всѣ
почти дома.

(**) Смот: Х. Д. 5 Но спашью 13.

(***) Чистатели! простите за шакое неслыханное новое слово:
рифма и споа чего не засшавашъ сдѣлашъ! М.

Прощай, любезна радость наша;
 Вина Французскаго бутылъ!
 И ты, огромна пунша чаша,
 И Сербскій танецъ, и кадрилъ!
 Оставьте нада васъ на время;
 Прощай, братья *Дмитрій!* братья *Андрей!*
 Хочу я философско сѣмя
 Посвятить въ головѣ моей.
 Хочу, короче, заниматься,
 Забыть на мѣсяць винный сокъ;
 Во кучу книжну закопаться
 И эгопъ испытать урокъ:
 „Какъ хочешь, такъ ты умудрайся;
 Смѣшной и жалкой человекъ!
 А непременно собирайся
 Окончить свой дурацкій вѣкъ.
 Хватай, хоть звѣзды, братья! ты съ неба;
 И о безсмертьи говори;
А улырати тобі треба, (*)
 Такъ лучше пей, да меньше ври.“
 На что намъ въ жизни сей фигуры;
 На что обманывать себя?
 Смѣшны, ей Богу! балагуры
 Всѣ философы для меня.
 За чѣмъ желать чего не можно,
 На что намъ Ангелами быть?
 Мы человекѣ — намъ и должно
 По человекѣ, братьцы! жить!
 Смѣшные Стойки! швердите

(*) Малороссійская поговорка.

Себѣ подобнымъ мудрецамъ:
„Одни коренья лишь ядите,
Чтобъ бысть угоднымъ Небесамъ;
Одну лишь воду вы вкушайте,
Забудьте женскій хитрый родъ,
Какъ можно больше изнуряйте
Вы смертну, брэнну вашу плоть;
Одной душою занимайся,
Будь больше, нежели человекъ,
Побольше съѣзъ себя старайся,
И швой блаженный будешь вѣкъ!“

Пускай при васъ сіе блаженство,
Мы вамъ охотно отдаемъ:
Не ужъ ли это совершенство,
Когда себя мы плешью бьемъ?
Когда въ бесѣдѣ мы довольны,
Слокойны совѣстью и вольны,
Коль есть краса, ѣдимъ и пьемъ,
Тогда лишь истинно живемъ.

✓ Проспите, братцы! я болтаю,
А право нѣкогда болтаетъ,
Пустымъ лишь васъ я занимаю,
А нада къ дѣлу приступать.
Скорѣй прощайтесь со мною,
Опорожнимъ скорѣй бушылъ;
Остаться вашимъ радъ слугою,
Пока во мнѣ не станеть силъ.
Еще прощайте, братцы! оба,
Вашъ другъ, слуга и всё до гроба.

Мслечъ.

Разладъ Омегина съ Зенитовымъ.

Омегинъ. (Увидя Зенитова, въ сторону.)

Какой бы пощій иксъ на встрѣчу мнѣ тащился?

Зенитовъ. (Увидя Омегина, также въ сторону.)

Какой сюда медвѣдь Сибирской привалился?

Омегинъ.

Кажи, величина! откуда ты, и что?

Зенитовъ.

Кажи-ка, лодоудъ! причину мнѣ, почто
олико дерзостно меня ты вопрошаешь?
Иль съ Альбиносами меня не распознаешь?

Омегинъ.

Фигурина швоя, изъ всѣхъ фигуръ уродъ,
Причиною была, что я открылъ свой рошь.

Зенитовъ.

Котя здѣсь близко нѣтъ ни Мелфиса ни Нила,
Но вижу я въ тебѣ престрашна крокодила;
Подобной гадины въ Евроль не видашь:
Знашь ты изъ Африки изволишь прискакать?

Омегинъ.

Ты безъ пролорціи рошице разбѣаешь
И Периферию губами представляешь;
Иль хочется тебѣ, чшобъ я на лбу швоемъ
Сей палицей рѣшилъ десятокъ теоремъ?

Однакожь я тебя принужу согласишься,
Что съ *минусомъ* опнюдь не можешь *плюсь*
ужиться:

Ты *минусъ* — а я *плюсь*; но *та величина*,
Что съ *положительнымъ*, *массистѣй* создана:
Зенитовъ.

Изрядное, сударь! сварганилъ ты сравненье!
Убрался бы ты съ нимъ въ *Курильское селенье*;
И циркулемъ своимъ безмозглымъ *дикарямъ*
Чинилъ бы правильной размѣръ худымъ ладьямъ;
Дельфиновъ бы считалъ, *тюленей* въ *Океанѣ*...
Я чаю, ты слыхалъ о славномъ *помѣ* *болеанѣ*,
Колоссѣ, въ старину что въ *Греціи* стоялъ,
И корабли межъ ногъ большіе пропускалъ:
Великъ болванъ-та былъ, да мозгу не бывало;
Межъ нами сказано, въ тебѣ *пожъ* мозгу мало.

Олегинъ. (Съ гнѣвомъ.)

Когда бы я рычагъ въ рукѣ своей держалъ,
Тебя бы *плотно* имъ за дерзость наказалъ:
На *плоскости* спины, на *скулахъ* безобразныхъ,
Мильоныбъ начершилъ *линей* разнообразныхъ,
Изъ носа сдѣлалъ бы ужасной *полигонъ*,
И лишнихъ на бокахъ прибавилъ бы *сторонъ*;
Рѣша на *лысинѣ* искому *квадратуру*,
Исправилъ бы *пвою* *неправильну* фигуру....

Зенитовъ.

Когдабъ на мѣстѣ *семь* высокой *шополь* росъ,
Или *Уральской кедръ*, иль *Индійской кокосъ*,
Или *хотя* бы *дубъ* *Россійской* уродился,
Желалъ бы я, *чтобъ* ты на ономъ *удавился*...

Однакоже пойми на картѣ поискать
дальнѣйшихъ острововъ, кудабъ тебя сосласть.

Олегиъ.

Идунай, а я межъ тѣмъ примуся за счисленье,
даровъ сто тебѣ готовлю въ награжденье,
и ихъ съ фигурую твоею я сличу;
послѣ на спинѣ задачу ту рѣшу!

(расходятся).

О. Соловъ.

6.

Орангутангъ и Лисица.

(Баснь.)

Ну! назови ты мнѣ какую хочешь птицу,
или звѣря, коемубъ не могъ я подражать?
Такъ вопрошала Орангутангъ Лисицу)
ты мнѣ можешь ли назвать
кого не звѣря, поросенка,
которой бы хотѣлъ тебя перенимать?
Лисица Веллингтонъ, а обезьяна Бонька.

Мслевъ.

Балалаишная лѣснь.

(На Миръ 1815 года.)

И. Д. К.

Почтенный Книгинь! шы хочѣль,
Дабы я проиграль на лирѣ;
Но балалайка мой удѣль,
И я брянчу на ней о Мирѣ.
Владѣеть лирой лишь Пиндаръ,
А мнѣ какъ съ Грекомъ симъ сравнишься?
Припомъ же къ лирѣ нужень жарь,
А слѣдственнo и *кадъ* и *ларъ*,
Такъ голова и разболится!
А голова когда болишь,
На свѣтѣ все равно не жить;
Такъ лучше съ лирой не дружиться.
Позволь Масловичу, чтобы онъ
Такъ, какъ *глава рифмачей шайки*,
Тебѣ поднесъ не лиры звонъ,
А звуки хриплой балалайки!

Балалаишная лѣснь.

Филипъ! гдѣ наша балалайка?
Возьми ее, да заиграй-ка,
Хоть *Барыню*, хоть *Третьяка*;
А я возьмуся за бока,
По Руски или по Хахлацки
Раза два, при, пройдуся хвашски!

Потомъ бумаги пригошовъ:

Въ восторгѣ я писаешь гошовъ.

Опяшь вселенной Миръ дарованъ!

Биполеошка пойманъ, скованъ,

На край земли его везушь!...

Сажи, Филипка! мнѣ какъ тушь

Твой баринъ можешь удержишься,

Чтобъ не запѣшь, не расплясаться?

Ну! такъ, Филипъ! играй, играй,

И гоцоцо припѣвай!

Кроме, будь мнѣ Аполлономъ,

И хриплымъ балалайки пономъ

Твои пы уши восхищай.

Евшерпа будешь пусть Параска,

И вотъ и музыка и пляска!

Филипка балалайку взялъ,

И ужъ брянчишь и припѣваешь;

Ноя Евшерпа выступаешь...

А тоже праздно несостояль.

Параску шучну взялъ за руки,

И выбрасывалъ часъ съ нею шпуки!

Тенерь въ пошу и изнурѣнь,

На креслѣ важно отдыхаю,

Меновой лиры строю понь,

И оспѣшь я Миръ предпринимаю.

О Миръ! ты съ самыхъ первыхъ лѣтъ

Дохожь на вѣтренную моду:

И другъ есть, потомъ мгновенно нѣтъ;

И не радость Миръ такой народу.

Пожалуста, красавчикъ Миръ!

Дребудъ у насъ хоть Ноя вѣки,

Я побѣ отдохнуль подлунной Мїръ,
Щасливѣй стаи человѣки.

Когда захочеть Бонька къ намъ
Пожаловать къ несчастнымъ въ гости,
Сердитымъ повели волнамъ
Сокрыть его въ пучину коети.

Уже, ей Богу! мочи нѣтъ
Лишь жечь, колоть, стрѣлять, рубиться;
Я вѣришь не хочу, чтобъ свѣтъ
Не могъ безъ брани обойтисься.

. . . . .
: : : : :
: : : : :
: : : : :

8.

Ученость въ Парадѣ.

Се вся ученость нынѣ по формѣ нарядилась,
И прицѣпивъ къ бедру шпаженку, прибодри-
лась!
Смотри, какъ храбро *иксѣ*, со шляпой подѣ пле-
чомъ,
къ параду вышупилъ, какъ гранодеръ съ
ружьемъ;
Стряхнувъ съ себя табакъ, и пыль, и паушину,
Онъ вздернулъ съ гордостью задумчиву ли-
чину.
Смотрише! шествуетъ въ сребристомъ блескѣ
газѣ,

Какъ Зевсъ во облакъ фосфорномъ къ намъ не-
сясь.

Дивитесь пышности, наряду магнетизма,

И величавости угрюма силлогизма.

Въ весельи Каншицизмъ тамъ изъ болфорть
порчить,

Какъ франтъ по улицѣ Эстетика лешить.

Смотрите странную и рѣдкую фигуру,

Смотрите пляшущу кадрили Литпературу!

Парадный видя сей, ученый Легіонъ,

Въ шупикъ бы кажущя Виргилій сталь Ма-
ронъ,

Рафаель, Апеллесъ штандартъ бы прекло-
нили:

Они вишь маляры, а не Гогаршы были.

9.

К ъ ф о р т у н ѣ.

Ну, форшуна! я съ тобою

Примираюся шеперь:

Ты мнѣ на главу надѣла

Славный Докторскій колпакъ!

Но, форшуна! я умѣю

Благодарнымъ бышь и самъ;

Ты не видишь, ты слѣпая,

Я же Докторъ, и въ моей

Волѣ пилы и пилюли,

Красны, бѣлы порошки,

Разны справки и муравки:
Стану думать день и ночь,
Какъ бы бѣдненькой форшунѣ
Вставить зрячіе глаза!
Но однако я заврался:
Вошь и видно по всему,
Что я Докшоръ настоящей!
А вѣшь Докшоровъ удѣль,
Обѣщашь какъ можно больше,
Не исполнишь ни на грошь!
Вѣдь судьбой опредѣленно,
Илибъ форшунѣ бышь слѣпой!
Какъ же, какъ же мнѣ возможно
Часть зрѣніемъ снабдить?
Ну, форшуночка! прости же,
Объяснился я не такъ;
И хотѣлъ сказать сударка!
Вошь что милости твоей:
Что въ твои глазныя ямки
Вставлю пару кашышковъ,
Изъ чудеснаго состава:
Будуть лучше глазъ они!
Хоть они и непрозрачны,
Барышня! но вѣрьте мнѣ,
Actio ихъ будетъ таже,
Pariter отъ Зевса глазъ!
Вошь какой рецептъ, форшуна!
Сочиняется для васъ:
Мази я *Благоразумья*
Взять желаю цѣлый грань;
Осторожности два грана,

И прибавя порошокъ
 Подъ названьемъ *дальнобидный*,
 Весь составъ смѣшаю я,
 Славнымъ сокомъ *постоянства*
 Хорошенько оболюю,
 И изъ эпой ужъ лешки
 Два шара я сотворю.
 Кажешся, что будетъ можно
 Этимъ очи замѣнить.
 Вижу многіе Вельможи
 Смотряты волкомъ на меня:
 О! конечно, всѣмъ щастливцамъ
 И случайнымъ будетъ *мать*,
 Коль, фортуна! ты узнаешь
 Всѣ погрѣшности свои.
 Кто чрезъ женочку смазливу
 Получилъ себѣ чины,
 Ордена и денежки,
 Скажешь *щастье баста* тѣмъ,
 Кто сначала чрезъ поклоны,
 Черезъ лестъ и язычокъ,
 Высоконько взгромоздившись;
 Спаль потомъ надушь, слѣсивъ;
 И тому фортуна пѣсню
Баста, баста запоеть;
 А подъ случай, чтобъ и въ Бурсу
 Не отправила назадъ!
 Словомъ, вамъ лишь, добры люди!
 Вамъ, достойные умы!
 Вамъ однимъ начнешь фортуна
 Изливать свои дары.

Но сіе тогда случится;
Какъ составляю я шары;
А на это мнѣ потребно
Миліонъ и больше лѣтъ!!

Мслецъ!

Ю.

М е р з и л к и н ъ

и л и

Рускій выродокъ превратившійся въ офран-
цузенную гадину.

Правдининъ! хочешь ты, чтобы красками жи-
выми

Я смѣлой кистію пошь гадь изобразилъ,
Который красою и прелестями своими
И жабъ, и черепахъ, и крысь всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ, ни въ лужахъ, безъ со-
мнѣнья,

Нѣтъ твари столько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискашь,

Ктобъ гнусностью его могъ перецеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;

Но какъ же развелись въ ней гадины шакія?
Великой матерью моглиль быть рождены?

Толь безобразные, уродливы сыны?

Не Руская душа, не храбрость въ нихъ Ге-
ройска,

Душишка мѣлкая и подлость въ нихъ заморска;

Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,
Забыть къ опечеству привязанности долгъ!

Не чепъ ихъ движешъ, нѣтъ! ихъ мучить
по сердчишки,

Чтобъ свѣтъ зналъ, что они Французскіе мар-
тышки.

На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій
примѣръ?

Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?

А какъ прибѣгнуть пожъ къ Французскимъ и
Мамзелямъ,

Которы свѣтъ прошли шаскаясь . . . . .

И всяку всячину видали надъ собой,

То нужно ли искать науки ужъ другой?

Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся

И надъ невѣжешвомъ Россіянь насмѣхайся,

Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хра-
нятъ,

И что всего глупѣй, по Руски говорятъ!

— *Fi donc!* какъ варварскій языкъ сей грубъ, не
складень!

Французскій *au contraire* божештвенъ, деликатень.

Когда бы намъ Монархъ издалъ такой законъ,

Чтобъ по Французки враль всякъ Руской *du*
bon ton,

Чтобъ иначе болтать не смѣли бы Дворяне!

А еслибъ свой языкъ забыли и мѣщане,

И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ

Французскій полюбилъ пренѣжный толь языкъ:

Какія бь времена блаженныя настали!

Мы офранцузившись гугнявить всѣ бы спали.

И въ просвѣщеніи явилибъ тѣмъ успѣхъ,
Что въ вышней степени былабъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То есть, ни вѣрности къ Царямъ, ни къ Богу
вѣры,

Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда,
У новыхъ Россіявъ не стало бы тогда!
Не поли самое, жеманясь по Французски,
Насвистываешь ты, Мерзилкинъ! про себя?
Не частоль ропщешь ты, что твой отецъ былъ
Руской,

И что не *санкшлотъ* пустиль на свѣстѣ тебя?
Послушайка, Мусье, не господинъ, Мерзилка!
Не лай на Рускихъ ты, французить позабуди;
Ты вспомни наконецъ, что есть въ Россіи кнушь,
Что не минеть тебя въ Парижъ Камчатской
ссылка.

На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу:
Скажи тогда себѣ: *команъ-ву-портеву?* —
Нахимовъ.

II.

Основаніе Харькова.

Глава вторая.

Пріятно въ зимній вечерокъ,
Коль у огня друзья полкругомъ
Сидятъ, и курятъ табачокъ,
И шочатъ балы за досугомъ.

Любезность, искренность, любовь,
У нихъ въ бесѣдѣ засѣдаешь;
Изъ нихъ тамъ каждый безъ чиновъ;
Тамъ ближняго не обижаютъ,
Тамъ истинна веселость есть;
Никто въ бесѣдѣ ихъ не связанъ.
Вельможи! что мнѣ ваша честь?
Я къ вашей жизни не привязанъ;
Когда со мной мои друзья,
Когда имъ сказываю сказки,
Ненадобны мнѣ ваши ласки,
Царей тогда щасливѣй я!
Не такъ ли, другъ почтенный Дмитрій?
Не пожелъ скажешь, братъ Андрей?
Хоть будь вѣнцомъ украшенъ, митрой,
Но естли нѣшь съ тобой друзей,
Твой жребій стоишь сожалѣнья.
Ахъ! какъ тогда на свѣшѣ живъ,
И съ кѣмъ, скажите, раздѣлишь
И радости и сокрушенья?
Но братъ мнѣ Дмитрій! говоришь:
За чѣмъ, Масловичъ! ты болтаешь,
За чѣмъ известное твердишь,
А повѣсти не начинаешь?
Сей часъ, любезный мой! сей часъ,
Имѣй короткое терпѣнье:
Дай мой исправлю грокомъ гласъ,
И ты мое услышишь пѣнье.

Знать таки пришли вже годы,
Щобъ веселымъ бутьи годи!
И не можно человеку
Безъ напастн кончить вѣку.

Що моя Галуся робе?
Мабуть доси вже во гробѣ!
Мабуть доси Ангелочикъ
Иі душу взялъ въ Раѣчикъ! (*)

Яквивъ, бѣдна сиротина!
Муче зла тебе година,
Гоне, риже и терзае,
Съ любовою Галкою разлучае!

Сдилай милость, слилуйсь долго!
Прогонны вить мене болю!
Потишь мор, порады сердце,
Ему гирько такъ, якъ въ перци!

Колы буде твоя воля,
Що потишишь мене, доля!
Мабуть я и ворогуюся,
Поживу съ тобой, Галуся!

Люба Галко! не журися,
Лучше Господу молися,
Мабуть я и ворогуюся,
Поживу съ тобой, Галуся!

(*) Простолоудимы думаютъ, будшо бы предъ смертію праведнаго прилетаетъ Ангель за его душою и уноситъ ее въ рай, а душу грѣшника шашащъ Ангелы въ адъ или до ихъ нарѣчю, въ пекло. М.

Такъ пѣлъ горе-богатырь,
Мечтой услаждался,
Лошадь въ Куряжъ монастырь (*)
Гнать скорѣй старался,

Потому, что дождь и громъ,
Вѣшеръ, градъ и молнья!
Вошь ужь видень Божій домъ,
Вошь и колокольня!

Бѣдный Яковъ весь измокъ,
Въ ворота стучится,
Но на воротахъ замокъ;
А монахъ боится!

Громъ сильнѣй межъ тѣмъ гремись,
Ударъ за ударомъ;
Яковъ пожь сильнѣй стучись,
Всё однако даромъ.

Отъ него не вдалекѣ
Дубъ гнилой свалился;
Больно Якова рукѣ:
Онъ спучаль, крестился.

Бѣдный горе-богатырь!
Всюду неудача,
Не пускають въ монастырь,
И убиша кляча!

(*) Отъ Харькова въ девяти верстахъ находится Монастырь
называемый Куряжскимъ.

Яковъ жалкій во слезахъ
Лошадь обнимаетъ;
Слышишь спукъ давно монахъ,
Да не опираетъ.

Отъ чего свяшой монахъ
Врагъ не отворяетъ?
У кого металль въ рукахъ,
Громъ шѣхъ побиваетъ.

Чтобъ вороша опперетъ
Нада ключъ железный,
А какъ вдругъ начнешь гремѣть,
Вѣкъ и кончи слезный.

Пусть прохожій подождетъ,
Къ намъ рубашка ближе,
Быль монаховъ всѣхъ совѣшь:)
Яковъ! подожди же.

У кого святы опцы
Физикѣ учились?
Въ ней большіе хитрецы
Они учинились!

Не задолго передь симъ
Гость монахъ согбенный,
Нареченный Еронимъ,
Здѣсь былъ угощенный.

Слава года три почти
Объ немъ разносима:
„Будетъ Еронимъ идши
Изъ Ерусалима.

Онъ желаетъ посѣшить
Каждую обитель,
Въ нихъ молебны отслужить,
Чтобъ простишь Спаситель!“

Баба между тѣмъ Молва
Свое говорила:

„Еронимъ, свята глава,
Гдѣ ни проходила,

Строишь всюду чудеса,
Больныхъ исцѣляешь,

Онъ незрячимъ очеса
Зрячія вспавляетъ!

Онъ пріятень Небесамъ,
Святъ и преподобенъ!

Чуть ли не Никола самъ,
Иль ему подобенъ!“

Сей то славный Еронимъ
Пробыль часъ здѣсь лишку

И хозяевамъ своимъ
Далъ въ подарокъ книжку:

Какъ себя остерегаешь
Отъ грома и молнии:

Яковъ! нада подождать
Подлѣ колокольни!

Переспаль сердиться громъ,
Молнья не блистала,

Липься дождь престаль ведромъ:
Всё какъ прежде спало.

Лишь гнилаго дуба нѣтъ,
Нѣтъ коня: убитый!
Да нашъ Яковъ не согрѣшь
И еще сердитый!

Ворота монастыря
Наконецъ открыли;
Мокраго богатыря
Наконецъ впустили.

Обсушили тамъ его,
Славно накормили,
И за это ничего
Съ рыцаря не сбрили!

Есть обычай на Руси:
Въ хижинѣ и въ кельи
Странникъ, что ни попроси,
Пить ли, ѣсть, постѣли!

Всѣмъ хозяинъ радъ служить;
Се черта народа!
Вотъ чего искоренить
Не успѣла *Мода!*

Яковъ у отцовъ гостилъ
День лишь съ половиной,
Два молебна отслужилъ,
Въ путь пошелъ съ кручиной!

Ужъ шестой онъ день идетъ,
Крымецъ вдругъ на встрѣчу
Ѣдетъ гордо и ревешъ:
Дай учинимъ съчу!

Ахъ ты мерской бусурмань!

Яковъ восклицаетъ;

Трогашъ смѣешь Христѣанъ,

Въ сердцѣ продолжаешь;

Нажился знать въ жизни сей!

Вотъ тебѣ подарокъ!

Жонъ, проклятый! не имѣй

Четырехъ Ташарокъ.

Послѣ, гордаго пронзиль

Въ самую печонку,

И съ поспѣшностью вскочиль

На его клячонку.

Тутъ хоцѣлось покривить

Рыцарю душою,

Но Ташаринъ былъ обрить,

А не съ бородою.

Хоть не хочешь, но впередъ

Скачетъ по неволѣ;

Какъ на зло ему, бородъ

Нѣшу въ чистомъ полѣ.

Скачетъ день, и день еще,

Полонъ нешѣрпенья,

Ищешь бороды вошще....

Видишь лишь каменя. (*)

(*) По Екатеринославской дорогѣ видно и теперь множество безобразныхъ каменныхъ шапуй.

Кончимъ здѣсь вторую часть,
Замолчимъ, ни слова!
Коль случится намъ попастьъ
Въ журналисты снова,

Слово вѣрное даемъ
Кончимъ бѣдныхъ муки:
Въ третьей части допоемъ
Якова всѣ штуки.

Мслечъ.

Продолженіе впрѣдъ.

II.
П Р О З А:

12.

Письмо Рускаго Солдата.

Когда я просиль у васъ совѣща, можно ли мнѣ, не такъ какъ кришику, а какъ просто мыслящему солдашу, отккрышь мысли свои о журналахъ, въ то время я не воображалъ, что напечапавъ письмо мое вы обяжете меня нѣкоторымъ образомъ выполнишь сіе намѣреніе. Признаюсь, что я даже забылъ о немъ до тѣхъ поръ, пока (и то довольно поздно) не взялъ вашего журнала въ руки. Но теперь вижу — надобно что нибудь сказать. *Журналъ* великое слово! я объ закладъ бьюсь, что не всякой, кто ихъ читаетъ, понимаетъ значеніе слова, а естли и думаетъ, что понимаетъ, то (какъ говорятъ) навыворотъ. На примѣръ, начиная съ самаго издашеля: онъ печатаетъ въ мѣсяць, въ полмѣсяца или, много, въ недѣлю нѣсколько листковъ всякаго сбора въ прозѣ и въ стихахъ ходячихъ прямо и хромыхъ, и называетъ свои листки журналъ. Я совѣщовалъ бы ему сходить въ полковую канцелярію (другихъ я не знаю и боюсь какъ

язвы) и спросишь у писаря, что значить журналъ? Онъ отвѣчалъ бы емъ: Г. М. журналъ есть ежедневная записка всѣхъ бумагъ полученныхъ и отправленныхъ. Опшуда пожалуй пусть зайдешь къ купцу, казначею и проч. и спросишь у каждаго, что въ журналѣ онъ записываетъ? Тотъ покупку и продажу, тотъ приходы и расходы, ученой свѣженькія мысли, волокита (*) имена новыхъ знакомыхъ мало заботящихся о его знакомствѣ, лѣкаръ домы пациентовъ; да я и конца бы не нашелъ журналамъ, т. е. дневнымъ запискамъ (а мнѣ кажется М. Г. журналъ иначе перевести нельзя): ихъ не тысяча одинъ, а безъ числа. И шакъ, кончися і я спашья шѣмъ, что всѣ почти шакъ называемые журналы не суть журналы, а мѣсячники, полу-мѣсячники, недѣльники. За симъ слѣдуешь: на какой конецъ сіи мѣсячники и проч. выходятъ на свѣтъ? Здѣсь я скажу, что выдумка журналовъ

(*) Подъ симъ словомъ я разумѣю того, кто въ одинъ день обѣгаетъ цѣлой городъ, и по неволѣ къ вечеру отъ усталости волочитъ ноги. Едва ли не приличнѣе сіе названіе шакое сорпа людямъ, а не шѣмъ, кому оно обыкновенно дается; доказательство, какъ несправедливо иногда названія изображаютъ вещь.

есть прекрасное, неподобное дѣло. Не кшапи бы мнѣ говорить по ученому, но нельзя миновать, чпобъ не сказать чего нибудь о ихъ началѣ: всѣ почти привисываютъ Франціи и Гну Сало, Совѣшнику Парижскаго парламента, изобрѣшеніе журналовъ шаковыхъ или подобныхъ, какъ мы ихъ видимъ. Онъ началъ издавать въ 1665 году журналъ ученыхъ (Journal des Savans). Самое названіе, кажется, показываетъ, чпо ученые, истинные или самозванные, присылали къ издапелю свои сочиненія или замѣчанія. Предо мною лежишь книга, изъ которой могъ бы я выписать всю исторію журналовъ отъ ихъ сошворенія до сего дня; но судя по себѣ я знаю, какъ несносно чипать вѣдоръ безъ вкуса и безъ соли для того только, чпо онъ пахнетъ ученоспію. Намѣреніе мое сказать слова два о пользѣ журналовъ (каковы они ни есть), да и шумъ бѣда! объ нихъ шакъ много писали, чпо писали ничего не оспалось. Объ иномъ журналѣ говорятъ иногда слишкомъ много, но тогда рѣдко отдають ему должную справедливость; а о другомъ совсѣмъ ничего не говорятъ: это еще хуже! Но послѣ всѣхъ сужденій и пересудовъ

журналы останутся бесполезною и при-
лишною каждому любителю просвѣщенія
выдумкою. Журналъ не для вѣчности;
одно имя и намѣреніе его оправдываетъ.
Я сказалъ бы Гмъ спрогимъ кришикамъ:
„Государи мои! какъ вы объ шомъ подумаете,
кто слушая умнаго и веселаго
человѣка, которой своими разговорами на-
влекаетъ и забавляетъ собраніе, съ педант-
скою важностію подступитъ къ нему и
скажетъ: вы говорите умно и прилично,
но позвольте вамъ замѣнить, что вы не
сегда говорите то, чего мнѣ хочется;
вы говорите ксшати, но это чрезъ нѣ-
сколько времени не будетъ больше ксша-
ти; иногда вы говорите о предмѣсахъ,
которыя я не очень понимаю; вы дѣлаете
наставленія бытъ сострадательнымъ и
человѣколюбивымъ, а я не всегда бываю
къ шому расположенъ; вы смѣшите дру-
гихъ осмѣвая меня: за то я вамъ вѣчно
не прощу и буду ругать ваши разговоры
пока доставитъ у меня горшани. „Я слы-
шу, кажешся, опвѣтъ сего почтеннаго
человѣка: „мой другъ! по долгу хрисіян-
ства и человѣчества я сожалѣю о вашей
горшани и даю вамъ дружеской совѣтъ
никогда меня не слушать.“ Не шакovy ли

крипики журналовъ? Всякой знаетъ, что въ нихъ есть слабыя піесы, да и крипики не безъ слабостей. Что касается до меня, по совѣсти вамъ скажу, что съ сердечнымъ удовольствіемъ я читаю многія піесы въ Украинскомъ Вѣспникѣ (*): старинныя извѣстія о родной споронѣ и самыя маловажныя должны быть каждому милы, естли онъ не болванъ деревянно - иноспранной; видѣшь успѣхи благошворительности и просвѣщенія въ отечествѣ еще милѣе; даже просто лишпературныя піесы многія очень занимательны. За часъ предъ симъ съ сладкимъ чувствомъ я читалъ піесу Юстинъ или доброй братъ: чегожь вамъ хочешся, Гда спрое крипики? Вы можете и смѣяться и плакать съ удовольствіемъ, а всё ворчите; естлижь вы ни плакать ни смѣяться не можете отъ добраго сердца, а только судорожно, совѣтую вамъ не читать не только журналовъ, но и Бовы Королевича. Простите, Мил. Гос. спѣшу къ должности, пишу наскоро (**);

(*) Гнъ издатель и всякой читатель догадается, почему я не хвалю Демокриша.

(**) Прошу покорнѣе сдѣлать замѣчаніе, что для журналовъ пишу на скоро есть вещь простительная: кпо

Надобно было что нибудь написать, а теперь уже се число. Позвольте сдатьъ также послѣднее прощальное почтение вашему журналу, которой, какъ я слышала, кончается. Поздравляю васъ съ освобожденіемъ отъ тяжкаго ига, и честь имѣю быть

Вашимъ истиннымъ почтительнымъ и покорнѣйшимъ слугою

Руской Солдатъ.

захочешь шрудиться по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ знавши навѣрно, что шруды его чрезъ недѣлю будутъ лежать въ табачной лавкѣ, а много что подъ лавкою.

Хорошая и дурная нога.

(Изъ Франклина.)

Въ свѣтъ естѣ два рода людей: имѣя одинакое здоровье, одинакое богатство, одни бывають щасливы, а другіе нещасливы. Это происходитъ по большой части отъ различныхъ почекъ зрѣнія, подъ кошорами разсмапривають вещи, людей и произшествія, и отъ дѣйствія, какое сія разность производитъ въ ихъ душѣ.

Люди, въ какомъ бы ни были положеніи, могутъ имѣть пріятности и невыгоды; въ какомъ бы обществѣ ни находились, могутъ найти людей съ большею или меньшею любезностію; за какимъ бы споломъ ни сидѣли, имъ подають кушанья и напитки лучшіе или худшіе, блюда хорошо или худо пригошовленные; въ какой бы землѣ ни жили, у нихъ бываетъ хорошее и дурное время; подъ какимъ бы ни находились правительствомъ, имѣють хорошіе и худые законы, и сіи законы могутъ бытъ исполняемы хорошо или худо; какую бы поэму или сочиненіе, генія ни читали, могутъ видѣть ошибки, красоты и недоспашки; наконецъ на всѣхъ почти лицахъ, во всѣхъ почти людяхъ, можно

усмапривать черпы шонкія и черпы не-
совершенныя, качества хорошія и худыя.

Въ такихъ обстоятельствахъ два ро-
да людей, о которыхъ мы говорили, при-
нимають различныя впечатлѣнія. Ко-
шорые расположены къ шаспію, шѣ обра-
щають вниманіе на одно пріятное въ ве-
щахъ и веселое въ разговорахъ, на хоро-
шо пригопвленныя блюда, на вкусныя
вина, на прекрасное время, и наслажда-
ются съ удовольствіемъ; кошорымъ же
назначено судьбою быть несчастливыми,
шѣ примѣчаютъ прошивное и ни о чемъ о-
другомъ не разговариваютъ, опъ чего они
всегда недовольны и печальными своими
замѣчаніями возмущаютъ удовольствіе об-
щества, оскорбляютъ многихъ и дѣла-
ются въ тягость вездѣ, гдѣ бывають.

Есшлы бы шакія склонности неща-
спные получали опъ природы, шо они
достойныбъ были великаго сожалѣнія. Но
какъ разположеніе крипиковать, находить
во всемъ худое, появляется, можетъ быть,
сперва опъ подражанія и непримѣшнымъ
образомъ превращается въ навикъ, шо
извѣсно, что имъ можно избавишь опъ
привичекъ, какъ скоро они будущъ увѣ-
рены, что онѣ нарушаютъ ихъ спокой-

спвіе. Надѣюсь, что сей маловажный со-
вѣтъ будетъ для нихъ небезполезенъ, и
они опкажутся опъ такой склонности,
кошорая, хошя внушаема воображеніемъ,
имѣетъ невыгодныя слѣдствія въ продол-
женіе жизни и причиняетъ печаль и бѣд-
ствіе истинное.

Никто не любитъ ругачелей, копо-
рые всякому гоповы наноситъ обиды. За
по съ ними всегда обходяпся съ холод-
ною учпивоспїю; не рѣдко даже и въ
эпомъ опказываютъ имъ, что самое оже-
спочаетъ еще болѣе ихъ и доставляетъ
имъ какъ бы случай къ сильнымъ спорамъ
и ругачельствамъ. Еспли они желаютъ
занятъ важныя должности и умножитъ
свое имѣніе, никто не принимаетъ уча-
спїя въ ихъ успѣхѣ, не дѣлаетъ ни шагу
и не скажетъ ни слова въ ихъ пользу.
Еспли получаютъ опъ кого укоризны
или подвергаются какому нибудь неща-
спїю, никто не захочетъ ни защищать
ихъ ни оправдать. Напропивъ, множе-
спво неприятелей осуждаетъ ихъ поступ-
ки и всячески спарается привести ихъ
въ совершенную ненависть. И такъ, еспли
они не перемѣняютъ навыка и не удоспои-
ваютъ почитать прекраснымъ то, что

въ самомъ дѣлѣ прекрасно, безъ всякаго огорченія, какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ; но всякой долженъ избѣгать ихъ: ибо мы всегда встрѣчаемъ неприимности, естли имѣемъ соотношенія съ такими людьми; особливо естли къ нещаснiю бываемъ замѣшаны въ ихъ ссорахъ.

Одинъ старой философъ изъ друзей моихъ чрезъ опытность сдѣлался слишкомъ недоверчивъ къ такимъ людямъ и всячески старался неимѣть ни малѣйшей связи съ ручашелями. У него, какъ и у прочихъ философовъ, былъ термометръ, по которому, узнавалъ онъ степень теплоты въ атмосферѣ, и барометръ по которому напередъ зналъ, каково будетъ время, хороша или дурно. Но какъ не изобрѣли еще такого инструмента, по которому можно бы было, при первомъ взглядѣ, узнать, какой кто имѣетъ характеръ, въ такомъ случаѣ мой философъ пользовался ногами. У него одна нога была очень хороша, а другая крива и безобразна.

Естли онъ въ первый разъ видѣлъ челоѣка, которой болѣе смѣрѣлъ на кривую ногу, нежели на прямую, то онъ

не доѣржалъ ему; а еспьли эпотъ чело-
вѣкъ, говоря съ нимъ о дурной его ногѣ,
не сказывалъ ничего о хорошей; то не
нужно ему было никакого доказательспва;
и философъ не имѣлъ съ нимъ болѣе ни-
малѣйшей связи.

Не у всякаго изъ насъ еспь споль
прекрасный двуножный барометръ. Но вся-
кой, упопробивъ небольшое вниманіе, мо-
жешъ примѣчать признаки шакого худаго
разположенія, изыскивать ошибки и рѣ-
шитися избѣгать знакомспва шѣхъ, копо-
рые, по нещаспію, имѣюшъ шакія слабо-
спи. И шакъ, я совѣшую симъ язвитель-
нымъ, злымъ, недовольнымъ людямъ, не
смотрѣшь на кривую ногу; если они хо-
пяшъ заслужишь уваженіе, бышь люби-
мы и жишь щаспливо.

III.
С М Ъ С Б.

I.

Пѣвецъ во станѣ Еликурейцовъ.

Друзья собранье усладимъ,
Вино стоить предъ нами,
Дай два вѣдра опорожнимъ,
Украсимся вѣнками!

Кому судьбою здѣсь дано,
Возможныя всѣ средства,
Чтобъ пить хорошее вино,
Такъ пошь не знаешь бѣдства!

Пустое полно говоришь,
Забудемъ плуша *Боньку*. . . .
Не лучшель намъ винца налишь
И выпилъ полегоньку?

Тебѣ сей кубокъ голова
Цвѣщи швое здоровье!
Ты наши выслушай слова
И подпиши условье:

Ты яко первый шѣла членъ,
Будь намъ пишья примѣромъ:
Теперь съ побой контрактъ свершень;
Не смѣй бышь лицемѣромъ!

Х о р ь

Теперь съ побой контрактъ свершень;
Не смѣй бышь лицемѣромъ!

А ты почтенный нашъ . . . . .
Ты мудрый нашъ поишель!
Будь весель духомъ и здоровь
И будь намъ Предводишель!

Х о р ь

И будь намъ Предводишель!

А ты любезный нашъ Иванъ,
Хоть пуншу пить не любишь;
Но дай тебѣ вина стаканъ,
Ты пить усердно будешь.

Всегда ты эдакъ поступай:
Ты слава всѣхъ Ивановъ!
Скорѣ Дмишрїй наливай, . . .
Здорово Т. . . . .

Друзья, кто может позабыть,
Почтенна М. . . . .
Такъ долженъ пошь принаровишь
Себѣ сїи два слова.

Извольте слушать воть онѣ:
Кто здравье пишь его не будеть,
Такъ пошь привержень сапанѣ
И добрыхъ пошь не любишь!

Х о р ь

Пѣвецъ, слова твои напрасны,
Мы выпишь въ честь его согласны.

Теперь пришла чреда твоя,
Полковникъ храбрый . . . . .
Ты жить не хочешь для себя;
Не любишь барскихъ вздоровь.

Твое здорovie залпомъ пьемъ:
Живи на многи лѣша!
Тебѣ въ честь пѣсни мы поемъ,
Живи твоя . . . . .!

Х о р ь

Твое здорovie залпомъ пьемъ,
Живи на многи лѣша! и проч.

А ты пріятный нашъ Андрей,
Когда играешь на кларнетѣ. . . . .
Услада ты компаньи всей!
И всё тебѣ пустое въ свѣтѣ!

Х о р ь

И всё ему пустое въ свѣтѣ!

Твое здоровье выпьемъ мы,
Ударимъ руку въ руку;
Веселы изостримъ умы,
И выдумаемъ шутку!

А ты веселѣя сынъ и шуткъ!
В. . . . . нашъ . . . . .
Прямой ты Демокришовъ внукъ,
Собраній нашихъ геній!

Всякъ выпить въ честь твою гошовъ,
Всегда такой лишь буди —
На что калякать много словъ:
Здоровы добры люди!

Друзья, еще покаль винца
Мы выпьемъ за здоровье
За С. . . . . хитреца,
И вотъ ему присловье:

Тебя мы производимъ въ чинъ:
Ты виночерпцомъ украшайся!
Опнюдь не смѣй имѣшь личинъ,
И пьянымъ бышь не припворяйся!

Х о р ъ

А въ ноги нужды нѣшь валяйся!

Еще другой Иванъ здѣсь есть,
Онъ пляшетъ, огороды,
Какъ я онъ мастеръ рифмы плестъ —
Такъ выпьемъ-ше, народы!

Еще и третій есть Иванъ
М. . . . . Я. . . . .,
Мы выпьемъ въ честь его стаканъ! —
И въ честь твою, К. . . . .

А ты К. . . . . Ф. . . . .,
Ты право насъ послушай.
Забудь дѣла; всё въ мѣрѣ вздоръ,
Вино съ охотой кушай.

Чѣя наружность хороша,
(Старинное присловье)
Такъ у того добра душа:
Мы цдемъ свое здоровье!

Теперь конецъ моимъ словамъ;
Не зрю вина кончину,
Почтенные, позволше вамъ,
Хоть рюмки половину

Налить пѣнисаго винца;
А мнѣ надеждой лсниться,
Что каждый выпить въ честь пѣвца
Пол-рюмки вѣрно согласится?

Х о р ь

Не только полъ-рюмки, согласны покаль,
За здравье Пѣнта, чтобъ Дмитрій намъ даль.

П ѣ в е ц ь .

Эдакой я чести, ей! неожидань.

Теперь мы выпьемъ за Царя. . . .

Х о р ь

Сіе бы прежде надлежало.

Не безпокойтеса, друзья,
Чиновъ у пьяныхъ не бывало.

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы;
Къ нему любовію горя
Возмемъ-ше праздничны покалы!

Х о р ь

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы!
Къ нему любовію горя,
Возмемъ-ше праздничны покалы!

Ребята! славно — ну опять,
Берите по покалу, други,
Велише *Дмитрію* давать
За здравье Царскія Супруги!

Еще намъ выпить надлежитъ,
Иль учинимъ злодѣйство!
Изволь-ка *Дмитрій* намъ налить
Полнѣе за Царя Семейство!

Теперь мы выпьемъ за того,
Кого,
Кто любишь болѣе всего!

Вотъ я — я выпью за . . . . .
Я пьянъ и — признаюсь,

Что я люблю дѣвчонку эту,
Да только полку не добыюсь!

Друзья! до сихъ мы пили поръ
За здравье *многихъ* безъ напѣжки;
Теперь составимъ винной хоръ,
Возьмемъ стаканы, рюмки, фляшки.

Пусть съ визгомъ всякъ въ стекло бренчишь;
Пусть будетъ *милый* безлорядокъ!
Пусть всякъ, что хочетъ, то шворить,
Тогда погладить Вакхъ ребятокъ!

Мслвчъ.

2.

Маскированный Отвѣтъ.

В о п р о с ъ.

Рѣши мою судьбу, надежду мнѣ подай:
Доколѣ пламенемъ безплоднымъ мнѣ горѣшь?
Скажи, любезная: ушѣшься, не страдай!
Иль дай въ своихъ очахъ мое нещастье зрѣшь.

О т в ѣ т ъ.

Любовь есть буря чувствъ: спокойство, тишина,
Да будущъ швой удѣлъ, мечтанья испреби;
Любовь къ гибели сердець сошворена:
Разсудокъ, чтобъ спастись отъ ней, употреби.

Я.

3.

Панегирикъ головѣ Ослова.

Разпался бѣдный пенъ отъ головы Ослова!
А голова? — она здорова!!

О. С.

4.

Пѣснь Семейству.

Гой тамъ по *Змѣвскій* дорози
За *Васицевымъ* за селомъ
За *Удалы* при перевози
Въ сили маленькомъ В. . . . ъ
Стоить хороша нова хаша,
Людьми добрыми богаша!

Якій живе тамъ добрый Панъ,
Яка живе тамъ добра Паня! —
Такъ добры, любы, хоть Бояна;
То спане въ цинь и самъ Боянъ!
А Паночка шацо казашы,
И це можно описашы!

О якъ кривы ученыхъ шовки,
Чи ѣ у нихъ на шахъ ума,
Все пишуть, що остшались вовки,
А що людей зовсѣмъ нема.
Ѣ люди, та шукать не хочуть,
Брехнею цилый свить морочуть.

Колыбѣ воны Панивѣ сихъ знали,
Такихъ писулекъ не писали!

А . . . . . звется добрый Панѣ,
А Паня любя Л. . . . .
А любя Панночка Н. . . . .
И ябѣ радостью назвавъ!
Вона ошцу и справды радость!
А мащери — пощиха сладость!

Еще у нихъ якисъ Панянка
Богащя на имена,
Хшо называе Прасковьянка,
А хшо зове їи *Княжна*.
А хшо и вонѣ якъ называе:
Що будшо бы вона сїяе!
Дай Богъ їй добраго здоровья!
Тожъ добра Панночка Прасковья!

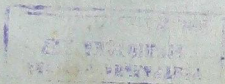
У Пана ѣ еще Паничикъ,
Его зовущъ вси *Сашурокъ*,
Моторный, шалоеливъ, якъ бисикъ,
Но буде умный парубокъ.
Ушь повѣ - Граммащики винъ знае,
И по Лащынському чинае!!
Хшо не шаливѣ, якъ бувъ малымъ?
Не треба щилько бушы злымъ.

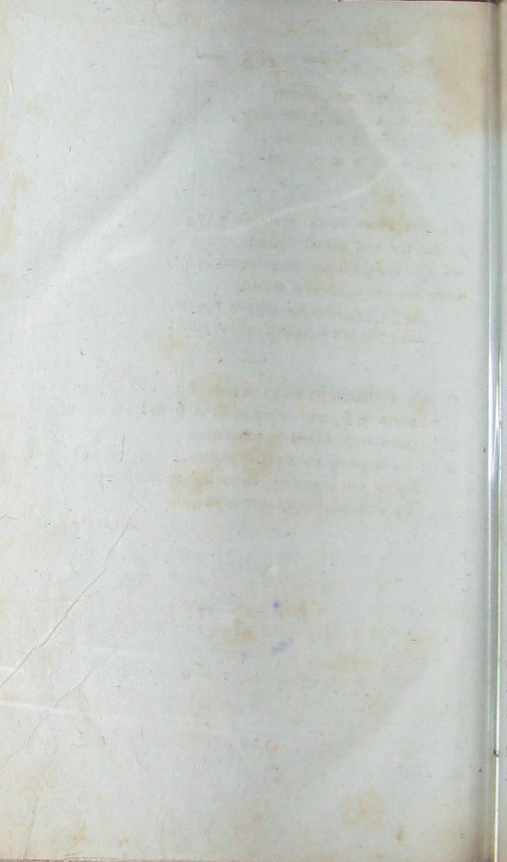
Я и великій та шалю;
Но злого сердца я не маю,
За то себя и почишаю,
За то себя я и люблю.

Панивъ сихъ вихъ я не забуду,
Колы бы вси таки булы!
За нихъ за всихъ молишься буду,
Що бы здоровенько жили!
Хиба мидвидемъ треба буты,
Що бы ихъ ласки позабушы!

О якъ вони мене кохали!
Не гось у нихъ — родный я бувъ!
Ще разъ прїхати прохали —
И я бы заразъ къ нимъ задувъ,
Хошь сю минушу сивъ на дрожки —
Та заняшый дилами шрошки.

Мслевъ.

Оглавление IIIй части.

	Стран.
1. Ушайда (претія пѣснь) -	3
2. Похвала Гроку -	9
3. Лиза Романиспъ (ловѣсть) -	14
4. Овенъ и Песъ (баснь) -	19
5. Езопъ -	20
6. Заморскій Улей -	21
7. Три Эпиграммы -	23
8. Къ лиценачершанію Гончаренка -	24
9. Ему же -	—
10. Рецешъ -	—
11. Спихи по прочненіи Сумарокова	25
12. Поэшь и Математикъ -	28
13. Въ день Ангела К. . . . . -	32
14. Элегія на потерю рожка -	35
15. Бывало и шеперь -	36
16. Заглавіе къ моимъ сочищеніямъ	59
17. Письмо Рускаго Солдата -	40
<i>Піесы Рускаго Солдата:</i>	
18. Нельзя безъ предисловія -	44
19. Лѣкаръ самъ къ себѣ -	45
20. Пролазъ -	47
21. Разговоръ при погребеніи -	50
22. Надпись къ Поршрешу -	—
<hr style="width: 20%; margin: 0 auto;"/>	
23. Письмо Баншамскаго Посланника	51
24. Бумага -	55

С м ъ с ъ.

	Стран.
25. Опъвъздъ Спуденша	- 59
26. Планъ Романа	- 61
27. Кеношафія	- —
28. Къ Порпрету Руск. Цицерона	—
29. Два бича рода челоѡъческаго	- 62
30. Воспоминаніе	- 63
<hr/>	
31. Ушайда (четвертая пѣснь)	- 67
32. Спихи по полученіи Докпорскаго достоинства	- 77
33. Ода 1816 года	- 78
34. Посланіе къ Эпикурейцамъ	- 80
35. Разладъ Омегина съ Зениповымъ	83
36. Орангушангъ и Лисица	- 85
37. На Миръ 1815 года	- 86
38. Ученоспъ въ парадѣ	- 89
39. Къ форшунѣ	- 90
40. Мерзилкинъ	- 93
41. Основаніе Харькова	- 95
<hr/>	
42. Письмо Рускаго Солдата	- 104
43. Хорошая и дурная нога	- 110

С м ъ с ъ.

44. Поэпъ въ станѣ Эпикурейцовъ	115
45. Маскированный опъвъспъ	- 122
46. Панегирикъ головѣ Ослова	- 123
47. Пѣснь Семейспву	- —

Кончина Х. Демокрита.

19263

~~26545401/100~~

